

Михаил Петров

Игорь-Северянин
In atrium post mortem

**опыт рецензии академического жизнеописания
великого русского поэта**

Таллинн. 2020

© 2019. Michael Petrov
petrov@infonet.ee

ОТ АВТОРА

Я не ставил своей целью переписать труд двух академических специалистов по Игорю-Северянину. Я всего лишь хотел показать, что жизнеописание могло быть более живым, более человечным, тем более, что биографического материала — море!
Вот только море это требует осмысления (навигации).

КОНКУРЕНЦИЯ

Со времён развития массовой печати дьявол поселился в типографской краске. Со мной он тоже сыграл злую шутку несколько лет назад: в подготовленный мной том прижизненных изданий Игоря-Северянина попал не вычитанный текст сборника «Вервэна». Меня отчасти извиняет только то, что на знакомство с тысячестраничной вёрсткой у меня было всего три часа. Еле успел ответить на вопросы редактора и теперь вся лажа на моей совести — *mea culpa*.

Предметом этой рецензии стал беспрецедентный случай в серии «Жизнь замечательных людей, когда фактически в течение одного календарного года в издательстве вышло сразу два жизнеописания одной и той же замечательной личности — русского поэта Игоря-Северянина.

Томик Н.Шубниковой-Гусевой и В.Терехиной вышел в большой серии, работа Владимира Бондаренко — в малой серии. Обе книги подписаны в печать в 2017 году с разницей меньше чем в полгода, но книга Бондаренко имеет датировкой 2018 год.

По слухам, Шубникова и Терёхина тормознули в издательстве публикацию готовой к печати книги Владимира Бондаренко, единственно ради приоритета – датировки своего тома 2017 годом. Если это правда, то поведение академических дамочек, мягко говоря, не спортивное.

ПРОБЛЕМА ЦИТИРОВАНИЯ

Оба исследования роднит безумное количество цитат с той только разницей, что Шубникова и Терехина банально нагоняют объем работы за счёт привлечения материалов, характеризующих не самого Игоря-Северянина, а его случайное окружение или контакты, не имевшие влияния на формирование личности поэта.

При этом бросается в глаза некритический подход к цитированию. Не выдерживающие никакой критики «воспоминания» Виктора Журова.

«Воспоминания» литератора Борисова о совместной службе с Игорем-Северяниным в армии могут быть использованы лишь в качестве литературного анекдота.

Собрание эмигрантских слухов и анекдотов из жизни Игоря-Северянина в Эстонии, изложенных поэтессой Одоевцевой, — весьма недостоверный источник даже со ссылкой на прямую речь самого Игоря Васильевича.

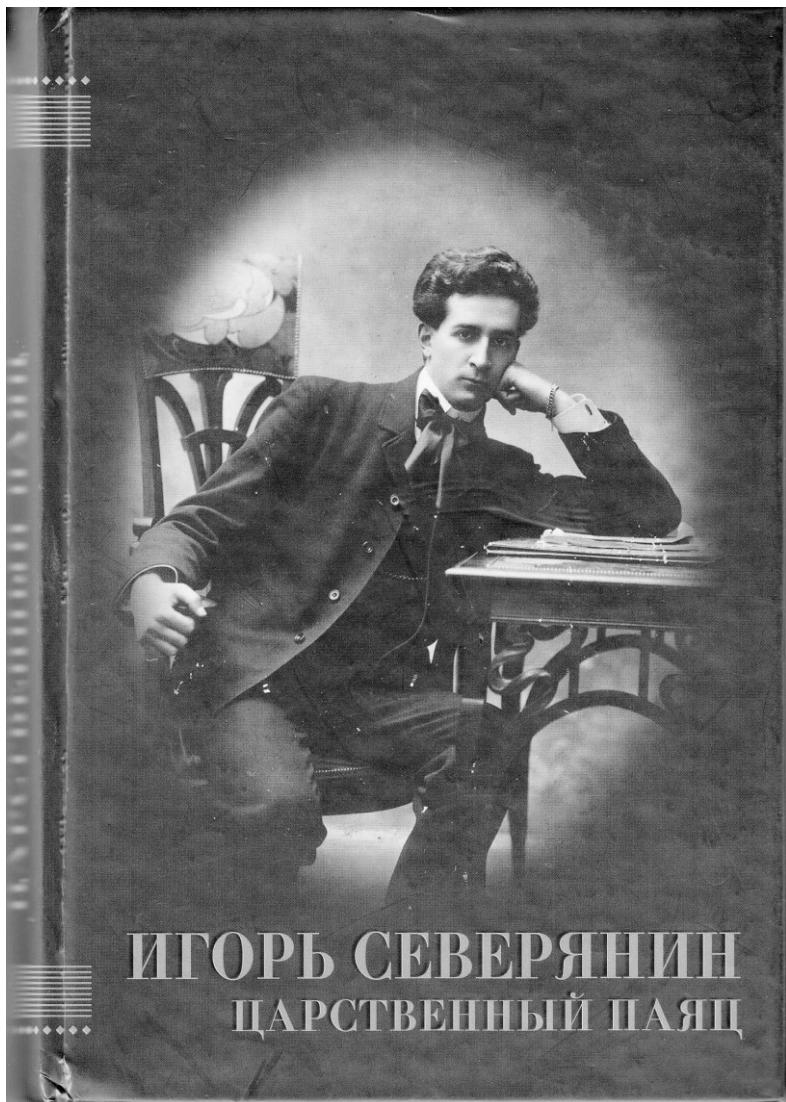
Альтернативная биография поэта в эстонский период жизни, сочинённая Юрием Шумаковым, — это беллетристика, а не мемуары.

Отдельно изумляют цитаты из Кошелева и Сапогова — создателей пятитомника произведений Игоря-Северянина, никогда не работавших в ЦГАЛИ (РГАЛИ), откуда ими взято практически всё неопубликованное при жизни поэта. Во всяком случае вы не найдёте в фондах архива формуляров, подписанных кем-либо из них.

Наконец, ссылки на «труды» Лазаря Городницкого — любителя, никогда не работавшего в государственных или частных архивах. По собственному признанию Лазаря Шаевича, когда однажды ему показали автограф Игоря-Северянина, он испытал ощущение пули в живот. И откуда только ему это знакомо?

Цитаты бывают столь обширны, что к концу текста перестаёшь понимать где всё ещё цитата, а где уже авторский текст.

Работа Бондаренко тоже грешит излишеством цитат, которые исследователь по неизбывной душевной доброте пытается хоть как-то примирить и состыковать между собой, старается при цитировании никого не обидеть критической оценкой. Лишь однажды он мягко не согласится с «мемуаристом» Юрием Шумаковым. И вот, что поразительно, если работа Шубниковой и Терёхиной — это скорее «сборник материалов к», чем цельное жизнеописание замечательного человека, то работа Владимира Бондаренко — это именно жизнеописание, причём очень личное, не утонувшее в цитатах и чужих оценках. Охотно рекомендую его к прочтению.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН ЦАРСТВЕННЫЙ ПЯЦ

*Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб, 2005.
Н.Шубникова-Гусева и В.Терёхина — составители, авторы
вступительной статьи и комментариев.
Фото на обложке — Виктор Журов
(Витторио Андога).*

Лидия Рындина и... Лидия Рындина

ИКОНОГРАФИЯ

Две академические дамы, имевшие в своём распоряжении все возможности, отнеслись к работе весьма небрежно. Однажды они уже умудрились поместить на обложке сборника материалов, посвящённых Игорю-Северянину портрет Виктора Журо́ва. Вот и в новой работе на вклейке находим портрет актрисы Лидии Рындиной, прямо скажем не самый комплементарный, обозначенный как портрет актрисы Ольги Гзовской. Неискущённый читатель после дифирамбов в адрес Гзовской, узрит на вклейке нечто противоположное заявленному авторами образу актрисы:

«В газете “Рижский курьер” отмечалось, что Гзовская — «воплощение женских чар. Прелестное лицо и фигура, скульптурные руки, манящий, богатый интонациями голос, разнообразие и редкая пластичность движений. Природные данные соединились с отличной техникой... Так же выразительно передаёт О.Гзовская и поэзу Северянина “Пляска Мая”».

В истории с портретом Гзовской сказалась общая небрежность составителей «жизнеописания». Известен дореволюционный портрет артистки МХТ госпожи Гзовской, но на фотографии, увы изображена актриса Лидия Рындина.

Обе они имели некоторое внешнее сходство, но сходство спорного портрета с Лидией Рындиной всё же очевидней: овал лица, разрез и форма глаз, отчасти причёска, сформированная лобной зальсистой, форма носа, выраженная носогубная складка, контур носогубной выемки, общая форма губ с характерно выдающейся верхней губой (ярко выраженная ортогнатная профилировка строения челюстей).

Во всяком случае осторожному исследователю следовало бы отказаться от публикации спорного портрета, поскольку на старых открытках тоже случались досадные опечатки. Имя Гзовской на спорном портрете процарапано иглой по пластинке с негативом, а на нём легко спутать персонажей.

Портрет поэта работы фотографа Двора Его Высочества князя Черногорского Елены Лукиничны Мрозовской, сделанный по заказу издательства В.Пашуканиса в 1915 году специально к тому же критику о творчестве поэта, зачем-то обрезан и помечен десятилетиями прошлого века. Портрет работы эстонского фотографа А.Парикаса, помещён без указания авторства и к тому же перевернут по горизонтали, так что папироса оказалась в левой руке. Тот же портрет на обложке ориентирован правильно.

На групповой фотографии Игоря-Северянина и Марии Волнянской, слева отрезан мужской персонаж. На известной фотографии Арсения Формаква 1926 года удалён трогательный автограф жене поэта Фелиссе.

Зачем тогда в справочных материалах есть указание на то, что Шубникова и Терёхина пользовались моей книжкой «Игорь-Северянин и его окружение в фотографиях и рисунках» (Нарва, 2008), сделанной специально для того, чтобы облегчить авторам датировку и легендирование северянинской иконографии?

Портреты Ходасевича, Цветаевой, Тэффи, Гумилёва с Ахматовой уместны всегда, но к близкому окружению Игоря-Северянина никакого отношения не имеют — просто занимают место на вклейке.

Интересно, на кого не хватило места: на Елену Новикову — знаменитую Мадлэну, которая принесла поэту всероссийскую славу, на Анну Воробьеву — не менее знаменитую Королеву, которая играла в башне замка Шопена, на холодную Цирцею Евдокию Штранделл, с которой у поэта был длинный «продуктовый» роман в Тойла, на таллинскую полупозтессу ИрБор — Ирину Борман, на кишинёвскую пассию Викторию Шей де Вандт, на спонсоров Софию Карузо и Августу Баранову, наконец, на жену по совести — Веру Борисовну Коренди. Она-то чем провинилась?

Ольга Гзовская, и это, без сомнения.

Спорный портрет в полном размере.

Мать Валерии Игоревны Елена Яковлевна Семёнова обозначена у Шубниковой и Терёхиной ещё и как Золотарёва — в переводе с языка родных осин Ассенизаторова. Когда-то давно директор Усть-Нарвского музея Кошелев записал со слов Валерии некоторые сведения о её родителях, Записка не авторизована, но вот что лежит на поверхности — явная описка: воспринятое Кошелевым на слух словосочетание «за Лотарёва» превратилось в Золотарёву (стр. 112). А теперь представьте себе шатенного трубадура, короля и грезёра в объятьях мадмуазель Ассенизаторовой. Убедительно? Пожалуй!

Про мужское окружение Игоря-Северянина я просто умолчу — космическая дыра! Не нашлось места даже для портрета верного оруженосца Георгия Шенгели.

Иконография в книге Владимира Бондаренко не в пример скромнее, и всё же она информативная и очень личная. Диссонансом выглядит только портрет Сталина. Понимаю, что бюджет издательства не резиновой, по сему и рукопись Бондаренко была урезана в пользу Шубниковой и Терехиной, а вклейка с фотографиями так и вовсе собрана по остаточному принципу.

Забавно, что фокус с приоритетом сработал: в книге добрейшего Владимира Григорьевича есть ссылки на «приоритет» двух дамочек, а вот у них, ссылок на Бондаренко, разумеется нет.

ИСТОРИЯ СОФИИ ШАМАРДИНОЙ

Едва открыв томик Шубниковой и Терёхиной, я споткнулся о «воспоминания» Владимира Сидорова (Вадима Баяна), в которых двадцатилетний Маяковский покровительственно называет старшего по возрасту — двадцати шести летнего Игоря-Северянина *деткой*. В 1914 году оба они ещё в том возрасте, когда разница в возрасте даже в парутройку лет имеет значение, а тут унижительное для Игоря-Северянина и, главное, не свойственное Маяковскому — обращение «детка»!

Ко времени совместного турне по Югу России в начале 1914 года Игорь-Северянин — признанный поэт, восходящая звезда, автор множества опубликованных стихов и шумевшего сборника «Громокопящий кубок». Маяковский же автор рукописной книжечки «Я», состоящей из четырёх стихотворений и литографированной в количестве 300 экземпляров. В этой связи крайне сомнительна телеграмма, якобы полученная Сидоровым от Игоря-Северянина, в которой он называет автора четырёх стихотворений гением. Два гения в одном турне — явный перебор. Авторских пояснений Шубниковой и Терёхиной к этому фрагменту из воспоминаний Сидорова нет.

А между тем история тёмная. 18 декабря 1913 года Маяковский уговаривает Игоря-Северянина взять его с собой в турне по Югу России, и на следующий день после Рождества — 26 декабря они срываются из Петербурга в Симферополь. И ведь тут важна дата: по 7 января (ст.ст.), т.е. по праздник Крещения Господня в России запрещены все зрелищные мероприятия. Куда и зачем сорвались два гения?

Кое-что в ситуации проясняет замечание Маяковского, сделанное им Ивану Грузинову, о том, что только в Харькове он понял, что Игорь-Северянин глуп. Маяковский в панике бежит из Москвы, потому что общая для двух молодых людей любовница София Шамардина залетела от него. Вот почему Игорь-Северянин, не подзревающий о связи Маяковского с Шамардиной, глуп.

Важно ли это обстоятельство для жизнеописания Игоря-Северянина? Полагаю, что да, ибо оно позволяет лучше понять его отношения и с Шамардиной и с Маяковским. Шамардина была женщиной Игоря-Северянина, пока Маяковский не увёл её лёгкой рукой прямо с совместного выступления. Он издевается над Игорем-Северяниным потому что тот, условно говоря, рогоносец и при этом ни о чём не догадывается, а, значит, глуп. Замечание Бенедикта Лившица о том, что российский футуризм в ту пору переживал эпоху матриархата, вполне справедливо.

И вот вопрос: зачем эту недосказанную и необъяснённую историю с весьма скользким подтекстом Шубникова и Терёхина выносят во времена детства и юношества будущего поэта? (стр.11)

Эпизод с «деткой» иллюстрирует отношение Маяковского к стихам Игоря-Северянина, которые он переиначивает, что называется, на лету, приспособливая к разным житейским ситуациям. В мемуарной литературе есть несколько упоминаний о том, что Маяковский знал наизусть множество стихов Игоря-Северянина, но в посмертной описи его личных библиотек нет ни одной книги «глупого Северянина». Или их там не было вообще и тогда начитанность и феноменальная память Маяковского — враньё мемуаристов.

Если применить к ситуации библиотечный тест Троцкого-Бухарина, книги и упоминание о книгах Игоря-Северянина могли быть изъяты накануне 1940 года, когда Маяковского вернули публике. Когда публике вернули Игоря-Северянина, вернуть его книги в библиотеку Маяковского просто забыли.

Похоже, что к Маяковскому Шубникова и Терёхина не заглядывали, ограничившись недостоверным свидетельством Сидорова. А ведь как просто было дойти до музея Маяковского или заглянуть в РГАЛИ...

Документального подтверждения того, что будущий поэт в детстве был окружён няньками и боннами нет (стр.12).

Об одной единственной бонне упоминает сам поэт, а нянька Мария Неупокоева — Дур-Маша, прошла с ним по жизни и, судя по всему, упокоилась в двадцатых годах прошлого века на сельском кладбище в Тойла. Право слово, авторам стоило заглянуть в фонды Пушкинского дома, где хранятся открытые письма Неупокоевой.

ПСЕВДОНИМ ПОЭТА

Уже с 8 страницы Игорь Васильевич Лотарёв — *Игорь Северянин* и даже просто *Северянин*, хотя разговор о его псевдонимах начнётся только на странице 30 и продолжится затем на 38-й:

«Несомненно, и автор, и Фофанов использовали слово “Северянин” в его прямом значении — житель северных краёв. Словосочетание “Игорь-Северянин” означало констатацию этого факта, то есть приложение «Северянин» являлось уточняющим определением и указывало на особое значение Русского Севера в жизни и творчестве поэта (сравнимо с распространённым уточнением фамилий писателей: Мамин-Сибиряк, Новиков-Прибой)».

Чтобы понять и правильно оценить соображения Шубниковой и Терехиной, нужно обратиться к весьма недостоверным воспоминаниям литератора Леонида Борисова, который донёс до нас некоторые мысли Игоря-Северянина, хотя и в сильно искажённом виде:

«— Начинают не поэты, а стихотворцы, то есть люди, которые всего лишь умеют рифмовать и даже, может быть, знают все правила стихосложения. Поэт начинающим не бывает, он берет сразу, как лошадь, с места, и пишет — как взял, так и пошёл, вот как человек с тяжёлой ношей. Где же он начинает и где по-настоящему работает? Спорно, по-вашему? А, по-моему, все понятно».

Шубникова и Терёхина прошли мимо этого пассажа, главная мысль которого: поэт не бывает начинающим. Прошли, потому что не критически отнеслись к текстам Борисова, потому что их интересовала история злоключений рядового Мерси, а не Игоря-Северянина. История юношеских псевдонимов Игоря-Северянина ясно говорит о том, что в его жизни был ученический период, окончание которого пришлось на знакомство с Константином Фофановым, безоговорочно признавшим в нём собрата по перу — великого русского поэта.

Изначальная функция псевдонима, т.е. прозвища, призванного скрывать имя данное при рождении — это защита от магического воздействия, в нашем случае от буйной российской критики. И не случайно

у поэта было правило не отвечать на критику прозой. Смена случайных псевдонимов на основной символизирует акт инициации: был ученик, стал поэт. Наконец, третья функция псевдонима Игорь-Северянин не просто констатация факта — житель северных краёв, — а формула личной мифологемы, т.е. способа описания образов окружающего мира, характеризующегося глобальностью и универсальностью. Существует только то, что включено в мифологему, то, что она описывает — личную гениальность потому что это не поддающееся тиражированию безумие, отношения с женщинами, пароход, моноплан, экипаж, ветропросвист экспрессов, крылолёт буеров, телефон, телеграф, et cetera.

Уникальность псевдонима Игорь-Северянин — это и есть та единственная причина, по которой нельзя опрощать псевдоним до имени и фамилии. Кому как, а для меня так это ясно, как простая гамма.

Дефис в псевдониме поэта Игорь-Северянин Шубникова и Терёхина опускают намеренно, опрощая роскошный даже по меркам Серебряного века русской поэзии псевдоним до имени и фамилии. А ведь это и свидетельство инициации, и оберег, и личная мифологема одновременно. Возможно, Шубникова и Терёхина этого не знают? Впрочем, к вопросу о псевдониме мы вернёмся чуть ниже, а пока...

ДОМА НА ГОРОХОВОЙ И ПОДЪЯЧЕСКОЙ

Детство будущего поэта закончилось со смертью сводной сестры Зои, что Терёхина и Шубникова не преминули отметить:

«Последним радостным воспоминанием была свадьба сводной сестры Зои, но жених, приятель отца, сыграл поистине роковую роль в судьбе Игоря и его матери. Вначале “посоветовал” отцу забрать сына с собой в Сойволу, а после внезапной смерти от менингита Зои в 1907 году лишил их собственного дома генерала Домонтовича на Гороховой, завещанного дочери». (стр.15)

Право собственности основано на трёх составляющих — праве владеть, праве пользоваться и праве распоряжаться. Если генерал Домонтович передал или завещал дом на Гороховой в собственность дочери Зои, то, разумеется со всеми правами собственника.

Про Игоря генерал знать ничего не знал и знать не мог. Юридически дом на Гороховой никогда не принадлежал вдове и её сыну от второго мужа. Правда в том, что в доме номер 66 по улице Гороховой Игорь Васильевич Лотарёв родился и жил некоторое время в младенческом возрасте. И это всё.

СПб. Гороховая, 66. Современное фото.

Вероятно, авторы имеют в виду доходный дом номер 5 по Средней Подъяческой, принадлежавший родственникам матери по линии Домонтовичей, в котором она с сыном имела приличную квартиру и которой как будто лишились со смертью Зои. Адрес, по которому Игорь-Северянин принимал поклонниц — Средняя Подъяческая 5 квартира 8, и это вообще отдельная история.

Вообще не критическое отношение к тестам, в том числе к текстам самого Игоря-Северянина часто приводит к тому, что авторы вводят читателя в блудняк. Так на 42-й странице мельком упомянуто письмо Игоря-Северянина к Фофанову, в котором есть упоминание о даче во дворце Павла I:

«Живём мы теперь во дворце Павла; приехала мама с прислугой. Комнат много (17), и мы можем удобно устроиться; мы же пока занимаем две комнаты».

На странице 124-й приведено письмо к Лидии Рындиной, в котором есть такой авторский пассаж:

«Лето 1914 года Северянин уже восьмой год проводит на мызе “Ивановка”, где снимает дачу в Охотничьем дворце Павла I, откуда продолжает писать письма Лидии Рындиной. В письме от 6 августа 1914 года он сообщает:

«Дворец» в Пудости. Фото автора. 1999 год.

Автор в компании Ирины Рыженко (слева) изучает культурный слой под окном «дворца». Фото 1999 года.

“Я занимаю 6 больших комнат дворца, кухню, 4 кладовки и веранду. 2 хода. 200-летний парк с кедрами, пихтами, грибами, урнами, эстрадами. Дивная форелевая прозрачная река. Мельница. Водопад. Тень Павла I везде и во всем. Работается прекрасно”».

Мне в таких случаях вспоминаются строки Саши Чёрного, обращённые к критику:

Когда поэт, описывая даму,
Начнёт: «Я шла по улице. В бока впился корсет»,—
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт — мужчина. Даже с бороною.

Летом 1999 года вместе с научным сотрудником Гатчинского музея Ириной Рыженко в Пудости на территории мызы «Ивановка» я нашёл вне территории дворцового парка последнее гатчинское строение начала XIX века, облицованное жёлтым парицким камнем — путевой (охотничий) домик Павла I: фундамент и три стены. Могу засвидетельствовать, что ни о каких 17 или даже 6 комнатах с кухней и четырьмя кладовками и речи быть не может. В советское время здесь была ветеринарная лаборатория, занимавшая всё одноэтажное здание целиком — одну большую комнату с печкой размером около 30 квадратных метров. Увы, стен уже нет, но фундамент как будто ещё остался.

Возможности снимать дачу в большом охотничьем домике Павла I на территории дворца у Игоря-Северянина не было и быть не могло, поскольку строение было утрачено ещё в 19 веке. Семнадцати комнат не насчитать даже у его приятеля на водяной мельнице Штакеншнейдера, что на противоположном берегу Ижорки, а вот на его же огромной «Розовой даче» — это пожалуй ста. В 1999 году на даче ещё жила одинокая бабушка, хотя строение, охраняющееся государством, уже разбирали на дрова.

Понимаю, что и это такая же мелочь, как опрощённый псевдоним, но из таких мелочей вы складываете жизнь замечательного, но совершенно чужого вам человека. Помните, как это у Игоря-Северянина:

«Если о живом человеке осмеливаются писать таким гнусным тоном небывалые гнусности, забывая об ответственности, о что же способны написать о мёртвом, не могуем оправдаться?»

Наконец, о необходимости критического подхода к текстам самого Игоря-Северянина. Погружение в биографию поэта я начинал с его текстов, потому что в конце 80-х годов прошлого века многое из мемуарной литературы ещё не было опубликовано. Группировал стихи по датам и указаниям на место создания, искал повторяющиеся сюжеты и характеристики героинь, сравнивал с архивными материалами и доступными документами. Многократно проверял и перепроверял, выстраивая хронику жизни.

В девяностых случился обвал биографических материалов, спровоцированный публикацией писем поэта к Августе Барановой. В начале двухтысячных накрыла лавина мемуарной литературы, в которой каждый автор врал, как очевидец — есть такая юридическая оговорка. Следующий вал случится, когда будут опубликованы собранные о Сергеем (Положенским) письма Игоря-Северянина к разным его заграничным знакомым. Без этих писем, хранящихся в Швеции, любое жизнеописание поэта в эмиграции будет неполным, чтобы не сказать ущербным.

Теперь я держу в уме замечание Георгия Шенгели, хотя когда-то сомневался в нём:

«Игорь обладал самым демоническим умом, какой я только встречал. (...) Вы знаете, что Игорь никогда (за редчайшими исключениями) ни с кем не говорил серьёзно? Ему доставляло удовольствие пороть перед Венгеровым чушь и видеть, как тот корёжится “от стыда за человека”. Игорь каждого видел насквозь, непостижимым чутьём, толстовской хваткой проникал в душу и всегда чувствовал себя умнее собеседника, — но это ощущение неуклонно сопрягалось в нём с чувством презрения. (...) Вы спросите, — где гарантия, что и меня не рядил он в дураки? Голову на отсечение не дам, — но очень думаю, что это было не так».

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ДИЛЕТАНТАМ

Разбирая жизнеописание замечательного человека Игоря-Северянина в исполнении Шубниковой и Терёхиной, боюсь заикнуться на вычёрсывании блох. Повествование скачет от сюжета к сюжету, время перетасовано словно карты в колоде. Напоминает «воспоминания» последней сожительницы поэта Веры Борисовны Коренди, использовавший тот же полемический приём. Когда старушка хотела проиллюстрировать мысль, которая владела ею сиюминутно, она легко сдвигала временные пласты и тасовала между собой любые события.

Кстати о времени и календарных датах. Хорошо, когда в тексте есть авторское указание на принцип использования календарей. Для первых двух десятилетий прошлого века — это просто необходимо. Желательно также, чтобы хронологическая канва была близка к естественной. Например, в работе Шубниковой и Терехиной похороны Врубеля (3 апреля 1910 года) и похороны Фофанова (20 мая 1911 года) разделяет не просто календарный год, а 20 страниц текста! Похороны Фофанова на 44-й странице, а похороны Врубеля на 64-й!

Попутно два замечания. Первое касается отношения к материалу: есть разница между профессиональным и, условно говоря, дилетантским подходом к материалу. Профессионала устраивает академический подход к событию — главное, чтобы всё было оформлено по правилам. Академическое оформление освобождает от необходимости искать личные впечатления и проверять их. Для дилетанта в этой песне священен каждый слог, поэтому он поедет на кладбище Новодевичьего монастыря и на отшибе найдёт обе могилы — шикарное многотонное надгробие Врубеля и более чем скромный — но такой близкий дилетантскому сердцу цветник на могиле Фофанова.

Из текста Шубниковой и Терёхиной явствует, что на кладбище они не были и свечу на могиле Фофанова не затеплили. И в Пудости на развалинах охотничьего «дворца» Павла I не были, поэтому легко запустили в оборот феньку, про дачу нищего поэта в 17 комнат и 4 кладовых в императорском дворце.

Второе замечание вновь касается не критического отношения к цитируемым текстам. У Шубниковой и Терёхиной находим:

«20 мая, когда Фофанова хоронили, Северянин вышел к могиле и прочёл стихи, которые критик Измайлов назвал “простыми и трогательными”.

*Милый Вы мой и добрый! Ведь Вы так измучились
От вечного одиночества, от одиночного холода...» (стр.44)*

Начнём с того, что Измайлов на похоронах Фофанова не присутствовал и слышать этого стихотворения никак не мог, но в рецензии соврал, как очевидец:

«Игорь Северянин платил ему явным обожанием, и я мог видеть, что смерть Фофанова потрясла его. Когда К.М. хоронили, И.С. вышел к могиле и прочёл простые, но задушевные и трогательные стихи:

*Милый вы мой и добрый! Ведь, вы так измучились —
От вечного одиночества, от одиночного холода...»*

Фокус в том, что стихотворение «Над гробом Фофанова» имеет неопределённую датировку — май 1911, что в случае Игоря Северянина говорит о многом. Например, о том, что оно не могло быть написано ни накануне, ни в день похорон. В противном случае оно имело бы точную датировку — Игорь Васильевич был педант, особенно в том, что касалось творчества.

*СПб. Кладбище Новодевичьего монастыря. Могила Михаила Врубеля.
Слева на заднем плане обелиск на могиле Фофанова.*

Автор у могилы Константина Фофанова.

Так что критик Александр Измайлов увидел понравившиеся ему строки только в 1913 году в сборнике «Громокипящий кубок».

Ещё разок сошлось на сатиру Сашу Чёрного «Недержание», содержание которой в каком-то смысле применимо и к Игорю-Северянину тоже:

У поэта умерла жена...
Он её любил сильнее гонорара!
Скорбь его была безумна и страшна —
Но поэт не умер от удара.

После похорон пришёл домой — до дна
Весь охвачен новым впечатленьем —
И спеша родил стихотворенье:
«у поэта умерла жена».

ТАЙНА ЗНАКОМСТВА ДВУХ ГЕНИЕВ

Вопрос знакомства с Маяковским, который как мы помним был заявлен уже на 11 странице, возникает на странице 77, но, повиснув в воздухе, вновь возникает на странице 125. История одна, а размазана по столу как манная каша.

Вариантов всего три: знакомство в Москве в ресторане «Бар» — версия Шершеневича; знакомство в петербургском ресторане «Вена» — версия Лившица, оборванная авторами в кабинете Кульбина; наконец, знакомство неизвестно где, но при посредничестве Софии Сергеевны Шамардиной.

Игорь-Северянин, поражая нечаянной забывчивостью, написал в очерке «Моё о Маяковском»:

«Странно: теперь я не помню, как мы познакомились с Володей: не то кто-то привёл его ко мне, не то мы встретились на одном из бесчисленных вечеров-диспутов в СПб. (...) ... Я теперь жалею, что в своё время недооценил его глубинности и хорошесть (...) Мешали мне моя строптивость и заносчивость юношеская, самовлюблённость глуповатая и какое—то общее скольжение по окружающему. В значительной степени это относится к женщинам. В последнем случае последствия иногда были непоправимыми и коверкали жизнь, болезненно и отрицательно отражаясь на творчестве».

Ещё до того, как Игорь-Северянин познакомился с Владимиром Маяковским, в его жизнь вошла юная слушательница Бестужевских курсов София Сергеевна Шамардина. Одним из хмурых сентябрьских дней 1913 года Сонка легко и непринуждённо перешагнула порог квартиры поэта на Средней Подъяческой, 5. Давайте вместе восхитимся тому, как это вхождение описано в романе «Колокола собора чувств»:

И мы в любовь, как в грезоломню,
Летим, подвластные лучу
Необъяснимого влечения,
И, может быть, предназначенья,
Повелевающей судьбы,
Её покорные рабы.

Шамардина тоже претендует на то, что именно она познакомилась Игоря-Северянина с Маяковским. Однако София Сергеевна благо-разумно умолчала о конкретных обстоятельствах знакомства двух поэтов:

«Маяковский знал, что я встречаюсь с Северяниным, и часто издевался надо мной по этому поводу. Футуристом он его не считал никаким и отзывался о нем не очень лестно, хотя и удостаивал иногда лёгкой похвалы».

Версия Шамардиной кажется Шубниковой и Терёхиной наиболее подходящей, поэтому они и оборвали наиболее достоверные воспоминания Бенедикта Лившица на пристальном взоре Кульбина:

«Пригласив к себе Маяковского и меня, он познакомил нас с Северяниным, которого я до тех пор ни разу не видел. Северянин находился тогда в апогее славы. (...) Маяковскому, как я уже упоминал, нравились его стихи, и он нередко полуиронически, полусерьёзно напевал их про себя. (...) Мы сидели вчетвером в обвешанном картинами кабинете Кульбина, где кроме медицинских книг, ничего не напоминало о профессии хозяина. Беседа не вязалась. Говорил один Кульбин, поочерёдно останавливая на каждом из нас пристальный взор». (Стр. 78-79)

Что ж, я продолжу оборванную дамочками цитату из «Полутораглазого стрелъца»:

«Однако выгоды от этого блока представлялись нам незначительными. Мы медлили, так как торопиться было незачем. Тогда Кульбин предложил поехать в "Вену", зная по опыту, что в подобных местах самые трезвые взгляды быстро теряют всякую устойчивость. Действительно к концу ужина от нашей мудрой осторожности не осталось и следа. Кульбин торжествовал (...) Неделю спустя мы уже выступали совместно в пользу каких-то женских курсов».

СПб. Женский медицинский институт.

Место, в котором завязалась интрига двух поэтов с Софией Шамардиной.

Лившиц, единственный из трёх очевидцев, у кого есть конкретная деталь знакомства: первое совместное выступление Игоря Северянина и Владимира Маяковского состоялось 2 ноября 1913 года в зале Петербургского женского медицинского института (Высшие женские курсы). На этот концерт Игорь-Северянин пришёл с Шамардиной, а ушёл с ней Владимир Маяковский.

Мимо Бенедикта Лившица и его *полутораглазого стрелка* Шубникова и Терёхина в своём жизнеописании проехали, а зря:

«Никакие неологизмы, никакие «крем-де-мандарины», под прикрытием которых напознал на нас этот квантунский пласт культуры, не могли ввести ни меня, ни Маяковского в заблуждение. Но рецидив девяностых годов до того был немислим, их яд до такой степени утратил свою вирулентность, что перспектива союза с Северяниным не внушала нам никаких опасений.

Однако выгоды этого блока представлялись нам слишком незначительными. Мы медлили, так как торопиться было незачем. Тогда Кульбин предложил поехать в «Вену», зная по опыту, что в подобных местах самые трезвые взгляды быстро теряют всякую устойчивость. Действительно, к концу ужина от нашей мудрой осторожности не осталось и следа.

Кульбин торжествовал. Он размяк от умиления и договорился до того, что в лице нас троих, отныне, несмотря на все наши различия, тесно спаянных друг с другом, он видит... Пушкина. За Пушкина обиделся я один: и Северянин и Маяковский явно обиделись каждый за себя. Но новорождённый союз выдержал это первое испытание.

Неделю спустя мы уже выступали совместно в пользу каких-то женских курсов». (Б.Лившиц. Полутораглазый стрелец. Ленинград, 1933)

В академическом жизнеописании поэта этот пласт пропущен. Однако мы-то знаем, что знакомство Софии Шамардиной с Игорем Северяниным произошло в марте 1913 года в Минске. На совместное выступление с футуристами поэт пришёл в сопровождении Шамардиной, а ушла она с Маяковским. Капризный говорун Корней Чуковский в начале шестидесятых годов рассказывал Зиновию Паперному историю знакомства Шамардиной и Маяковского, в которой именно он привёл Шамардину посмотреть на настоящих футуристов:

«Они с Маяковским сразу, с первого взгляда, понравились друг другу. В кафе он расплёл, рассыпал её волосы и заявил:

— Я нарисую Вас такой!

Мы сидим за столиком, они не сводят глаз друг с друга, разговаривают, как будто они одни на свете, не обращают на меня никакого внимания, а я сижу и думаю: что я скажу её маме и папе?»

По словам Чуковского, волшебная ночь знакомства закончилась в каморке Велемира Хлебникова, которого Маяковский заставил спросонья читать стихи. Так что история Софии Шамардиной — это не случайная интрижка, а то, что прозорливо подметил соучастник событий Бенедикт Лившиц — апофеоз матриархата в футуризме:

«Девушка оглянулась и, увидав посторонних, смутилась. Северянин взял из рук гостьи цветы и усадил её рядом с нами. Через четверть часа — ещё одна поклонница. (...)

Мы свирепо молчали, только хозяин иногда издавал неопределённый носовой звук, отмечавший унылое течение времени в склепе, где томились пять человек. Маяковский пристально рассматривал обеих посетительниц, и в его взоре я уловил то же любопытство, с каким он подошёл к папкам с газетными вырезками, грудю высившимся на полу. Эта бумажная накипь славы, вкус которой он только начинал узнавать, волновала его своей близостью. Он перелистывал бесчисленные альбомы с наклеенными на картон рецензиями, заметками, статьями и как будто старался постигнуть сущность загадочного механизма “повсесердных утверждений”, обладатель которого лениво-томно развалился на диване в позе пресытившегося падишаха.

Слева направо: Осип Мандельштам, Корней Чуковский, Бенедикт Лившиц и Юрий Анненков. Проводы Лившица на фронт. Фото Карла Буллы. 1914 год.

В том, как Маяковский прикасался к ворохам пыльной бумаги, в том, как он разглядывал обеих девушек, была деловитость наследника, торопящегося ещё при жизни наследодателя подсчитать свои грядущие доходы. Популярность Северянина, воплощённая в газетных вырезках, в успехе у женщин, будила в Маяковском не зависть, нет, скорее — нетерпение.

Эта нервная взвинченность не оставляла его и на концерте, превратившемся в турнир между ним и Северяниным. Оба читали свои лучшие вещи, стараясь перецеголять друг друга в аудитории, состоявшей сплошь из женщин. Инициатива вечера принадлежала, если не ошибаюсь, Северянину: эти курсы были одним из мест, где он пользовался неизменным успехом. Русский Футуризм всё ещё находился в стадии матриархата». (Ibid.)

Разумеется, в тот вечер Шамардина понятия не имела об инициативе генерала Кульбина и пьянке в ресторане «Вена», предшествовавшей совместному выступлению на женских курсах.

София Сергеевна Шамардина.

Сам Северянин ушёл с выступления с поэтессой Валентиной Солнцевой (Газдевич). И здесь ещё одна загадка: не исключено, что в тот вечер юную поэтессу Солнцева привёл на курсы Маяковский. А иначе сложно объяснить, как Солнцева всего через полтора месяца окажется «невестой на двоих». При этом я напомним, что, согласно классической версии, Газдевич была занята продажей программ предстоящего совместного выступления Игоря-Северянина и московских кубофутуристов.

ДОН-ЖУАНСКИЙ СПИСОК

То, что я собираюсь сказать дальше будет ужасной грубостью и пошлостью, но не спешите с выводами, просто прочтите до конца.

Женщины в окружении Игоря-Северянина — это даже не полусвет, а тёмная материя на окраинах галактики. В донжуанском списке Игоря-Северянина нет ни одной дворянки, ни одной писаной красавицы, ни одной публично значимой фигуры.

Итак, платонические романы не в счёт. Первая настоящая любовь Злата — швея из дворницкой, затем целый ряд женщин с пониженной социальной ответственностью — сестрички Дина Г. и Зина Г., кума Матрёша, Инстасса, мисс Лилль, Карменсита, Синьора За, актриса Рындина, таинственная Гризельда, Анна Воробьева и её сестра Violette, курсистка Шамардина, «поэтесса» Гадзевич, замужняя дама — Елена Новикова. Длительные связи — санитарка Елена Семёнова, певичка Мария Волнянская, жена лавочника Евдокия Штранделл, поэтесса ИрБор — Ирина Борман, певичка Виктория Шей де Вандт, «поэтесса» Берникова. При этом пять пар сёстер — Злата и Лиза, Дина и Зина, Анна и Violett, Ирина Борман с подкатом к её младшей сестре Антонине. Вера Коренди с подкатом к её младшей сестре Валерии. Вероятно, поэт искал в младших сёстрах, то чего не находил в старших

Но все эти женщины писанные красавицы, скорее, наоборот — у всех у них есть какие-то изъяны вроде заметного лупоглазия у Рындиной или тяжёлой, бульдожьей нижней челюсти у Воробьевой, но все они так или иначе — любили и были любимы:

В душистом сумраке собора,
Под тихий, мерный перезвон,
Лампады нежности у взора
Глубокочтимых мной икон.
Но прежде, чем иконным ликом
Отпечатлеться на стене,
Живущая встречала криком
Любви меня и шла ко мне
Доверчиво, порывно, прямо,
Всё отдавая, ничего
Взамен не требуя. Для храма
Она отныне — божество.
Мои возлюбленные — ныне
В соборе вечных чувств моих

Почили в мире, как богини.
И перед ликами святых
Клоню благоговейно стих
И поклоняюсь их святыне.

Игорь-Северянин ни о ком из своих женщин не отзывался с обидой, никого не унижал и не оскорблял *post factum*. Исключая сатиру на Анну Воробьёву и то после того, как в 1923 году на гастролях в Гельсингфорсе случился конфликт между ней и его молодой женой Фелисой.

В тиши я совершаю мессы,
Печальный траурный обряд,
И все они, мои принцессы,
Со мной беззвучно говорят.
И чем звучней беззвучный шопот,
И чем незлобивей слова,
Тем тяжелее мне мой опыт
Уничтоженья божества...
Но стоны муки прерывая,
Так гулко, что трепещет мгла,
Поют, что мёртвая — живая,
Собора чувств колокола!

И оживлённые иконы
Изнедриваются из рам, —
И все мои бывшие жены
Толпою заполняют храм.
И молвят речью голубою,
Приемля плоть, теряя прах:
— «Обожествлённые тобою,
Мы обессмертены в веках...
За это нет в нас зла и мести:
Пей всепрощенье с наших уст»...
И вторят им, сливаясь вместе,
Колокола собора чувств.

Разумеется, у меня есть объяснение этой галактической нежности, но ещё раньше меня и афористичнее высказался эпигон Игоря-Северянина Александр Вертинский:

Я могу из падали создавать поэмы,
Я люблю из горничных — делать королев.

Деланье из горничных (падали) королев — это и есть одна из главнейших функций мифологемы Игоря-Северянина, и он блестяще с этим справился. По мудрому замечанию Глеба Шульпякова, если остальные поэты талантливо раздевают своих королев, то Игорь-Северянин их талантливо одевал, что странно замечу я от себя.

При этом всероссийская внесловная слава: читают в будуарах в дортуарах, в гостиных и борделях, даже в дворницких. Обстоятельство это чрезвычайно смущает академических жизнеописателей. Но это и есть та причина, по которой все неразборчивые связи поэта стыдливо заносят в ритуал поклонения неким *лаурам*, т.е. существам не вполне реальным и даже мифическим.

Для Шубниковой и Терёхиной женщины Игоря-Северянина именно *лауры*. Между тем в стихах Игоря-Северянина нет ни одной, выдуманной героини, разумеется, кроме вспомогательных персонажей. Есть придуманные обстоятельства и фантастические наряды, но нет придуманных женщин. Становясь частью мифологемы, женщина делает реальным всё, чем окружило её воображение поэта.

Мне лень вычёсывать блох из коллективного воображения Терёхиной и Шубниковой по поводу *северянинских лаур*, поэтому я тупо перечислю стихотворные посвящения.

Евгений Тимофеевнe Гуцан (Меннеке) – первой любви поэта Злате посвящено: Лепестки роз жизни, Аккорд заключительный. «Не грусти о моем охлажденьи...», «Наша встреча — похороны дней...», Сонет. («Как скоро солнце отсветило...»), Сонет. («Я полюбил её зимою...»), Лепестки оживают, Злата, «Я бы дорого дал за прощенье твоё...», «О, мне поверь, желанная: далеке, Ея сестра, Перекат. II, Вернуть любовь, Простить? Никогда! «Прохожей», Звено любви, Не верь. На мотив Гейне, Ея монолог, Не понять, Триолет («В протяжных столах самовара...»), Поэзия мещанки, Это сон или бред?.. Рондо, Мечь, Встречать выхожу, Вальс, А если нет? Евгения, Орешек счастья, Один бы лепесток, Спустя пять лет, Стансы, И ты шёл с женщиной, Портниха, Ненужное письмо, Из «Писем к первой», Лучезарочка, Дороже всех.

Близкой знакомой поэта **Елене Новиковой**, — **Мадлэне** посвящено: В берёзовом котэдже, Янтарная элегия, Это все для ребёнка, В грехе — забвенье, Элегия, Интима, Версеусе осенний, В очарованьи, Песенка-весенка, Посвящение, Примитивный романс, Лесофея, Весенние рондели, Поэза истребления, Романс III, Кладбищенские поэзы, Поэза для Мадлэны, Лунные блики. Сицилианы I. Упомянута в «Падучей стремнине».

Шамардина, София Сергеевна — Сонка, сценическое имя Эсклармонда Орлеанская, мемуаристка. Ей посвящено: Сердцу девьему, В коляске Эсклармонды, Никчемная, Жуткая поэза, Владимиру Маяковскому, она действующий персонаж в «Падучей стремнина» и в «Колоколах собора чувств».

Близкая знакомая поэта **Анна Воробьёва, она же А.В., Северянка, Королева**, после революции жила в Керава (Финляндия). Ей посвящены: Полярные пылы, Сонет «Мы познакомились с ней в опере...», Ах, автор..., Призрак, Это было у моря, Королевочке, Марионетка проказ, Сонаты в шторм, «Поклонница», Невесомая, И было странно её письмо, В пространство.

Гражданская жена поэта с 1915 по 1920 годы, певица **Мария Васильевна Волнянская (Домбровская)**, сценические имена Балькис Савская, Королева Миррэльская, Ингрид Стэрлинг, Муза музык, Муринька. Ей посвящено: Встреча предначертанная, Поэза маковых полей, Муринька, Тринадцатая наяву, Не по любви, Красота предсмертная, Поэза моего бесправия, Все хорошо в тебе, Тринадцатая встреча, Поэза тебе, Примитива, Поэза о барашках, Утро дня Святого Духа, Маленькая девочка скучает, Поэза о Гогланде, Поэза счастья, Ах, все мне кажется... Поэза предупреждения, Поэза безнадежия, Поэза успокоения, Поэза голубого вечера, Скорбь, прорезающая, Трехцветный триолет, Что за счастье! Два триолета, Больная поэза, Томление бури, Поэза удивления, Пленница лилии алой, Летняя поэза, Поэза отказа, Избегнувшие Петрограда, Три триолета, Поэза лесной опушки, Посвящение, В архиве Алекса Рабиновича, Поэза о Харькове, Тост безответный, Поэза северного озера, Поэза их оправдания. 1916, август, Эпиталама Ингрид, Северный триолет, Поэза о Вальдшнепе и зайчике, Поэза рыбной ловли, Рябиновая поэза, Поэза маленького преувеличения, Тихая поэза, Поэза без слов, Поэза о поэзах, Прогулки Ингрид, Баллада I, Секстина мудрой королевы, Осенняя поэза, Кэнзель III (IV, V, Балькис Савская, Письмо к Эльгрине и от нея, Ингрид и молодёжь, О, горе сердцу! Кэнзель VI (VIII, IX), Музе музык, О юге, Кэнзель XI, В роли рикши, Развенчание.

Штрاندелл, Евдокия Владимировна — в 30-е годы жена лавочника в Тойла: Роскошная женщина. Орхидея, Шелковистый хлыстик, Моя знакомая, «Классически розы» (упомянута).

Берникова (Скворцова), Валентина Васильевна (1902 – 1973) — поэтесса, близкая знакомая Игоря-Северянина по Югославии (Сараево): Дрина, Адриатика, Цикламены (цикл стихотворений), Царица замка; Вместо предисловия (к сборнику стихов Берниковой «Хрушкие цветы»).

Шей де Вандт, Виктория — певица, поэтесса: Виорель (цикл стихотворений).

Поэт и Валентина Берникова. Югославия.

А вот сколько посвящено лично **Лидии Дмитриевне Рындиной**: Качалка грезерки, Рондо, и, разумеется, вторая книга поэм «Златолира». При этом следует иметь в виду, что посвящение всего тома не отменяет в нём личных посвящений другим женщинам, что более значимо. Конечно, Лаура...

Анна Воробьёва, Королева и Северянка.

Мария Васильевна Волнянская в образе поселянки,
Муза музык.

Елена Новикова с детьми.
Мадлена.

Евдокия Владимировна Штранделл,
Холодная Цирцея

Виктория Шей де Вандт в образе цыганки.
Поэтесса?

Обратите внимание на количество королевских нарядов. Вот Евгения Тимофеевна Гуцан (Злата) — четыре десятка стихотворений, среди которых безусловные шедевры, такие как её и его монологи:

Не может быть! вы лжёте мне, мечты!
Ты не сумел забыть меня в разлуке...
Я вспомнила, когда, в приливе муки,
Ты письма сжечь хотел мои... сжечь!.. ты!..<...>

И гении сжигают мощь свою
На алкоголе — символе бессилья...
Но письма сжечь,— где я тебе пою
Свою любовь! где распускаю крылья!

Их сжечь нельзя — как вечной красоты!
Их сжечь нельзя — как солнечного неба!
В них отзвуки Эдема и Эреба...
Не может быть! вы лжёте мне, мечты!

* * *

Наша встреча — похороны дней
Предыдущих, кажущихся прахом.
Призадумайся, мой друг, над ней,
Над судьбы железным взмахом.

Ты блестяшь, я в пелене тумана;
Мы — души, как русла, раздвоенье.
Ты бессильна: то предназначенье, —
Мы сольёмся, поздно или рано.

Лидия Дмитриевна Рындина удостоилась всего трёх личных стихотворений, — предположительно, «Одно из двух», сомнительно «Гашиш Нефтис», точно — «Качалка грезёрки» и знаменитое «Рондо»:

Читать тебе себя в лимонном будуаре,
Как яхту грёз, его приняв и любя...
Взамен неверных слов, взамен шаблонных арий,
Читать тебе себя. <...>

Посвящение на сборнике «Златолира» — это реверанс в сторону издателя Сергея Соколова (Кречетова) мужа Рындиной.

Королева и Северянка — Анна Воробьёва удостоилась всего дюжины стихотворений, но среди которых такие шедевры как «Полярные пылы», «Марионетка проказ» и мегазнаменитое «Это было у моря»:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж. <...>

А вот Марии Васильевне Волнянской посвящено полсотни стихотворений, среди них несколько шедевров, вроде этого:

Что за счастье — быть вечно вдвоём!
И ненужных не ждать визитёров,
И окружных не ткать разговоров, —
Что за счастье — быть вечно вдвоём!

Быть с чужою вдвоём нелегко,
Но с родною пьянительно—сладко:

В юбке нравится каждая складка,
Пьётся сельтерская, как «клик»!..

Евдокия Владимировна Штранделл жена лавочника в Тойла удостоилась всего четырёх стихотворений — ни одного шедевра:

Её здесь считают счастливой: любовник батрачит,
Муж «лезет из кожи» — завидная участь для дам!
Её называют красавицей здесь: это значит —
По формам кормилица, горничная по чертам.

Королевы двух туберкулёзных романов удостоились каждая по циклу стихотворений: Валентина Васильевна Берникова — «Цикламень»; Виктория Шей де Вандт — «Виорель». И это на фоне шести десятков стихотворений, посвящённых поэтом жене — Фелиссе Михайловне Лотарёвой, среди которых есть шедевры, вроде «Сператы»:

Нас двадцать лет связуют — жизни треть,
И ты мне дорога совсем особо,
Я при тебе хотел бы умереть:
Любовь моя воистину до гроба.

ЛОВЛЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ БЛОХ

Теперь, когда мы в общих чертах знакомы с концепцией производства королев из горничьего сырья, можно слегка погонять блох в жизнеописании замечательного русского поэта, работы Шубниковой и Терёхиной.

Дамы полагают, что внимательный анализ содержания «Громокипящего кубка» свидетельствует о том, что он является следствием авторской концепции, а не «ворохом стихов» и оспорить это невозможно. Увы, возможно, и ещё как.

История издания Громокипящего кубка связана с московской актрисой Лидией Рындиной, с которой Игорь-Северянин познакомился зимой 1913 года в Петербурге. В своём дневнике Рындина уделила знакомству с поэтом несколько строк и ещё половину машинописной страницы текста во фрагментах воспоминаний. На одном из вечеров в салоне Фёдора Сологуба Рындина познакомила поэта со своим мужем хозяином московского издательства «Гриф» Сергеем Соколовым (Кречетовым). По рекомендации Сологуба издатель попросил Игоря-Северянина показать ему все написанное им к этому времени:

«Через несколько дней у нас был Игорь Северянин. Гриф отобрал из вороха принесённых стихов то, что считал интересным, и издал первую его книгу "Громокипящий кубок". Книга имела успех и сразу пошла». (Рындина Л. Невозвратные дни; РГАЛИ, ф. 2074, оп.2, е.х. 9.)

Возможно, общая концепция сборника авторская, но отбор стихов уж точно издательский. Соколов равнодушно отнёсся к датам и сюжетам: программное стихотворение «Эпилог», относящееся исключительно к роману с эгофутуризмом вынесено в конец сборника, зато открывается он вполне себе надсоновским плачем «Очам твоей души»:

Очам твоей души — молитвы и печали,
Моя болезнь, мой страх, плач совести моей,
И все, что здесь в конце, и все, что здесь в начале, —
Очам души твоей...

Типично издательский подход: всё, что здесь в начале — мороженое из сирени и всё, что здесь в конце — я, гений Игорь-Северянин вместе составляет громокипящее нечто. И это, несмотря на то, что общее лирическое содержание сборника совершенно не монтируется с брошюрой «Эпилог эго-футуризм. 35-я брошюра», поставившей точку в отношениях с эгофутуристическим ареопагом. Грубо говоря, в рекламных целях Соколов подставил Игоря-Северянина под удар критики.

Расчёт оказался точным: критика немедленно вцепилась в «гения». А для облегчения критического восприятия Соколов урезал псевдоним до заурядного имени и фамилии. Однако «ворох стихов» сыграл с ним знатную шутку, оказавшись значительно вёрсткой.

В Литературном музее в Тарту хранится записка Игоря-Северянина «История книги» (фонд 216), в которой он подсчитал, что «Громокипящий кубок» вышел суммарным тиражом в 34 348 экземпляров. В подсчёты поэта вкралась ошибка: должно быть не 34 тысячи, а только 31 тысяча. При жизни поэта «Громокипящий кубок» выдержал десять изданий, что для Серебряного века русской поэзии является абсолютным рекордом. Издания с 1-го по 7-е вышли в издательстве «Гриф», с 8-го по 10-е — в издательстве В.В.Пашуканиса. Одиннадцатое издание, подготовленное к печати в эмиграции, в свет не вышло. Во время похорон поэта рукопись попала к Фелиссе Лотарёвой и хранилась у неё до смерти.

Наиболее пафосным было снабжённое автопредисловием автора восьмое издание «Громокипящего кубка» в издательстве Викентия Пашуканиса, вышедшее в свет 20 ноября 1915 года (первый том собрания сочинений). Третья часть тиража — 500 нумерованных экземпляров были отпечатаны на александрийской бумаге и заключены в переплёты из парчи синего или темно-красного цвета. Первые 100 экземпляров были снабжены портретом Игоря-Северянина работы фотографа Двора Его Высочества князя Черногорского Елены Лукиничны Мрозовской и собственноручным автографом автора.

По сообщению родственника В.В.Пашуканиса Андрея Николаева, роскошное издание «Громокипящего кубка» имело футляр из коричневого картона с указанием номера тома, логотипом издательства, вписанным от руки номером экземпляра, и указанием цены — 4 рубля. Николаев сообщил составителю примечаний фрагмент письма В.В.Пашуканиса неустановленному адресату, относящийся к ноябрю 1915 года:

«С Северянином я окончательно разорился: надоело выдавать авансы, что можно было напечатать, я напечатал в запас и могу теперь 8-10 месяцев торговать с I по IV томами. Вот почему <...> я беспрекословно высылал деньги, чтобы спокойно закончить печатание III и IV тома, а теперь довольно капризов, телефонных вызовов, сидения в уборных — всего ухаживания, на которое так падка эта знаменитость». (В архиве автора.)

Терёхина и Шубникова полагают, что вокруг «Громокипящего кубка» развернулся «один из самых красивых и изысканных романов» Игоря-Северянина. Однако при этом поэт остался благодарным за все-российскую славу отнюдь не Рындиной, а Елене Новиковой, знаменитой Мадлэне. Это ей — *«Грехи отважней! — пусть добродетель — делом мумий: В грехе — забвенье! а там — хоть пуля, а там — хоть рельсы!»*
И вот это тоже ей:

До весны мы в разлуке. Повидаться не можем.
Повидаться нельзя нам.
Разве только случайно. Разве только в театре.
Разве только в концерте.
Да и то бессловесно. Да и то беспоклонно.
Но зато — осиянным
И бриллиантовым взором обменяться успеем...—
как и словом в конверте...

Или вот ещё, и тоже Новиковой. Пожалуй, что в истории Серебряного века русской поэзии это едва ли не самые пронзительные строки:

Быть может оттого, что ты не молода,
Но как-то трогательно-больно моложава,
Быть может оттого я так хочу всегда
С тобою вместе быть; когда, смеясь лукаво,
Раскроешь широко влекущие глаза
И бледное лицо подставишь под лобзанья,
Я чувствую, что ты — вся нега, вся гроза,
Вся — молодость, вся — страсть; и чувства без названья
Сжимают сердце мне пленительной тоской,
И потерять тебя — боязнь моя безмерна...
И ты, меня поняв, в тревоге, головой
Прекрасною своей вдруг поникаешь нервно,—
И вот другая ты: вся — осень, вся — покой...

Через зиму и весну сошлись-таки, но не в лимонном будуаре, а на природе в Дылицах. И что же Рындина? В рассказе Игоря-Северянина «Салон Сологуба» московская актриса просит выстрелить в неё из пистолета, и у этой истории есть своя предыстория.

Когда-то давно мне повезло первым опубликовать стихотворение Игоря-Северянина «На смерть Валерия Брюсова». В нём есть такие строки:

Нас, избранных, все меньше с каждым днём:
Умолкнул Блок, не слышно Гумилева.
Когда ты с ним останешься вдвоём,
Прости его, самоубийца Львова...

В салоне Сологуба и его жены Анастасии Чеботаревской бывала американизированная соотечественница. Чеботаревская однажды отказала ей от дома, но Игорь-Северянин настоял на возвращении «американки» в салон. Имя женщины не названо, но в рассказе Игоря-Северянина «Салон Сологуба» имеется достаточно указаний на актрису Лидию Рынди́ну, например, упоминание об экстравагантном способе рекламы:

«Одна актриса, изредка встречаемая мною в доме Сологуба, совершенно серьёзно просила меня в одну из "лирических" минут выстрелить в неё из револьвера, но, разумеется, не попасть в цель. "Это было бы отлично для рекламы", — заискивающе откровенно пояснила она».

Обстоятельство, сильно подогревшее интерес Рындиной к Игорю-Северянину: скандально известный поэт входил в моду. Новичку надо было осваивать богемный образ жизни, и Рындина взялась быть его учительницей. Кстати, опытного богемца было бы трудно подписать на фарс с «неудачным» выстрелом. Своей весьма экстравагантной просьбой Рындина выясняет для себя, как далеко может зайти юноша, воспеваящий в стихах свои необыкновенные любовные приключения.

Чтобы до конца понять и оценить интригу, надо вернуться на десять лет назад. Рындина была второй женой издателя Сергея Соколова, а его первой женой была Нина Петровская, которая вместе с ним стояла у истоков издательства «Гриф». К началу 1904 года любовь исчерпала себя, идеологические расхождения между Соколовым и Петровской переросли в откровенную вражду. К этому времени Нина Ивановна увлеклась Андреем Белым, который не понял и не принял её плотских устремлений:

«... вместо грёз о мистериш, братстве и, сестринстве оказал просто роман (...) я ведь так пытался объяснить Нине Ивановне, что между нами — Христос; она — соглашалась; и — потом вдруг — "такое"».

В августе 1904 года следует разрыв отношений Нины Петровской с Белым и сближение с Брюсовым, который предлагает ей союз против Белого. Образуется «треугольник» Белый — Петровская — Брюсов. Наконец, в 1905 году Нина Ивановна стреляет в Белого, браунинг, а, по другим сведениям, револьвер, даёт осечку. И все же — грандиозный скандал!

Упоминание в мемуарной литературе револьвера — это неточность. Скорее всего, речь идёт о входившей в России в моду карманной модели браунинга 1900 года, обладавшей мягким приятным спуском

Браунинг Петровской попадает в руки Брюсова, а от него к поэтессе Надежде Львовой. Начало этого хитросплетения судьбы, за вычетом пока ещё не состоявшегося самоубийства Львовой, было хорошо известно Лидии Рындиной. Отсюда её странная просьба к Игорю-Северянину стрелять в неё ради рекламы. По словам Петровской, её муж Сергей Соколов всю жизнь люто ненавидел Брюсова. Соколов злорадно подсмеивался над Брюсовым:

«Совершеннейший волк! Глаза горят, ребра втянуло, грудь провалилась. Волк, да ещё голодный, рыщет и ищет, кого бы разорвать!» (Ibid.)

20 декабря 1912 года Игорь-Северянин выступил в «Обществе свободной эстетики». За ужином он стал объектом речей и тостов. Неожиданно подошёл Брюсов и на ухо сообщил, что две дамы хотят поцеловать поэта. В смежной гостиной Брюсов познакомил Игоря-Северянина с Надеждой Львовой — молодой поэтессой, подававшей большие надежды (Sic!), Поэт обменялся поцелуями с Львовой и её спутницей, имени которой он не запомнил:

«Между нами не было сказано ни слова. Это была наша единственная встреча. Я теперь уже не помню лица её, но у меня осталось впечатление, что Львова не была красавицей». (Ibid.)

Надежда Львова и её оружие.

К 20 декабря отношение Брюсова к Львовой оформилось в ухаживание. Но это было в высшей степени странное ухаживание. Летом 1913 года Брюсов дарит Львовой браунинг Петровской и начинает потихоньку приучать к мысли о самоубийстве — все в жизни есть средство для ярко-певучих стихов! Роковая развязка наступает 24 ноября (7 декабря) 1913 года. Испуганный Брюсов просит Шершеневича замять историю в прессе и не допустить упоминания его имени.

Начало истории — Нина Ивановна Петровская — умерло в 1928 году за границей, отравившись газом в парижской гостинице. До этого Петровская, пытаясь свести счёты с жизнью, выпрыгнула из окна отеля на Сен-Мишель, но осталась живой и охромела только. Когда умерла её любимая сестра, колола себя иглой, неудачно пытаясь заразиться трупным ядом.

***

Вот какую любопытную историю, в которую оказался втянутым Игорь-Северянин, можно вытянуть из клубка судьбы, если знаешь, за какую нитку дёрнуть. Так что изысканность его романа с Рындиной, описанного Шубниковой и Терёхиной, под большим вопросом. Если принять во внимание ничтожное количество стихотворений, посвящённых лично Лидии Дмитриевне Рындиной, то отношения поэта с ней имели с его стороны чисто коммерческий интерес.

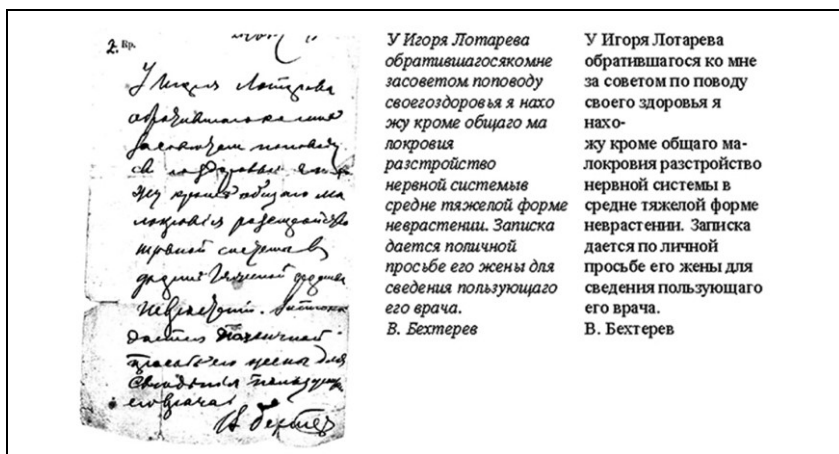
Игорь-Северянин подобрался к издателю Кречетову из будуара его жены, т.е. настолько близко, как это вообще было возможно.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МАРИИ ВОЛНЯНСКОЙ

Я уже писал о том, что некритический подход к некоторым академически оформленным «мемуарам» способен породить массу непоняток.

Иногда мне ставят в заслугу открытие того, что от воинской службы Игоря-Северянина отмазала княжна Зинаида Юсупова, бывшая в числе его поклонниц, отмазала с помощью знаменитого невропатолога и психиатра Владимира Бехтерева. Понятно, что простая санитарка Семёнова без покровительства влиятельного лица добраться до Бехтерева была не в состоянии. Диагноз поэту поставлен заочно, словно под влиянием его позз — малокровие (малокровие, т.е. снижение концентрации гемоглобина в крови) и расстройство нервной системы в средне тяжёлой форме (психическое расстройство, проявляющееся в повышенной раздражительности, утомляемости, утрате способности к длительному умственному и физическому напряжению). Зинаида Юсупова ближайшая фигура и к армии — через мужа Феликса Юсупова и его приятеля Великого князя Дмитрия Павловича, и к медицинскому светилу Бехтереву. Кому, как ни ей было посодействовать поэту?

Как бы там ни было, но освобождение от воинской службы по причине малокровия и неврастении позволило поэту продолжить активную концертную деятельность. Война, но жизнь-то продолжается!

Записка Бехтерева из фондов РГАЛИ.
В книге М.Петрова «Бокал прощенья».

11 Гор. Харьковъ - Часовня въ память 17 октября и желѣзно-дорожная платформа.

В Харькове поэт знакомится с певичкой Марией Васильевной Волнянской (Домбровской) — *тринадцатой и, значит, последней*. Знакомство было совершенно случайным и состоялось на железнодорожной платформе, рядом с часовней в память Высочайшего манифеста 17 октября. Порядковый номер в донжуанском списке не имеет значения, поскольку Волнянская становится гражданской женой. Уж и не знаю по какой причине, но Шубникова и Терёхина решили не использовать опубликованное мной посвящение к сборнику «Тост безответный», при жизни поэта в печать не попавшее:

Пусть имя Марии Волнянской
Сплетётся навеки с моим:
Подвиг святой и гигантский
Её благородством вершим.
Да будет же всем для примера
(А может быть и для креста!)
Как простая дочь офицера
Была гениально проста.
И только своей простотою,
Праведным и ясным умом,
Моей овладела душою
И царствует в сердце моем.
И только своей простотою

Меня, исковерканного,
Кропит животворной росой,
Шепча золотые слова.
И только ея простотою
Осмеливаюсь объяснить,
Готовность уйти молодою,
Измучиться и не жить.
Разрушиваемая чахоткой,
Худеющая с каждым днём
С какою твёрдостью кроткой
Хлопочет во всём моём!
Заботится, оберегая
От пошлости и вина,
Она — моя дорогая —
Наносным моим больна.
Ах, вытерпела немало
От этих и от других
Она за свой труд небывалый,
За каждый удачный штрих
Ах, вытерпела немало
Из-за самого меня:
Недаром кашляет ало,
И губы суше огня.
Сознательно, идейно,
Самопожертвованно,
Отдала свой век лилейный
Мне она.

1915. Декабрь, 13.
Саратов.

(Частный архив в США.)

В этом коротком «Посвящении» больше информации о Волнянской, чем на двух (!) страницах у Шубниковой и Терёхиной. Уж и не знаю, из чего они сделали вывод о том, что название сборника «Гост безответный» свидетельствует о том, что свою любовь к Марии Васильевне поэт считал неразделённой. Сборник вышел в 1916 году, а прожили они вместе до 1921 года — без малого шесть лет! Между тем любить женщину с диагнозом чахотка — это уже подвиг для любого мужчины, а пуще того для неприспособленного к жизни поэта.

Шесть лет семейной жизни поэта дамочки уложили в две с хвостиком страницы (184-186), а полсотни (!) личных посвящений (стихотворений) Марии Васильевне попросту не заметили.

Между тем Глебовой-Судейкиной — Коломбине десятых годов, которой Игорь-Северянин посвятил аж два стихотворения! — одно прижизненное «Поэза предвесенних трепетов», другое посмертное — «Голосистая могилка», Шубина и Терёхина выделили отдельную главу и две с половиной страницы текста. (стр. 150-152) Отдельной главы Волнянскую не удостоили, так что, 2:0 в пользу Коломбины! Мария Васильевна нервно кашляет кровью в сторонке.

Я был в тех местах под Лугой, где Игорь-Северянин и Мария Волнянская провели время с июля по сентябрь 1916 года. Вместо Корповских озёр — болота, вместо пульмонологического курорта — лесозаготовки и кровососущий ад в воздухе. Шубникова и Терёхина там не были, потому что по какой-то причине Мария Васильевна им не нравится. Увы, но бывают такие случаи, когда даже две пары очков не помогают разглядеть очевидное.

Академический блудняк в натуре.

СПРЕСОВАННОЕ ВРЕМЯ

А вот смотрите, как академически спрессовано время в жизнеописании поэта:

«Он стал республиканцем, наш великий футурист. Воспевает Временное правительство и Совет Рабочих депутатов». Речь шла об участии Северянина в «Первом республиканском поэзовечере», который состоялся 13 мая 1917 года в Москве в зале Синодального училища. Северянин сотрудничает с Союзом деятелей искусств и 3 января 1918 года выступает на вечеринке поэтов и артистов». (Стр. 202)

Между тем с августа 1917 года Игорь-Северянин ведёт напряжённую концертную деятельность: 20 августа вечер в Политехническом музее в Москве, 18 октября вечер в зале Петровского училища в Петрограде, там же 5, 11 и 17 ноября; 28 ноября снова в Политехническом музее; 16 декабря вечер в конференц-зале Академии художеств в Петрограде; 19 декабря вновь Политехнический музей, а 23 декабря вечер в Москве в зале Синодального училища. И только с 24 декабря 1917 года по 3 января 1918 года в напряжённом концертном графике появляется брешь:

«В Рождество, пользуясь все еще праздничными днями, Северянин устремился в Тойлу, чтобы подготовить жилье и всё, связанное с будущим переселением в эстонский посёлок, и через два дня возвратился в Петроград. Поездка зимой в дачную местность и в обычное время сопряжена с трудностями, но в условиях военного и революционного хаоса, голода и разрухи собрать в дорогу старую мать, не привыкшую самостоятельно платок повязать, артистичную, но непрактичную Домбровскую!.. Позаботиться о тёплых вещах, о провизии, упаковать любимые книги, фотографии, письма, — и во главе этого женского обоза он — гений Игорь Северянин...

Так, 28 января 1918 года в дни разгона Учредительного собрания они покинули Петроград и, не зная того, навсегда переехали в эстонскую Тойлу». (Ibid.)

Бредятина академическая, уж и не знаю, кто из двоих конкретный автор. И вновь, не учтённый дамочками фактор времени.

Откуда взялась дата 28 января? Утверждение «в дни разгона Учредительного собрания», по меньшей мере спорное — разгон состоялся 6 января. Декретом о введении в Российской республике западноевропейского календаря было установлено, что после 31 января 1918 года наступает не 1, а сразу 14 февраля. Именно с этой датой в России на время появляется двойной отсчёт — по Юлианскому календарю (старый стиль) и Григорианскому (новый стиль).

Архив в Петрограде — вырезки (кипа альбомов, некогда поразившая Маяковского), книги, письма, фотографии и прочее был поручен заботам Бориса Башкирова-Верина и благополучно им утерян. И это есть академический факт. Однако вернёмся к «женскому обозу».

Игорь-Северянин вывез в Тойла мать Наталью Степановну, бывшую гражданскую жену Елену Семёнову с дочерью Валерией и няню Марию Неупокоеву, а вот Мария Васильевна Волнянская приехала сама, но не напрямую, а через Ревель. В стихотворении «Музе музык» находим:

Не странно ли,— тринадцатого марта,
В трехлетье неразлучной жизни нашей,
Испитое чрез край бегущей чашей,—
Что в Ревель нас забрасывает карта?

Мы в Харькове сошлись и не в Иеве ль
Мечтали провести наш день интимный?
Взамен — этап, и, сквозь Иеве, в дымный
Холодный мрак,— и попадаем в Ревель.

Почему не сразу в Тойла? Потому что 3 марта заключён Брестский мир, Нарва занята немцами и установлен карантин со всеми вытекающими неприятностями. Так что поэт встретил Волнянскую 13 марта 1918 года в Ревеле в гостинице «Золотой лев». И сей календарный факт Шубникова с Терёхиной тоже проигнорировали.

ВЫБОРЫ КОРОЛЯ ПОЭТОВ

Однако читаем жизнеописание сонных поствикушек дальше:

«Устроившись на новом месте, Северянин в феврале поехал на заработки в Москву <...> Опытный Долидзе организовал 23 февраля поэзовечер Игоря Северянина в Политехническом музее при участии Давида Бурлюка, Василия Каменского, Владимира Маяковского. Апофеоз поэтического соперничества наступил 27 февраля. В Москве в переполненном публичной зале Политехнического музея проходит вечер «Избрание короля поэтов». «Всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием» это звание присуждено Северянину. Второе место занимает Маяковский, третье — Бальмонт. Это была высшая точка триумфального успеха поэта, который он предчувствовал десять лет тому назад:

*Я коронуюсь утром мая
Под юным солнечным лучом,
Весна, пришедшая из рая,
Чело украсит мне венцом».* (Ibid.)

27 февраля — это уже Григорианский календарь. Относительно предчувствия — перебор. Идиотизмом будет выдавать действие в настоящем времени за предчувствие. Наконец, что стоило провидцу — я коронуюсь утром мая! — вместо майского утра предчувствовать февральскую стужу?

Как вы полагаете, для жизнеописания замечательного человека избрание его королём поэтов является значительным событием или нет? Шубникова и Терёхина уделили этому событию целых четыре страницы (стр. 203—206), составленных целиком из цитат.

Следующий академический ляп — обширная цитата из воспоминаний Константина Паустовского, пристёгнутая к выборам «Короля поэтов» без каких бы то ни было объяснений, так, словно, мемуарист был очевидцем события. Воспоминания Паустовского относятся к 1915 году и к событиям февраля 1918 года не имеют ровным счётом никакого отношения. К Паустовскому подвёрстаны воспоминания Рубена Симона, хотя и не обозначенные как цитата:

«Бюллетени подсчитаны — королём поэтов избран Игорь Северянин. На голову поэта возлагается лавровый венок. Его чествуют поклонники. Я ухожу огорчённый. Почему не Маяковский?»

Прошло лет десять после этого вечера. Как-то, идя по Никитскому бульвару, я встречаю Василия Каменского. Мы направляемся в пивной бар, который находился в конце Никитского бульвара. Вспоминаем недавнее прошлое, диспуты в Политехническом, вечер избрания "короля поэтов".

— Как же так получилось, что избран был Игорь Северянин — задал я вопрос Василию Васильевичу.

— О, да это преинтереснейшая история, — весело отвечает Каменский. — Мы решили, что одному из нас почести, другим — деньги. Мы сами подсыпали фальшивые бюллетени за Северянина. Ему — лавровый венок, а нам — Маяковскому, мне, Бурлюку — деньги. А сбор был огромный!» (Ibid.)

Начнём с того, что гонорар за участие в мероприятии получили все официальные участники и венок никак не мог повлиять на его размер. Дополнительный доход предполагалось получить с эксплуатации титула. Так что или Каменский врёт как очевидец, или Симонов намеренно искажает его слова.

Кстати, о венках. Шубникова и Терёхина не знают о существовании воспоминаний Якова Черняка «В незабываемые дни» (Новый мир, № 7, 1963). Между тем именно воспоминания Черняка, не вписанного в интригу лично, имеют ключевой характер:

«В Москве в конце февраля 1918 года были назначены выборы короля поэтов. Выборы должны были состояться в Политехническом музее, в Большой аудитории.

Ряд поэтов, объявленных в афише, не приехал — например, К.Бальмонт. Стихи петербургских поэтов читали артисты. Среди многих выступающих на этом своеобразном вечере были Маяковский и Игорь Северянин. Страстные споры, крики и свистки то и дело возникали в аудитории, а в перерыве дело дошло чуть не до драки между сторонниками Северянина и Маяковского.

Маяковский читал замечательно. Он читал начало «Облака» и только что сработанный "Наш марш"... <ноябрь 1917 года — прим.публикатора> Королем был избран Северянин — за ним по количеству голосов следовал Маяковский. Кажется, голосов тридцать или сорок решили эту ошибку публики.

Вид на Политехнический музей накануне революции.

Из ближайшего похоронного бюро был заранее доставлен взятый на прокат огромный миртовый венок. Он был возложен на шею тощего, длинного, в долгополом чёрном сюртуке Северянина, который должен был в венке ещё прочитать стихи. Венок свисал до колен.

Он заложил руки за спину, вытянулся и запел что-то из северянинской "классики".

Такая же процедура должна была быть проделана с Маяковским, избранным вице-королем. Но Маяковский резким жестом отстранил и венок, и людей, пытавшихся на него надеть венок, и с возгласом: "Не позволю!" — вскочил на кафедру и прочитал, стоя на столе, третью часть "Облака" <опубликовано 17 марта 1917 года – прим.публикатора>.

В аудитории творилось нечто невообразимое. Крики, свистки, аплодисменты смешались в сплошной грохот...»

Узнав про миртовый венок из похоронного бюро, Маяковский запаниковал и уже не так важно была подтасовка при голосовании или нет: аксессуар из похоронного бюро и Маяковский вещи несовместимые во времени и пространстве.

Маяковский был брезглив и это для специалистов калибра доктора филологических наук, профессора Терёхиной, к тому же специалистки по Маяковскому не должно быть секретом, однако же...

О сколько нам открытий чудных жизнеописание эмигрантской жизни поэта!

ПОЭТ В ЭМИГРАЦИИ

Вторая половина жизнеописания замечательного Игоря Северянина, посвящённая эмиграции, помимо уже указанных общих недостатков коллективного труда Шубниковой и Терёхиной, благоухает филологическим. Термин до конца неопределённый, описывающей некое филологическое извращение, сопутствующее логофилии. На практике это означает, что утверждения авторов трудно оспаривать, потому что они так видят, так чувствуют, так понимают, так своё понимание излагают. И логика тут бессильна.

Жизнеописание эмигрантского бытия поэта раскрывает страшную тайну: оказывается, авторов не просто двое: то, что знает автор эмигрантской части, неизвестно автору части дореволюционной и наоборот. Например, автор дореволюционной части ничего не знает про стихи, посвящённые Волнянской, зато автор эмигрантской части знает даже про стихотворение «Музе музык». Однако этот же автор ничего не знает про жизнь Игоря-Северянина в эмиграции, пусть и вынужденной, пусть и на положении дачника и, разумеется, ничего не знает о его гострельной деятельности в этот период. Автор прячется за цитаты, скрепляя их филологическим, и таким образом, как бы фиксирует аксиологическую приоритетность феноменов рациональности, дискурсивности и логоса в контексте русской культуры за рубежом.

Ну, вот про логофилию как-то так... И хрен с ней на этом.

Эмигрантское жизнеописание поэта начинается с уже рассмотренного эпизода: переселения из Петрограда в Тойла, и, хотя второй топоним не склоняется, склонять его будут до конца книги.

Автор эмигрантской части дополняет женский обоз Еленой Семеновой и малолетней Валерией. Про Марию Неупокоеву вновь ни слова. Утверждается, что 13 марта 1918 года по старому стилю (!) поэт написал в Ревеле стихотворение «Музе Музык», посвящённое трёхлетию встречи с Волнянской (стр. 210) Между тем на странице 184 указана совсем другая дата — 18 февраля 1915. Я почти уверен в том, что знакомство и близкое знакомство состоялись в разных местах и в разное время.

Так, например, познакомились на железнодорожной платформе в Харькове 14 февраля, а в номер гостиницы Волнянская постучалась уже 18-го числа. Не правда ли, что столь безнравственному, но вполне житейскому поступку должно же предшествовать хоть минимальное знакомство? Итого, 9 марта механически соединено с годовщиной знакомства, а для того, чтобы запудрить читателю мозги сделана оговорка — по старому стилю. По какому старому? Насколько я понимаю даты на переломе летоисчислений авторами жизнеописания не оговорены. И филологество не заставляет себя ждать:

*«Прощайте, русские уловки:
Въезжаем в чуждую страну...
Бежать нельзя: вокруг винтовки
Мир заключён, но мы в плену.*

Так произошло прощание с отчиной, без ненужных сантиментов и обличений, несмотря на соответствующие аллюзии: «Прощай, немытая Россия», «ужасный век», «ужасные дороги». Изменилось не только географическое положение, но и государственная принадлежность поэта. По Брестскому миру, сепаратно заключённому советской Россией с Германией 3 марта 1918 года, Эстония перестала быть её частью. Независимость была провозглашена ещё раньше — 24 февраля, немецкие войска оккупировали эстонскую территорию, установив для приезжающих из России карантин, вследствие чего Северянин был задержан. И все-таки Северянин въезжал в Эстонию королём по-этов. Это была самая настоящая, несколько актёрская слава». (Ibid.)

Простите, но одно дело въехать королём с актёрской славой, другое дело прожить без внимания публики целый год, вплоть до первого концерта 22 марта 1919 года в Ревеле. Уж и не знаю, доводилось ли Шубниковой и Терёхиной бывать в Тойла, но я-то знаю, что мать поэта, Семёнова с дочерью и престарелая няня зимовали в одном из домов семейства Круут. Игорь-Северянин и Мария Волнянская пережили холодное время у соседней семьи Круут, а летом ютились в крохотном каменном сарае. Электричества в Тойла не было. Освещение — керосиновая лампа, лучина и свечи. Заработков никаких. Пойти или поехать некуда. Весной, осенью и зимой небо затянуто облаками, жидкий срач валится на голову и ноги утопают в нём. Рацион питания гарантированно туберкулёзный. Вот, что нужно было жизнеописывать про Тойла, а не про актёрскую славу, добытую по брезгливости Маяковского.

Этот первый год в Эстонии сильно повлиял на поэта, подорвал здоровье (обострился туберкулёз и депрессия), изменил мировоззрение до того, что он забыл про поход на Берлин и даже приветствовал Ленина в связи с заключением позорного Брестского мира, чего Шубникова с Терёхиной не заметили:

Его бесспорная заслуга
Есть окончание войны.
Его приветствовать, как друга
Людей, вы искренне должны.

Я — вне политики, и, право,
Мне всё равно, кто б ни был он.
Да будет честь ему и слава,
Что мир им, первым, заключён!

Когда людская жизнь в загоне,
И вдруг — её апологет,
Не все ль равно мне — как: в вагоне
Запломбированном иль нет?..

Не только из вагона — прямо
Пускай из бездны бы возник!
Твержу настойчиво-упрямо:
Он, в смысле мира, мой двойник.

С апреля по декабрь 1918 года написано всего 20 стихотворений, последнее называется выразительно — «Конечное ничто»:

Грядёт Антихрист? не Христос ли?
Иль оба вместе? Раньше — кто?
Сначала тьма? не свет ли после?
Иль погрузимся мы в ничто?

Да, Игорь-Северянин — это король, но не король поэзии, а король Лир после того, как раздербанил своё королевство.

Шубникова и Терёхина не были в Даляне и Порт-Артуре, не были в Гатчине, не были в Риге, Варшаве, Берлине, Вильно, Кишинёве, Париже и Бухаресте, не были в Тойла, а я был. У них чисто академические представления о практической географии — описания современников поэта и его спутников.

Однако этого для описания чужой жизни маловато будет!

*Автор с племянницей поэта Ниной Георгиевной Аршас в Тойла.
На заднем плане справа от двери окно холодного сортира.*

Однажды зимой я ночевал в Тойла в той комнате, которая нынче называется кабинетом поэта. Из окон, проложенных ватой и заклеенных на зиму, несло лютым холодом. В сенях на меня произвёл незабываемое впечатление холодный и тесный сортир, в котором жопа примерзает утром к деревянному стульчаку. А ведь этим сортиром поэт пользовался с десяток лет, причём без жалоб красавице Одоевцевой *на неудобство деревенских удобств*. И жена тоже пользовалась во все дни, включая женские, и тоже без жалоб. Я понимаю, что такое 1918 год в Тойла, а особенно осень, зима и весна, понимаю, каково это быть просто дачником на живописных и головокружных берегах пресветлой Эстии.

О, да! Это всё проза жизни, недостойная жизнеописания поэта, но попробуйте придумать что-нибудь лирическое или возвышенное, намертво примерзая к толчке. И вот какое чудо, свершилось в холодном толчке специально для Щубниковой и Терёхиной — поэт обрёл лёгкое и свободное дыхание:

«К смиренью примиряющей воды», к «соловьям монастырского сада», к мечте о «воспрявшей России», к «любви коронной» обращается Северянин. Он обрёл то «лёгкое и от природы свободное дыхание», которое, как отмечал Николай Оцуп, редко встретишь у современных поэтов». (Ibid. Стр. 213)

Сёстры (Фелисса справа) и мать Лина Юрьевна. Справа дом, в котором поэт жил с 1922 по 1927 год. Слева дом, в который супруги Лотарёвы переехали в 1927 году. Видна крыша той части дома, которая сгорела во время войны. Посредине каменный сарай – летнее пристанище поэта в 1918—1920 годах.

Но ведь филологество — это принцип, исповедуемый академическими жизнеописателями, и уже на следующей странице находим:

«К ностальгии присоединялись вполне реальные трудности оккупационного режима, а с уходом немецкой армии — военного положения в Эстонии до 1920 года. В конце ноября 1918 года Красная армия начала наступление и формально установила на значительной части территории Эстонии (в том числе и в Тойле) советскую власть. Она продержалась до февраля 1919 года. В этих обстоятельствах, окружённый беспомощными женищинами, не привыкший добывать средства к жизни иначе как поэтическим словом, Северянин даже в знакомой Тойле чувствовал себя оторванным от мира, заброшенным на необитаемый остров. Подобно Робинзону он писал записки с координатами своей хижины, переписывал несколько стихотворений для печати и рассылал на авось во все стороны света — от Риги до Нью-Йорка. Ответов не было и не могло быть — его адресаты и сами ещё не ощутили твёрдую почву под ногами — эмиграция только начиналась». (Ibid.)

Адресная книга

Constantin Balemonte. Paris. France. 203, Boulevard
Raspail

B. Prardin. Paris. France. 97, rue Lauriston, madame
Sidienne Godard. XVI.

H. A. Углеру. Paris. France. ²³ Rue Vignon. Hôtel Vignon.

Мария Дед. Деври. Alexandria Tuma (M. Berg.)
Grad. Brinje

Grosuplje
Dolenjsko
Kranjsko

Jugoslavija.

Александр Кук. Мосмон. France. Paris. 48 bis, rue
Raynouard. VII.

Mr. Александр. Мерер. Tallinn, Suur Aheka, 33, k. 1.

T. Харрков. Tallinn, Põrgupedas, d. 6, k. 2.

Рост. Смен. Александров. Tallinn, Kõnnupõud. 59.

Тор. Анто. Тенге. Tallinn, Määrj Prangemäe, d. 14, k. 3.
Tõnn priestee, d. 17-A, k. 19.

„Clubs. Мисли“ (Svobodny Misli.) „Les idées libres.“
France. Paris. 16, Av. Carnot, troisième et., à droite.

Hilja Vasilevsey.

Paris (XVII.)

Тредубас, W. Александрович, Александрович. Тарту.

Italia. Roma. Piazza del Popolo. Libreria Mussa „Sloba“

Finland. Helsingfors. Munkkivässi pensionat. Eustina Garbe
Magalova.

Страничка в «Записной книге» была заклеена газетной вырезкой.
Литературный музей в Тарту.

«ЗАПИСНАЯ КНИГА» ПОЭТА

Сложно оспаривать трудности оккупационных режимов, но советская власть в занюханном Тойла, которая продержалась от января 1918 года до февраля, — это нечто! Записки с координатами Тойла есть авторская фантазия, но уже не из 1918-го, а из 1920 года. Автор эмигрантской части без сомнения слышал про документ из фондов Эстонского литературного музей под названием «Записная книга И.В.Лотарёва. Eesti, Toila. 1920 г.» Это такая конторская книга, которую поэт завёл 24-25 мая 1920 года. Первоначально — записи о разосланных по редакциям стихах, позже нечто похожее на дореволюционные альбомы, заполненные материалами из бюро газетных вырезок (была такая услуга).

В своё время мне пришлось изрядно повозиться, чтобы вернуть исследователям записи, заклеенные газетными вырезками. Проблема состояла в том, что записи были сделаны частично чернилами, частично карандашом, а вырезки частично приклеены конторским клеем, частично мучным клейстером.

Я бы не рискнул подобно Шубниковой и Терёхиной сравнивать Игоря-Северянина с Робинзоном Крузо. Записи 1920 года — это отнюдь не бутылочная почта с координатами необитаемого острова Тойла. Прежде всего это перечень писем, что само по себе уже представляет собой интерес, поскольку даёт нам представление о том, какие именно письма за этот период и в каком количестве собрал о.Сергий (Положенский) и передал сыну поэта Вахху. Письма эти после смерти Вахха попали к его детям — внукам Игоря-Северянина. Они сегодня недоступны, но по «Записной книге» можно судить об активности переписки и охвату корреспондентов: эстонский издатель Карл Сарап, принцы из свиты короля поэтов Борис Правдин и Борис Башкиров (Верин), поэт Генрик Виснапуу, Королева и Северянка Анна Воробьёва, София Васильевна Белозерская. Наиболее интенсивная переписка велась с Борисом Башкировым и Анной Воробьёвой.

В «Адресной книге» мы находим адреса Константина Бальмонта, Бориса Правдина, Алексея Н. Толстого и Надежды Тэффи в Париже, Марии Берг в Югославии, Осипа Дымова в Нью-Йорке, адреса издательств в Праге, Париже и Берлине. Интересно? А вот автору эмигрантской части жизнеописания — всё это показалось нелепым, включая подсчёт строк, посланного по газетам. Что ж тут нелепого? Если выживание в Тойла и хлеб насущный зависят от опубликованных строк, будешь считать и пересчитывать до посинения, до голодного обморока, до зримых признаков туберкулёза.

С 13 авр. 1920.

"Последние известия" (Ревель.)

Tallinn, Toom puistee, d. 17-A, sk. 14.

16. VIII. <u>Поза сострадания.</u>	16. № 6.
- <u>Великое.</u>	25. № 9.
21. VIII. <u>Люди ли вы?</u>	16. № 32.
<u>Маминский везение.</u>	14. № 21.
<u>На смерть Собинова.</u>	20. № 19.
<u>Или лотиса восточн.</u>	16. № 34.
<u>Экспрессивн</u>	16.
22. VIII. <u>Миря Лохвукон.</u>	16. № 13.
27. VIII. <u>Письмо из Парижа.</u>	20. № 66.
<u>Из Габриэля... Боги и мушкет.</u>	8.
25. IX. <u>Советы Бальмонт</u>	14.
<u>Советы: "Великая театр."</u>	14.
<u>Камюса: "O, водонадси..."</u>	13.
<u>Из Кустуриски.</u>	24. № 47.
<u>Второе письмо из Парижа.</u>	23. № 52. (26 стр)
15. II. <u>Любовь-жертва.</u>	16.
<u>Из Г. Писану "Когда наст. заблесе."</u>	20. № 87.
<u>Лекция Понетт.</u>	
<u>Поза урод зами.</u>	12.
<u>Писем.</u>	20.
<u>Поза отгадка.</u>	12.

Вид:
"устро"

«Записная книга», подсчёт строк,
посланных поэтом в ревельскую газету «Последние известия»

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАВТРАК» У МИЛЬРУДА

И тут уместно было бы вспомнить про мемуары Ирины Одоевцевой (Ираиды Густавовны Гейнеке) «На берегах Сены». Вот, что произошло после унизившегося до хныканья Игоря Северянина, и простите за длинную цитату — пересказывать прямую речь контрпродуктивно:

«— Однажды в гостеприимном доме Мильруда, редактора рижской газеты "Сегодня", за литературным завтраком, что не мешало ему быть очень вкусным, на нем присутствовал, как всегда, кроме нескольких членов редакции, и Петр Пильский, — я выразила удивление, что никогда не вижу в "Сегодня" стихов Северянина.

— Разве он перестал писать стихи?

Мильруд с притворным отчаянием схватился за голову.

— Ах, не вспоминайте о нем! Какое там перестал — просто закидывает меня стихами и требованиями, чтобы они безотлагательно появлялись. Много он мне крови испортил, пока меня не осенило чисто соломоново решение — платить ему ежемесячно пенсию за молчание. С предупреждением — пришлите хоть одно стихотворение — тут и каюк! Конец пенсии. И он, слава Богу, внял голосу благоразумия.

Меня это ошарашило, я просто задыхалась от возмущения.

— Но ведь это бесчеловечно, чудовищно! Как вы, такой добрый, могли быть таким зверски жестоким?

Мильруд пожимает плечами.

— Посидели бы вы в моей шкуре директора — иначе заговорили бы. Не только не бесчеловечно и жестоко, а гуманно и доброжелательно. Так у него и правда, не на ананасы и шампанское, а на табачок и водочку хватает. Чего ему ещё? Ведь он живёт даром у своего тестя — мыйжника. Конечно, ему было бы лучше не задерживаться на земле и на крылатой яхте пристать к ледяной луне...»

Далее следует небольшая дискуссия об Игоре-Северянине, но главное уже сказано: в рассказе Одоевцевой Мильруд объявил, что принципиально не собирается платить за стихи, хотя в реальности печатает их и даже платит авторам гонорары. И вот, что происходит дальше:

«— Я — гений Игорь Северянин, своей победой упоен, — подхватывает Пильский и поднимает стакан. — Выпьем за Игора Северянина! Может быть, ещё и настанет его час. Как знать, кто в будущем станет знаменитым, а кто исчезнет без следа. Ведь современники Пушкина считали Бенедиктова равным ему...»

— И, — перебивает Пильского Георгий Иванов, — кто мог думать, что Гумилев так посмертно прославится?

Пильский кивает.

— Давайте пошлём ему коллективное письмо с дружеским приветом.

— Что вы, что вы, Петр Моисеевич! — хватаясь за голову, вскрикивает Мильруд. — Угробить меня хотите? Ведь Северянин в ответ начнет забрасывать меня ворохами своих стихов, и тогда уже его никакими силами не уймёшь.

Все, в том числе и я, смеются.

Пильский притворно-горестно вздыхает:

— Раз в жизни хотел доброе дело сделать — и то не удалось! Но вы, Михаил Семенович, пожалуйста, правы, со своей точки зрения. Аннулирую своё предложение. Точка!

— А я, — торжественно провозглашает Георгий Иванов, — предлагаю тост за посмертную славу Игора Северянина. Ведь, несмотря ни на что, он все—таки настоящий поэт, и будущие читатели, возможно, поймут это.

И все чокаются и пьют за Северянина, как на поминках».

Бандиты справляют поминки по ещё живому противнику. Впрочем, этот эпизод из рижской литературной жизни целиком на совести Ирины Одоевцевой за одним исключением: фраза *«И кто мог думать, что Гумилев так посмертно прославится?»* является ключевой. Жаба давит муженька, и как сильно! Мужа — Георгия Иванова, с которым в 1921 году познакомил её именно Николай Гумилев:

«Самый молодой член цеха и самый остроумный, его называют “общественное мнение”, он создаёт и губит репутации. Постарайтесь ему понравиться».

Георгий Иванов с женой Ириной. Рига. Шарж Civi's.

Отметим, что никто из участников этого «литературного завтрака», включая саму Одоевцеву, после смерти не прославился так, как Гумилёв или Игорь-Северянин.

Ирина Одоевцева (Ираида Гейнеке) о себе и честно:

Нет, я не буду знаменита,
Меня не увенчает слава,
Я, как на сан архимандрита,
На это не имею права.

Ни Гумилев, ни злая пресса
Не назовут меня талантом.
Я маленькая поэтесса
С огромным бантом.

Удивляюсь, как это Шубникова и Терехина прошли мимо такого вкусного эпизода!

МИМО ЧЕГО НЕ ПРОШЛИ ФИЛОЛОЖИЦЫ

«Однако о настоящем успехе Северянина у студентов Тарту во время первого выступления в университете рассказал Вальмар Адамс:

“На округлых тумбах — в центре города и в его заречной части — расклеены афиши, гласящие, что 6 февраля 1920 года в Тарту состоится поэзовечер Игоря Северянина. Все билеты распроданы”». (Ibid.)

Если мемуары Одоевцевой — это не мемуары, а в чистом виде беллетристика, то цитата из романа-эссе Валмара Адамса «*Esta astub ellu*» (Эста вступает в жизнь) — это беллетристика, причём весьма близкая к мемуарному жанру. Однако такие вещи следует обязательно огваривать, чего Шубниковой и Терёхиной не сделано. И это вновь уже знакомое нам филоложество — будняк! — упоминания Адамса и его романа в списке использованной авторами литературы нет. Цитата взята не из книги (*Esta astub ellu. Esseeromaan. Eesti Raamat. 1986*), а из публикации фрагмента в журнале «Таллинн» (№ 4, июль-август 1987, перевод Натальи Калаус). Но зато, как трогательно описано авторами вхождение поэта в среду творческой эстонской интеллигенции! Ходил, ходил и вошёл-таки, наконец! Через взаимные переводы, через дружбу, через сострадание:

«Они подружились домами, часто бывая в гостях друг у друга. На взаимоотношения двух семейных пар [Игорь и Фелисса, Хильда и Генрик — прим.публикатора] накладывало отпечаток то обстоятельство, что Хильда Францдорф с детских лет болела туберкулёзом лёгких. <...> ...Северянин сообщал поэту Георгию Шенгели в письме от 10 марта 1928 года, когда, возвращаясь из Варшавы, посетил курорт Эльву под Юрьевом, чтобы “навещать угасающую в чахотке (лилии алой...) очаровательную жену видного эстонского лирика, с которым нас связывают, — вот уже десять лет, — дружеские отношения”.

Тогда же было написано стихотворение “Внезапная горлом кровь”, включённое в сборник “Классические розы” (1931). Хотя посвящение не значилось в тексте, в каждой строке ощущалось глубокое сопереживание автора...

Врачебный прогноз был неутешительным.

В марте 1931 года Северянин писал Софье Карузо: “...она в последнем градусе чахотки, эта обречённая, чуткая, изумительно красивая женщина”.

Последняя жена Северянина Вера Коренди вспоминала, что Инг перестала приезжать к нему в конце 1930-х годов: “Во время краткого пребывания в Таллине у нас бывал пианист Орлов, Иван Бунин, Дмитрий Смирнов (оперный певец). Часто приходил Генрих Виснапу. Он бывал всюду, но без жены — Инг. Она была закадычной подругой Ф[елиссы] М[ихайловны] и даже не входила в дом, отправляясь обратно в Тойла. Но он прожил у нас два дня в Сонде, где мы оставались недолго из-за злого нрава хозяйки”.

Так, год за годом, в трогательном общении Инг и Игорь прошли свой земной путь до роковой для обоих черты — 1941 года”». (*Ibid.*)

Ладно, я дурак, но всё же понимаю, что поэт не мог знать в 1928 году сколько отпущено Хильде Францдорф. А вот у Шубниковой и Терёхиной она угасает без малого двадцать лет (!), чтобы угаснуть, наконец, в один год с Игорем-Северяниным! И, кстати, Хильда Францдорф — Инг прошла свой земной путь вплоть до роковой черты не в трогательном общении с Игорем Васильевичем, а рука об руку с мужем, эстонским поэтом Генриком Виснапуу.

Да, вот ещё что: кому запанибрата Софья, а кому графиня София Ивановна Карузо, урождённая Ставрокова. Деталь мелкая, но такая невежливая.

Нельзя быть слегка академическим жизнеописателем — это как беременность: или ты доктор и профессор, или филолог и имитатор литературного оргазма.

*Хильда Францдорф и Генрик Виснапу.
Предположительно: Нарова, напротив переправы у деревни Саркуль
на Россони.*

ПРИЛЕПА, СЕВЕРЯНКА И VIOLETT

Ради справедливости, отмечу, что я тоже попался к дамочкам в филологические сети:

«По версии Михаила Петрова, это была “графоманка А. Воробушкина”». (Ibid.)

Версия — правильный термин, но не по отношению к Анне Павловне (?) Воробьёвой. Имя её не было вычеркнуто из истории Серебряного века русской поэзии — оно туда не было внесено. Вычеркнуть его пытаются сейчас.

Сославшись на письмо Игоря-Северянина к Августе Барановой, в котором он упоминает петербургскую знакомую, организовавшую ему гастроль в Хельсинки, дамочки уже от себя прибавляют ссылку на газету «Русские вести» за 26 октября, в которой появилась заметка «Поэзо-концерты Игоря Северянина» за подписью «В»:

«16 и 19 октября состоялось два поэзоконцерта Игоря Северянина, приехавшего из Эстонии.

“С присущей ему одному оригинальной манерой читки автор прочёл ряд своих поэм <...>, сочетание подлинного таланта, блестящего яркостью и свежестью, со смелым новаторством в словотворчестве и рифме, с безкусной надуманностью и подчас даже пошловатостью. По программе было видно, что автор приемлет все, что вылилось из его пера во всём разнообразии капризов его творчества”».

Мелочь, конечно, но на вырезке из газеты «Новая русская жизнь» (Sic!) в подписи «А.В.» плохо пропечатана буква «А». Понимаю, ксерокс! — причём такой, что на две пары очков остроты зрения не всегда хватает, но зато даёт возможность во всём сомневаться:

«В это время в Финляндии находилась близкая знакомая Северянина — А. В., которая шуточно называла себя как супруга короля поэтов — «королевой» и соответственно его литературной фамилии — Северянкой. Она приходила на концерты в Гельсингфорсе и, возможно, ей принадлежит процитированная заметка с криптонимом “В.”. “В.” собиралась приехать и в Ревель на поэзоконцерт 7 ноября 1923 года:

“Сегодня 30-го окт. Должна была бы выехать из [Керава], чтобы в четверг отплыть на Was'e в Ревель на Ваш концерт, милый Король. И — не могла. Совершенно обессилена. Страшно болит голова — расплата за вчерашний мой визит к Королеве звёзд. Провела у неё весь день. Писала письма, говорили. Королева играла Листа и Рахманинова. Потом пошли в "Onnella" (к Шабельским) читать стихи. Мои стихи о Петрограде имели безусловный успех. Это лучшие мои вещи. Читала также и Вас. <...> Голос звучал хорошо и был подъеме”».

Понимаю, что смутило Шубникову и Терёхину: присутствие в тексте Королевы звёзд, которая играла Листа и Рахманинова. Видимо, пятитомник Кошелева и Сапогова они изучали невнимательно и пропустили в третьем томе поэму «Невесомая» (стр.349), написанную как бы по просьбе жены поэта Фелиссы — в тексте Прилепы (прилепа — то, что прилеплено, прикреплено к чему-либо, в данном случае к мужу):

*<<...> а сам меж тем
Мне расскажи про психопаток:
Ты, знаю, мастер этих тем»...
Возможно ль отказать Прилепе
В пустячной просьбе? Почему ж
Моих былых великолепий
Не вспомнить маленькую чушь?..*

— Среди моих «северянисток»
Я помню, были две сестры,
Которых медицинский выступ —
До времени и до поры —
Их, этих дев, в меня влюблённых,
Привёл бы в дом умалишённых...
Они прислали пару дюжин
Мне писем, бегали вослед.
Одна из этих двух «жемчужин»
Подписывалась Violette
И даже приезжала в Тойлу,
Когда в пятнадцатом году
Я жил на даче там <...>

Её сестра была смелее,
И вот в один несчастный день
Вдруг появилась на аллее
«Ивановки», как дребедень:
Лет сорока пяти, очкаста,
С бульдожьим ртом, бледна, как мел,
Она себе сказала: «Баста
Мечтать: да будет шаг мой смел!»
<...>

Ты знаешь? эта графоманка
Себе избрала псевдоним
Шокирующий: «Северянка» —
И стала действовать под ним!
<...>

Вообразя себя поэтом,
Она твердила о стихах
Весьма решительно и нагло,
Пока однажды не иссякла
<...>

Она приходит к нам так часто,
Что чаще трудно придумать...
Она по-прежнему очкаста,
Еще очкастей, может быть!..
<...>

И вдруг, с ухмылкой нездоровой,
Шепнула, потупляя глаз:
«Вы оттого такой суровый,

Что до сих пор не отдалась
Я Вам, как этого Вы ждали...
Сознайтесь, ждали ведь?» — Мой смех,
Прилепа, слышен был из дали,
Из дали дней далёких тех.

Поэма датирована 1924 годом, но её близость, да что там близость — связь! — с гастролями в октябре 1923 года в Гельсингфорсе несомненна. Гастроли были успешными, но вот рецензия «А.В.», в которой она упрекает поэта в неразборчивости и пошловатости звучит диссонансом. Запомним это. Причина в том, что Фелисса круто приревновала мужа к А.В. Скандал, видимо, так затянулся, что в 1924 году ради семейного спокойствия потребовалась целая поэма, чтобы оправдать себя и дезавуировать Королеву и Северянку в глазах Фелиссы. Так что пусть нас не смущает упоминание в открытке старшей сестры таинственной А.В — Violetт или Королевы звёзд.

Итак, факт знакомства А.В. с поэтом сомнению не подлежит, однако обстоятельства знакомства перенесены из 1909-1910 годов в 1915-й. В мае-июне-июле 1915 года таинственной А.В. в Тойла места нет, хотя в стихотворении «Поклонница» всё же находим упоминание о ней. Гарантом целомудренности отношений поэта с Королевой указана Мария (Маруся) Васильевна Волнянская — тогдашняя Прилепа. Именно тема той назойливой поклонницы в 1924 году найдёт своё продолжение в цитированной выше поэме «Невесомая»:

Приехала из Петрограда
Поклонница и — вот досада! —
Блуждает целый день вдоль сада.
Неинтересна н суха.

Мне пишет пламенные письма.
Пойди, Барбос, старушку высмей,
Полай, кусни!.. Встречался ты с ней?
А я — подальше от греха:

Боюсь, не удержусь и резко
Наговорю ей, не без блеска,
Что в море, право, больше плеска,
Чем в письмах пошлых и тупых...

Что эти письма и букеты
Мешают мне писать сонеты,
И что лишь для того и лето
Чтоб летом отдохнуть от них...

Избрала-б цензора иль гуся
И поклонялась им, не труся,
А у меня — моя Маруся,
И я давно ей жених.

КОРОЛЕВА ИГРАЛА И СОВСЕМ НЕ ШОПЕНА

А.В. — Королеве и Северянке посвящено несколько поэз 1909-1911 годов, в том числе «Полярные пылы», «Сонет» (Мы познакомились с ней в опере...), «Это было у моря...», «Марионетка проказ», «Королевочке». Остановите на улице интеллигентного вида прохожего средних лет, и — держу пари! — он без труда выжмет из себя *«Это было у моря, где ажурная пена, где встречается редко городской экипаж, Королева играла в башне замка Шопена...»* Так что, если таинственная поклонница не отдалась в 1915 году, то всё, что было грозово, уже произошло шестью годами ранее.

Однако есть и посторонние свидетельства. Роман с А.В. — Анной Воробьёвой одним из первых стал достоянием широкой общестственности. Воробьёва долгое время пребывала в забвении, хотя для современников в окружении поэта личность Королевы, видимо, не составляла тайны. Владимир Голиков опубликовал в «Солнце России» (№ 19 [170] Май 1913 года) эгофутуристический роман «Игорь в Куоккале», в комических выражениях описывающий отношения Игоря-Северянина с Анной Воробьёвой:

На парадной лестнице,
Выпив рюмку Асти,
Он пришёл к прелестнице,
Розовый от страсти.
И сказал: — Красавица,
Разлучившись с светом,
Хочешь позабавиться
Ласками с поэтом?

Из среды искусственной,
Из среды мещанской,
Едем в мир сверхчувственный,
На вокзал финляндский!
Брать билет не надо нам,
Мы, назло соседям,
С видом неразгаданным
Зайцами проедем.
Там на скалах около
Скромного вокзала
Тихая Куоккола
Крыши разбросала.
Мы возьмем раскосаго
Мрачного чухонца,
Грустного, курносаго,
Русаго, как солнце.
Он помчит нас бешено
По финляндским скалам;
Будешь ты утешена
Блеском солнца алым.
Мы найдем прекрасную
Финскую лачугу,
Чтобы в ночь ненастную
Ближе быть друг к другу.
Будем жить в Куокколе,
Верить в декадентство,
На гранитном цоколе
Сладко пить блаженство,
Есть селёдки финския,
Сыр и простоквашу...
Грёзы исполинския
Жизнь украсят нашу...
Но питаться надо—ж нам!
И в аллее сада
Мы, любуясь радужным
Блеском водопада,
Сложим для читателей
Сладостныя рифмы
И за них с издателей
Будем брат тариф мы.
На скале под ёлками

Выстроим палаццо
И страстями колкими
Будем наслаждаться.
От восторгов выгорим
В неге сладострастной...
Хочешь ехать с Игорем
В этот мир прекрасный?
— Да, — сказала Игорю
Нежная подруга:
— Я огнём любви горю,
Как светило юга!
За тобой хоть в Африку
Ехать я готова,
Смело побросав в реку
Радости былого!

И с надеждой странною
Бросив мир мещанский,
Он поехал с Анною
На вокзал Финляндский...
С смелостью, естественной
Для больших поэтов,
Сел в вагон торжественно,
Не купив билетов...
Но в тени таинственной
Тополей зелёных
Контролёр воинственный
Высадил влюблённых...
Далеко Куоккола...
Денег ни пезета...
Так судьба раскокала
Все мечты поэта...

Публика потешалась над тем, как судьба раскокала все мечты поэта, и никому не приходило в голову оспаривать историческую достоверность персонажей — поэта Игоря и его возлюбленной Анны. Для того, чтобы опубликовать такую сатиру в «Солнце России», нужны узнаваемые для читателей персонажи и обстоятельства. 4 марта 1913 года вышел в свет немедленно наделавший шума сборник «Громокипя-

ший кубок» с комплементарным предисловием Фёдора Сологуба. Днями позже состоялось выступление Игоря-Северянина в концерте Сологуба, а уже 6 марта они вместе уезжают в турне по югу России. За этим турне следила столичная и московская пресса, так что обстоятельства были подходящими, а фигура поэта вполне узнаваемой.

Теперь о Куоккале, расположенной в то время на территории княжества Финляндского, самой ближней к Петербургу за границе. Хотя и территория империи, но в полицейском отношении менее обременительная, чем Петербург, потому что княжество Финляндское. Куоккала — любимый дачный посёлок либеральной петербургской интеллигенции, постепенно и не без скандалов вытеснявшей местное коренное население. Самый именитый житель Куоккалы — художник Илья Репин. Именно сюда будет ездить на репинские обеды по средам Владимир Маяковский, причём в компании Софии Шамардиной — кто-то же протоптал ему дорожку! Так что направление, выбранное Голиковым для Игоря-Северянина и Анны Воробьёвой, отнюдь не является случайным — оно понятно петербургской публике — богеме без дополнительных пояснений.

Если имя поэта выбрано Голиковым не случайно, то имя престлницы — Анна, и это уже несомненно, принадлежит вполне реальной женщине. К сожалению, у Голикова не вычитывается время, можно только предположить, что описано лето предыдущего года. Да это и не так важно, важно, что история отношений Игоря-Северянина и Анны, Королевы, которая играла в баше замка Шопена, была известна кому-то из около литературной публики задолго до публикации «Громокипящего кубка». Сам автор — поэт Владимир Митрофанович Голиков — тоже не является лицом случайным. С 1908 года он сотрудничал с газетой «Голос Москвы», в которой публиковал стихотворные фельетоны и пародии. В 1911 году начал печататься в Петербурге в газете «Вечернее время» и нескольких столичных журналах, в том числе и в «Солнце России».

А теперь самое время вернуться на несколько лет назад. Стихотворение «Королевочке», датированное октябрём 1910 года и не попавшее в «Громокипящий кубок» (видимо, на Соколова не произвело впечатления):

Белорозовая и каштановая,
Ты прости мне, унылая девочка:
Изменяю тебе и обманываю,
А давно ли ещё — королевочка?!

Тихо всхлипывают вешне-грёзовые
Липы, ландыши, вишни и яблони...
О, каштановая! белорозовая!
Все расслаблено!.. Все ограблено...

Вот, «Сонет» из «Громокипящего кубка» с упоминанием обстоятельств знакомства:

Мы познакомились с ней в опере,— в то время,
Когда Филина пела полонез.
И я с тех пор — в очарованья дрёме,
С тех пор она — в рядах моих принцесс.

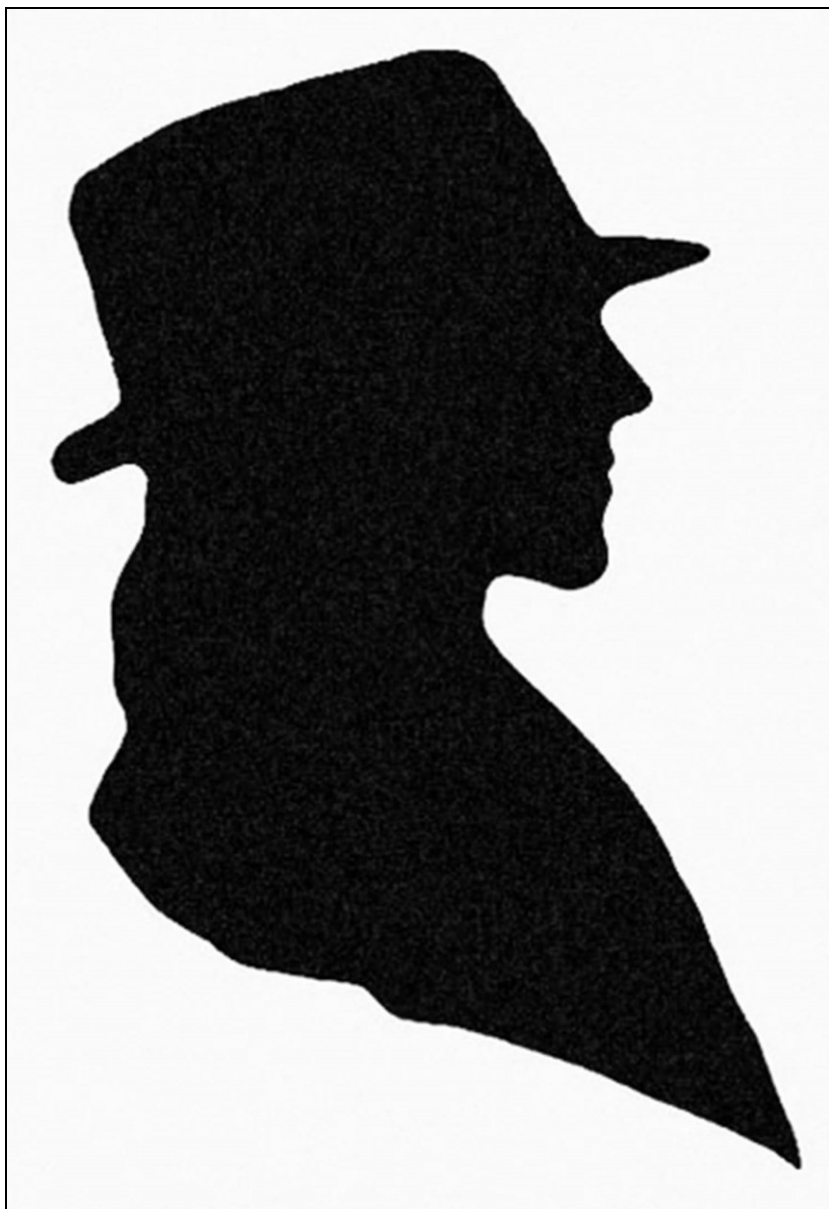
Став одалиской в грёзовом гареме,
Она едва ли знает мой пароль...
А я седлаю Память: ногу в стремя,—
И еду к ней, непознанный король.

А вот подробность из снеговой поэмы «Полярные пылы»,

Не быть Северянке любовницей полюса:
Полюс — бесплотен, как грёза...

А вот прелюбопытнейшее «Ах, автор...» декабря 1909 года в сборнике «Поэзоантракт»:

Она ли взяла меня? Я ли?
Забылось: давно ведь: забылось.
Но кто-то играл на рояле;
Я вспомнил рояль,— и забилось
Былым моё сердце... Дыханье
Вдруг стало и жарче, и суше...
Я вспомнил её колыханье...
Мнёт нервно она мои уши...
И стиснула зубы... И губы
Сжимает своими губами...
Ах, автор! Бесстыдно и грубо
Плясать кэк-уок над гробами.

Силуэт Королевы и Северянки.

Если уж дама отдаётся пажу грозово, то и уши может надрать в порыве страсти (колыханья). А вот ещё поэза «Призрак» (1909, декабрь), в котором и не Королева уже, но белый кролик:

<...> Я одинок... Я мелочно осмеян...
Ты поняла, что ласка мне нужна —
Твой гордый взор так нежен, так лилеен,
Моя сестра, подруга и жена.

Да, верю я глазам твоим, влекущим
Меня к Звезде, как верю я в Звезду.
Я отплачу тебе своим грядущим
И за собой в бессмертие введу!

Интерпретировать «Марионетку проказ» я даже не берусь, потому что в ней что-то очень личное, расшифровать которое пока нечем.

Последняя из хранящихся в архиве Нины Аршас почтовых карточек отправлена Северянкой из Гельсингфорса и датирована 9 января 1930 года. Сюжет этой открытки — лось и лосиха на фоне пустынного северного пейзажа, несомненно, картинка со значением, прямо отсылающей нас к «Полярным пылам». Остаётся только удивляться тому, как Северянке удалось разыскать в 1929 году почтовую карточку, столь тщательно воспроизводящую сюжет поэзы, написанной ещё в октябре 1909 года. Содержание карточки состоит из двух коротких стихотворений А.В.:

Забыли ль Вы меня? — Едва ли!
А я почти забыла Вас, —
И если б Вы не написали
«В пространство», если б как-то раз
Мне Ваших строк не показали,
Я даже в грозный смертный час
Едва ли вспомнила о Вас.

Когда-то Королева,
Когда-то Северянка,
От яростного гнева
Ушедшая беглянка —
Покинутая дева.

Если всё было так скверно и пошло, то зачем поэт пишет старушке А.В. в 1920 году в Керава — 26 ноября и 18 декабря? (Фелиссе всего 20 лет, Анне за пятьдесят.) Если она глупа и у неё бульдозья челюсть, то зачем в 1923 году он просит А.В. об организации гастролей в Гельсингфорсе? Зачем поэт хранит фотографию и силуэт А.В.? Зачем в 1929 году пишет ей новые стихотворения («И было странно её письмо» и «В пространство»)? Наконец, почему после смерти Фелиссы фотографии и открытки А.В. не попали в Эстонский литературный музей? Музей не взял или Фелисса не дала?

Игорь-Северянин никому и никогда не позволял сомневаться в своей гениальности. Даже Королевочке. Обвинение в пошловатости, прозвучавшее из уст Северянки, было весьма тяжким оскорблением для Игоря-Северянина, заявившего когда-то: *«Утопия счастливейшая страна мира: въезд в неё пошлякам строго воспрещён»*. Эта рецензия, похожая на месть, объясняет внезапно наступившее после гастролей охлаждение в отношениях, но объясняет лишь отчасти.

Что ж, если это только моя версия, как полагают Шубникова и Терёхина, то беспокоиться не о чём. Однако пусть сами попробуют заполнить лауну, пусть представят читателю более подходящую кандидатуру на роль *лауры* (Королевы), а главное, обоснуют свой выбор.

ПОЭТ НА ГАСТРОЛЯХ

Признаюсь, разбор трудов Шубниковой и Терёхиной слегка утомил меня своей однообразностью.

Гастроли Игоря-Северянина в Латвии и Литве авторы уложили в четыре страницы с хвостиком (стр. 230-233). Между тем, поэт трижды выступал в Литве, например, в Шавли в театре «Фантазия» при участии Марии Волянской, артиста итальянской оперы С.Ульмана и пианиста Алекса Брауэра. В период с 1921 по 1929 год Игорь-Северянин выступал в Латвии 22 раза. Последние выступления в кинотеатре «Капитолий» были краткими, но зато регулярными. 2 ноября 1927 года в Двинске состоялся Поэзовечер при участии поэта Арсения Формакова, организованный Двинским русским академическим обществом. В ноябре того же года 7 вечеров в театре «Тагона» при участии актрисы Елены Кузнецовой. Газета «Сегодня» поместила отчёт о вечере 8 ноября:

**Первое выступление Игоря Северянина
и Е.Кузнецовой в «Тагоне»**

Театр «Тагон» вчера оживился. Выступление Игоря Северянина с эстрады с чтением своих стихов — и старых и новых — привлекло в театр много новой публики, среди которой можно было заметить немало видных лиц из литературного и художественного мира. На долю поэта выпал огромный успех — до сих пор видно не перевелись неистовые поклонники и, главным образом, поклонницы его, без конца аплодировавшие, стучавшие и требовавшие повторения. Поэту поднесли белые хризантемы.

Читал свои стихотворения Игорь Северянин в своеобразной напевной манере, придающей какую-то особенную, оригинально чеканную выразительность этим поэтическим миниатюрам, в которых так много нежного чувства, в которых льётся через край любовь к природе и человеку. Печатью подлинного вдохновения отмечено творчество Игоря Северянина. В двух-трёх строфах, одним двумя сильными образами дарована ему способность пленять человеческое сердце. Трудно отметить лучшее из прочитанных им стихотворений — мне кажется, это были «Соловьи монастырского сада».

Новый дух, живой и свежей, внесла Е.Кузнецова в постановку русских скетчей на сцене «Тагона». Трагифарс «Кому принадлежит Елена?» под, её руководством проходит в темпе настоящего фарсового веселья, подчас явно заражающего самих артистов. Роль Елены, запутавшейся между двумя своим мужьями дневным и ночным, артистка проводит в четких комедийных тонах, скрашенных природным юмором, подчёркнутых выразительностью интонации, мимики и жеста. <...> (Рига, «Сегодня», 9 ноября 1927 года.)

Не могу удержаться от того, чтобы не привести длинную цитату из беседы Николая Истомина с поэтом, относящейся по времени к рижским гастролям:

«— Раньше во мне было много молодого задора, рассказывает Игорь Северянин и то, что я писал, нельзя понимать, как понимали и понимают ещё до сих пор почти все мои читатели и критики. Мои прежние темы, приёмы — это, ведь, особая, так сказать, ироническая лирика, а критика приняла все это всерьёз, вообразив, что в этом и весь Северянин.

—А вы, Игорь Васильевич, много теперь пишете? И что именно?

—Пишу стихи, статьи, воспоминания... Работаю, между прочим, всегда осенью и зимою. А летом почти ничего не пишу. По вечерам или по ночам не люблю сидеть и обыкновенно принимаюсь за работу с утра.

— И как именно? По Бальмонтовски: «Но я не размышляю над стихом», или...

— Нет, наоборот: размышляю долго. Придерживаюсь Пушкинско—Брюсовской школы. Впрочем, некоторые из своих последних поэм писал всего по несколько дней — импровизацией.

Северянин увлекательно рассказывает о своём житье:

— Живу на самом берегу, в маленькой рыбацкой деревушке Тойла, которая когда-то была курортом. Из окна виден Финский залив.

Свою избушку постарались сделать по возможности комфортабельной. Внутри — уют и даже некоторая претензия на модерн.

Вокруг — глушь, леса, озера. До ближайшей станции восемь вёрст, а до ближайшего города, до Нарвы — сорок. Все лето рыболовствую. У меня есть лодочка «Ингрит», на которой я совершаю путешествия. Ухожу из дому на рыбную ловлю на несколько дней. Зимой же много катаюсь на лыжах, много читаю — русских и европейских классиков. За новейшей же русской литературой слежу плохо, так как, ведь, в моей глуши новых книг не достать.

— Что самое радостное и самое прискорбное в деятельности и звании поэта?

— Самое радостное — это, когда живёшь с природой, когда пишешь стихи, когда читаешь их на специальных вечерах: перед любителями и ценителями поэзии. А самое прискорбное — это читать перед случайной аудиторией. Прискорбно также, когда в моем присутствии говорят о политике, которая есть не что иное, как преднамеренная вражда.

— Вас не тянет, Игорь Васильевич, в Россию?

— Как вам сказать? Проехать по России я бы не прочь, но жить там не собираюсь. Тамошняя обстановка нервирует, волнует.

— А кем бы вы, И. В., были, если бы не были поэтом? — задаю я последний вопрос.

— О, конечно, рыболовом». («Воскресенье», № 2, 1927 год.)

Эта прямая речь поэта для описания его жизни в эмиграции — значит больше, чем цитаты из чужих описаний и сентенций.

2 марта 1929 года в Двинске состоялся ещё один Поэзовечер при участии Арсения Формакова, организованная Двинским учительским союзом.

Кстати, Шубникова и Терёхина Формаклова не заметили, его имени нет в списке использованной литературы. Между тем на странице 128-прим помещён портрет Игоря-Северянина, сделанный в 1926 году в Тойла именно Арсением Формаковым. Разумеется, портрет помещён без указания авторства. Понимаю, что в Москве плевать на какого-то там Формаклова, но здесь, в странах Балтии поэт Арсений Формаков персонаж известный и уважаемый, кстати, потомственный казак.

УПОМЯНУТЫ ФИЛОЛОЖИЦАМИ

На странице 239 Шубниковой и Терёхиной упомянут Константин Бальмонт и посвящённый ему сонет (первая строфа):

Коростеля владимирских полей
Жизнь обрядила пышностью павлиньей...
Но помнить: нет родней грустянки синей
И севера нет ничего милей...

Известно, что Игорь-Северянин воздерживался от правки ранних стихов:

«Я — противник автопредисловий: моё дело — петь, дело критики и публики судить моё пение. Но мне хочется раз навсегда сказать, что я, очень строго по-своему, отношусь к своим стихам и печатаю только те поэты, которые мною не уничтожены, т. е. жизненны. Работаю над стихом много, руководствуясь только интуицией; исправлять же старые стихи, сообразно с совершенствующимся все время вкусом, нахожу убийственным для них: ясно, в своё время они меня вполне удовлетворяли, если я тогда же их не сжёг. Заменять же какое-либо неудачное, того периода, выражение «изыском сего дня» — неправильно: этим умерщвляется то, сокровенное, в чём зачастую нерв всей поэзы. Мертворождённое сжигается мною, а если живое иногда и не совсем прекрасно, — допускаю, даже уродливо, — я не могу его уничтожить: оно вызвано мною к жизни, оно мне мило, наконец, оно — моё!» (Автопредисловие к «Громокипящему кубку» в издании Пашука-ниса.

Полагаю, что именитые академические филологи должны бы знать, что сонет «Бальмонт» имеет историю, причём любопытную.

Прежде всего, напомним, что сонет был написан в 1926 году. Он есть в рукописи, но в сборнике «Медальоны» его нет. Неожиданно сонет всплывает в рукописи «Очаровательные разочарования», но уже в значительно изменённом виде и с указанием совсем другой датировки — Кишинёв, 3 января 1934 года (первая публикация в журнале «Золотой петушок»):

Коростеля владимирских полей
Жизнь обрядила пышностью павлиньей...
Но помнит: нет родней грустянки синей
И севера нет ничего милей...

Он в юношеской песенке своей,
Подёрнутой в легчайший лунный иней,
Очаровательнее был, чем ныне
В разгульно-гулкой радуге огней.

Он тот поэт, который тусклым людям
Лученье дал, сказав: «Как Солнце, будем!»
И рифм душистых бросил вороха,

Кто всю страну стихийными стихами
Поверг к стопам в незримом глазу храме,
Воздвигнутом в честь Русского Стиха.

Редакция второго катрена и финальных терцетов в 1926 году выглядела несколько иначе:

Он в юношеской песенке своей,
Подёрнутою в лёгкий лунный иней,
Очаровательнее был, чем ныне
В стихийно-гулкой радуге огней.

Он в многословье нестерпимо пышен,
Во всём преувеличенно-возвышен,
Хрустевший льдинкой в юности поэт.

И сходство внешнее с испанским грандом,
И творчество, глушащее джаз-бандом,
Всё — как на солнце выгретый Моэт...

В воздухе повисает вопрос: что за чёрная кошка пробежала между поэтами в 1926 году? Я эту кошку не знаю, а Шубникова с Терёхиной понятия не имеют о том, что кошка вообще была. Почему сонет был подправлен в 1934 году мне понятно: настояла Любовь Столица, которую не устраивала ссора с Бальмонтом со страниц журнала «Золотой Петушок». Однако исправленный вариант сонета в сборник «Медальоны» не попал, хотя вариант 1926 года из него всё же был изъят. Любопытно? Ещё как!

На странице 243 Терёхина и Шубникова вновь помянули Ирину Одоевцеву И.Г.Гейнеке) и посвящённый ей сонет — без цитат! — содержание которого отчасти объясняет унизительные для поэта «мемуары» Ираиды Густавовны. Что ж, восполним пробел:

Все у неё прелестно — даже «ну»
Извозчикье, с чем несовместна прелесть...
Нежданнее, чем листопад в апреле,
Стих, в ней открывший жуткую жену...

Серпом небрежности я не сожну
Посево, что взошли на акварели...
Смущают иронические трели
Насторожившуюся вышину.

Прелестна дружба с жуткими котами, —
Что изредка к лицу неглупой даме, —
Кому в самом раю разрешено

Прогуливаться запросто, в побывку
Свою в раю вносящей тонкий привкус
Острот, каких эдему не дано...

Очень похоже на то, что Пильский в устной форме всё же донёс до Игоря-Северянина содержание «литературных завтраков» у Мильруда — *прелестна дружба с жуткими котами!* Не случайно, хотя и чуть позже, поэт заметит, что все заграничные знакомые — сволочи.

На странице 274 помещена глава «Донжуанский список Игоря-Северянина». Однако вот беда — список только упомянут, самого списка вы тут не найдёте. Есть только некие общие размышления о Пушкине и Брюсове. Зато есть целая глава, посвящённая свойственнице — некровной родственнице поэта Александре Коллонтай, которую он, может быть, пару раз видел у Домонтовичей — ни любви, ни общения, но зато внимание Шубниковой и Терёхиной.

МУЗЫКА И ПОЭЗИЯ. ТАЙНА УЗДЕЧКИ

Восемь страниц (стр. 287-194) Шубникова и Терёхина посвятили сочетанию в жизни Игоря-Северянина музыки и поэзии. Тема сложная, а особенно с учётом того, что некогда рассказала мне Александра Михайловна Вавилина-Мравинская о муже Евгении Мравинском — дальнем родственнике поэта. Но сначала я рассказал ей о некоторых эпизодах из жизни поэта, связанных с музыкой и алкоголем, вроде этого — воспоминаний Сергея Спасского, видевшего Игоря-Северянина в марте 1913 года на выступлении в Тифлисе:

«И. Северянин примыкал к футуристскому племени, выдавая себя за одного из вожаков. Правда, он вышел не раскрашенный и одетый в благопристойный сюртук. Был аккуратно приглашен. Удлиненное лицо интернационального сноба. В руке лилия на длинном стебле. Встретили его полным молчанием. Он откровенно запел на определённый отчётливый мотив.

Это показалось необыкновенно смешным. Вероятно, действовала полная неожиданность такой манеры. Хотя и сами стихи, пересыщенные словообразованиями, вроде прославленного «окалошить», нашпигованные иностранными словечками, а главное, чрезвычайно самоуверенные и заявляющие напрямик о величии и гениальности автора, звучали непривычно и раздражающе. Но вряд ли публика особенно в них вникала, улавливая разве отдельные, наиболее хлесткие фразы. Смешил хлыщеватый, завывающий баритон поэта, носовое, якобы французское произношение. Все это соединялось с презрительной невозмутимостью долговязой фигуры, со взглядом, устремлённым поверх слушателей, с ленивым помахиванием лилией, раскачивающейся в такт словам. Зал хохотал безудержно и вызывающе. Люди хватались за головы. Некоторые, измученные хохотом, с красными лицами бросались из рядов в коридор. Такого оглушительного смеха я впоследствии ни на одном поэтическом вечере не слышал. И страннее всего, что через полтора-два года такая же публика будет слушать те же стихи, так же исполняющиеся, в безмолвном настороженном восторге».

Спасский подметил, то, что другие мемуаристы пропустили — откровенное пение на определённый отчётливый мотив. Что ж в том смешного? Если верить Юрию Озаровскому, то такая манера чтения в начале прошлого века не была чем-то из ряда вон выдающимся:

«Неужели для того, чтобы музыкальные украшения слога получали должный рельеф в исполнении, необходимо их «петь», т. е. оглашать их не путём речи, говора, но с помощью особых, чисто певческих процессов?..» (Музыка живого слова. СПб, 1914)

Так хохотали-то почему? Всё дело в физиологии и в отчётливом мотиве. В марте 1912 года Игорь-Северянин пишет приятелю Афанасьеву:

«Доктор сегодня выпустит меня на свободу — до субботы, а в субботу состоится операция, вызванная разрывом так называемой “уздечки”. Ужасно нервничаю, волнуясь».

У мужчин уздечка, как правило явление парное. Та уздечка, о которой поэт сообщает приятелю, связывает крайнюю плоть с головкой полового члена. Короткая уздечка вызывает болезненные явления, мешающие получать наслаждение от полового акта. Из текста не совсем понятно, какая именно предстоит операция, но логика подсказывает, что порвавшаяся уздечка приносит облегчение, избавляя от операции. Речь должна бы идти о несложном хирургическом вмешательстве — ножницами один раз чик, и нет проблемы. Но проблема как будто разрешилась сама-собой, без хирургического вмешательства — подробностей мы не узнаем никогда. Потом поэт напишет, что не со всеми женщинами, которых он любил и которые любили его в это время он был телесно близок.

Парная уздечка находится под языком, именно она проясняет важные обстоятельства покорения публики. В случае Игоря-Северянина, дефект незначительный, не отражающийся на обыденном общении, но проявляющийся в минуты волнения, например, на сцене перед публикой. Поэт нашёл способ маскировать дефект декламацией, отсюда пение.

Кстати, эпигон Игоря-Северянина Александр Вертинский превратил полупесенки поэта в полноценные песенки Печального Пьеро. Забавно: оказалось, что в песенки Пьеро легко укладывается практически весь Серебряный век русской поэзии. 10 сентября 1924 года Вертинский присутствовал на выступлении Игоря-Северянина в Варшаве, но подойти к нему после концерта не решился. Вертинский тоже слышал, как Игорь-Северянин читает свои стихи:

<...> Как я

Стихи читаю, знает точно

Аудитория моя:

Кристалльно, солнечно, проточно.

А знаете почему кристально и проточно? С годами уздечка под языком перестала мешать. Так что после 1912 года необходимость в пении отпала. По свидетельству Валмара Адамса, Игорь-Северянин назовёт пропетые некогда поэзы — *стихами для дураков*. Верить этому нельзя, потому, например, что «Весенний день» он будет читать — петь! — практически на каждом выступлении за границей.

Нотная запись, оставленная автором знаменитого пионерского гимна «Взвейтесь кострами, синие ночи» Сергеем Фёдоровичем Дешкиным в архиве Юрия Шумакова, многих исследователей ввела в искушение. Могу, сославшись на самого поэта, смело утверждать, что эта запись фуфлю. Дешкин мог слышать Игоря-Северянина, только будучи 20 лет от роду, на одном из трёх выступлений поэта в Вильно в 1921 году, когда стихи со сцены уже не пелись, а читались. Во время долгой отсидки Сергей Фёдорович придумал нотную запись, воспроизвести которую невозможно. Кстати, дополнение к фамилии «Кайдан» — это тоже память о лагере.

На первых публичных выступлениях поэта смешил не сам факт пения, а именно отчётливый, хорошо знакомый публике мотив полонеза Филины из оперы Амбруаза Тома «Миньон». В основе оперы положены стихи из знаменитого романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» и его последующих вариаций. Стихи эти на протяжении XIX века привлекали композиторов от Бетховена и Шумана до Чайковского и Рубинштейна:

«Это преимущественно песни, исполняемые странствующим полубезумным арфистом и Миньон. Миньон (во французском просторечии — миллок) — загадочное существо, ребёнок лет 12-13, не знающий ни отца, ни матери, то ли мальчик, то ли девочка, говорящий на ломаном немецком и ловко танцующий с завязанными глазами среди разбросанных яиц, аккомпанируя себе щелканьем кастаньет. <...>

На зарубежных сценах последняя картина — с примирением соперниц и признанием маркиза Чиприани — не исполнялась, и оперу венчал терцет счастливо соединившихся Вильгельма и Миньон с обречённым ею отцом. Однако в угоду немецкой аудитории, неспособной, по утверждению Ганслика, воспринять такой конец, Тома сделал специальную развязку: услышав голос Филены, Миньон падает замертво. Приблизившись тем самым к литературному первоисточнику...» (А. Кенигсберг.)

Честно признаюсь, я не знаю какой вариант попал на оперную сцену в Петербурге, но вот, смотрите, что есть в «Громокипящем кубке» с пометкой 1910 год — поэза «Мои похороны», в которой некая оперная певица *протрелит* над мёртвым поэтом полонез Филены:

Под искры музыки оркестровой,
Под вздох изнеженной малины —
Она, кого я так приветствовал,
Протрелит полонез Филены.

Понятно, что публика делилась на тех, кто слышал оперу, и на тех, кто не слышал. Те, кто слышал заражали смехом остальных. Смех слушателей на выступлениях Игоря-Северянина означает нахождение внутри культурного кода десятых годов прошлого века. (В середине века кинематограф в США сопровождает киноленты закадровым смехом, поощряющим иностранцев включаться в культурный код новой родины.) Спасский провинциал и нет ничего удивительного в том, что он не опознал полонез Филены, в то время как его осведомлённые современники-мемуаристы не придавали этому обстоятельству значения.

И это ещё не всё мимо чего прошли Шубникова и Терёхина. Вот несколько цитат из отчёта о Поэзовечере 30 марта 1914 года в Москве, в Большой аудитории Политехнического музея. Ходасевич прочёл реферат о футуризме Северянина. Стихи читали московские актрисы В.Ильнарская, Л.Селиванова, Л.Рындина, М.Морская, А.Коонен и А.Таиров. В 3-м отделении стихи читал автор:

«Четыре части ничем между собой не связанные. Как будто в один стакан налили шампанское, кофе, кислые щи и огуречный рассол. <...> Закончил “вечер поэзии” сам виновник торжества – Игорь-Северянин. Читает он совсем необычно. Вернее, не читает, а поёт свои стихи речитативом. Каждый раз другой мотив. Сначала это кажется странным, но, когда привыкаешь – начинает ласкать ухо. И кажется, что такие стихи только так и надо читать. Только так и можно выделить то новое, то особенное, что в них есть.»

И публика, сначала улыбавшаяся, принимала автора с каждым новым стихотворением всё горячее и горячее, устроив, в конце концов, Игорю-Северянину настоящую овацию».

Анонимный автор «Московской газеты» (31 мая 1914 года) приводит некоторые рассуждения Игоря-Северянина об эго-футуризме и не может обойти вопроса о манере чтения:

«Как читать мои стихи, спрашиваете вы, и под какую музыку? Под музыку Скрябина. Мои стихи под музыку Скрябина — здесь может получиться удивительный диссонанс».

Обратите внимание: поэт ни словом не обмолвился о полонезе Филины. Он только предположил, что его стихи можно читать под музыку Скрябина. Именно читать под музыку Скрябина, а не петь на его мелодии. Впрочем, из сказанного Игорем-Северяниным о Скрябине репортёр «Московской газеты» ничего не понял. Поэт имел в виду придуманную композитором концепцию визуализации звука с помощью света и цвета. В 1914 году не было техники, способной воплотить идею, но как соблазнительно было это новаторство! Читать поэзы под визуализированную музыку Скрябина, да это восторг! Это ли не футуризм с приставкой эго! Любопытно упоминание автора интервью о том, что каждое стихотворение выпевалось под новый мотив. Ну, и как тут не вспомнить замечание Шенгели о демоническом северянинском уме — если тупо заменить Тома на Скрябина, то и шампанское прокиснет!

Попутно сошлюсь на Валмара Адамса, который рассказывал мне, что у Игоря-Северянина была идеальная — музыкальная! — память. Он мог на слух исполнить практически любую оперную партию. *«А голос был такой, что стены дрожали!»* — уточнял Адамс.

Наконец, Константин Паустовский, в 1915 году служивший кондуктором в трамвае, обратил внимание на странного пассажира в чёрной шляпе, наглухо застёгнутом пальто и коричневых лайковых перчатках. Длинное, выхоленное его лицо выражало каменное равнодушие к московской слякоти, трамвайным перебранкам, к Паустовскому и всему на свете. Вот каким он увидел и услышал этого незнакомца на сцене:

«Каково же было моё удивление», как писали старомодные литераторы, когда на эстраду вышел мой пассажир в чёрном сюртуке, прислонился к стене и, опустив глаза, долго ждал, пока не затихнут восторженные выкрики девиц и аплодисменты.

К его ногам бросали цветы — тёмные розы. Но он стоял все так же неподвижно и не поднял ни одного цветка. Потом он сделал шаг вперёд, зал затих, и я услышал чуть картвовое пение очень салонных и музыкальных стихов:

*Шампанского в лилию! Шампанского в лилию! —
Её целомудрием святеет оно!
Миньон с Эскамильо! Миньон с Эскамильо!
Шампанское в лилии — святое вино!*

В этом была своя магия, в этом пении стихов, где мелодия извлекалась из слов, не имевших смысла. Язык существовал только как музыка. Большие от него ничего не требовалось. Человеческая мысль превращалась в поблёскивание стекляруса, шуриание надушенного шелка, в страусовые перья вееров и пену шампанского.

Было дико и странно слышать эти слова в те дни, когда тысячи русских крестьян лежали в залитых дождями окопах и отбивали сосредоточенным винтовочным огнём продвижение немецкой армии. А в это время бывший реалист из Череповца, Лотарёв, он же «гений» Игорь Северянин, выпевал, грассируя, стихи о будуаре тоскующей Нелли». (К.Паустовский. Повесть о жизни.)

В «Петербургских зимах» Георгия Иванова находим замечание о манере чтения Игорем-Северяниным своих стихов:

«Манера читать у него была та же, что и сами стихи,— и обратительная, и милая. Он их пел на какой-то опереточный мотив, все на один и тот же. Но к его стихам это подходило. Голос у него был звучный, наружность скорее привлекательная: крупный рост, крупные черты лица, тёмные вьющиеся волосы.»

И вот вам ещё один гвоздь — замечание Бенедикта Лившица о Маяковском:

«Впрочем, горланил он не только собственные стихи. Ему нравился тогда “Громокипящий кубок”, и он распевал на узаконенный Северянином мотив из Тома:

*С тех пор, как все мужчины умерли,
Утеха женщины — война».*

Между тем становится очевидным лукавство Игоря Северянина в его замечании Адамсу о том, что ранние его произведения — это стихи для дураков. Отнюдь: *мелодия извлекается из слов, не имеющих смысла — язык как музыка*, и это настоящая магия искусства! Позже поэт напишет о себе весьма откровенно:

*Я — соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!*

Зимой 1918 года в дикой бытовой неустроенности Тойла, под низким тошнотворным небом холодной Эстонии, в грязи расплзающихся под ногами дорог соловей умер. Взамен него родился другой поэт, с иными творческими задачами, устремлёнными уже не в будущее, а приземлёнными в настоящее. Соловей ещё не раз прорвётся на кончик пера, но его бессмысленность будет сильно уступать прагматизму дня насущного. Очень жаль, что Шубникова и Терёхина не были в Тойла дождливой осенью или студёной зимой. Стульчак в ледяном сортире был бы отличным дополнением к их холодному академизму.

Однако вернёмся к Спасскому, который видел Игоря-Северянина на следующее утро после концерта:

«Он полулежал на диване в старой тужурке, невыспавшийся, с несвежим, опухшим лицом. На столе перед ним — графин водки и тарелка с солёным огурцом. Отрывисто и важно он сообщил, что вскоре выйдет "Громокипящий кубок"».

И вот теперь слово Александре Михайловне Вавилиной-Мравинской. Вечером мы сидим у неё на даче на Песках (Усть-Нарва) и за чаем она ласково объясняет мне об Игоре-Северянине, то до чего я сам тогда ещё не додумался:

«— Надо понимать, что он был поэт и одарённый музыкально человек. Гениального музыканта терзает ритм. Гениального поэта — рифма. Игоря-Северянина терзали и ритм, и рифма. Не всякий одарённый двумя такими талантами человек способен выдержать это испытание. Возбуждение становится особенно сильным после выступлений на публике. Организм сотрясается от резонанса, в который попадают ритм и рифма. Если не остановить, возможен коллапс — творческая и даже физическая смерть. Именно это обстоятельство, а не декадентская распущенность объясняет его пьянство. Нечто подобное я наблюдала после концертов Евгения Константиновича. Освобождаясь от нервного перевозбуждения, он мог вдребезги разбить дорогой японский сервиз и вспомнить об этом лишь несколько дней спустя».

***

И, если вы ещё верите в авторитет Кайдан-Дешкина, то взвесьтесь кострами сочинения Шубниковой и Терёхиной!

А что же дамы, что вынесли они из пламени музыкальной одарённости поэта? А вот что — деньги он клячил у Рахманинова:

«Сохранилось три письма Северянина Рахманинову. Ответные письма Рахманинова Северянину и портрет композитора с дарственной надписью композитора, по свидетельству Веры Коренди, сгорели в дни Великой Отечественной войны».

КТО Я И, КТО ОНИ

Слева Шубникова, справа Терёхина — обе без шансов попасть в лауры к Игорю-Северянину.

Шубникова-Гусева Наталья Игоревна — советский и российский литературовед, специалист по Сергею Есенину, Игорю Северянину (без дефиса), доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М.Горького Российской академии наук.

Терёхина Вера Николаевна — советский и российский искусствовед, историк искусства, литературовед. Исследовательница русского авангарда, специалист по Владимиру Маяковскому, Ольге Розановой, Велимиру Хлебникову, Игорю Северянину, русскому экспрессионизму, русскому футуризму, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М.Горького РАН, доктор филологических наук, профессор Литературного института имени А.М.Горького.

Если они на собственном примере учат студентов тому, как делать нельзя, то мой им низкий поклон. Они повторяют подвиг Ильи Мечникова, привившего себе сифилис. Я бы не рискнул взяться за жизнеписание Игоря-Северянина и давать оценки его поступкам. Объяснить детали и взаимосвязи — да, оценивать — нет.

Моя критическая книжка — это трагедия о безумстве сонных академических свистунов! (Дамочки должны знать о чём это я.) Моя книжка о том, каким красочным и живым могло бы быть, пусть и академическое, но всё же жизнеписание поэта, прояви свистуньи хоть немного уважения к человеку и материалу.

КОЗЛИНАЯ ПЕСНЬ

Я же просто дилетант, т.е. персона, занимающаяся литературоведением без должных знаний и профессиональной подготовки, но в этой песне мне священен каждый слог! Жизнь поэта и её хитросплетения я знаю лучше, чем свою собственную. И мы уже не ровесники, я старше поэта, хотя прожил и продолжаю проживать его жизнь вместе с ним. Разумеется, настолько, насколько это вообще возможно для постороннего человека из другого временного пласта.

И я не истина в конечной инстанции. Ищите свои откровения в творчестве поэта, но не ищите новых континентов и потерянных цивилизаций там, где их нет, не тратьте на это драгоценное время жизни.

Читайте стихи — там есть всё: и любовь, и вновь открытые америки, и полярные пылы, и ветропросвист экспрессов, и крылолёт буеров, и много чего ещё...

Ничего не учите наизусть, что должно отложиться в памяти, отложится. Всегда читайте с листа — я долго постигал эту науку, но только так между поэтом и вами не будет ледящего душу дыхания сонных свистунов с претензией на академическое посредничество.

***

Надеюсь, я убедил читателя в том, что, читая жизнеописание замечательного человека, знаменитого русского поэта Игоря-Северянина, в исполнении Шубниковой и Терехиной, приходится разгадывать шарады и кроссворды. О, Шубникова! О, Терёхина!
В какой из культурных кодов России филоложество включило вас?

Однако кто я и, кто они?

СЕВЕРЯНИН

Владимир
Бондаренко

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Владимир Бондаренко.
Северянин. «Ваш нежный, ваш единственный».
Москва. Молодая Гвардия. 2018. С. 408.

Igor-Severjanin

Aeg
hümnistada
Пора огимнить ...
virele excés ...

Suuletõlge
Переводы поэт
1985-2015

Karolina Gryn

Igor-Severjanin. Aeg hümnistada. Пора огимнить... Virele excés
Параллельные переводы Karolina Gryn. 2016. С. 71.
Цветная иллюстративная обложка.

Мария Третьякова
Поэзия моды Игоря Северянина.
Издательство «Вече», 2017. С. 222.
Цветные иллюстрации

ТОЙЛАСКИЙ ПРОМЕНАД
и Игорь Северянин

Елена Холопова.
Тойлаский променад и Игорь Северянин.
Фотоальбом. Издательство КПД, Таллинн, 2012. С. 100
Цветные иллюстрации

Вот то немногое, но безусловное, что я могу
порекомендовать влюблённым в поэта
читателям.

**ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН —
ОН ТЕМ ХОРОШ, ЧТО ОН СОВСЕМ НЕ ТО...
ОПЫТ ОЧЕНЬ КРАТКОГО ЖИЗНЕОПИСАНИЯ**

Роса оранжевого часа

В заголовок главы вынесена северянинская метафора, обозначающая капли утренней росы в свете восходящего солнца. Солнце поднимается над горизонтом, и влага испаряется. Метафора двойная: память со временем тоже подсыхает, если её время от времени не увлажнять слезами сердца.

Игорь Лотарёв родился 4 (16) мая 1887 года в Петербурге, в доме номер 66 по Гороховой улице. Дом сохранился. Следующий адрес в Петербурге — Средняя Подьяческая, дом 5 квартира 8. Угловой особняк в начале улицы утратил нумерацию по Средней Подьяческой улице, так что, скорее всего реальный адрес — нынешний дом 3, в котором квартира 8 расположена на втором этаже и выходит окнами на солнечную сторону (нынешний дом 5 — стандартный петербургский дворколодец, сырой и мрачный).

Отец поэта Василий Петрович Лотарёв служил в I железнодорожном батальоне, дворянин, но не родовитый. Мать Наталья Степановна Домонотович, урождённая Шеншина, вдова с дочерью на руках. Дочь зовут Зоя. По линии матери Игорь Лотарёв находился в прямом родстве с поэтом Афанасием Фетом, который-то и Фетом оказался незаконным, а посему в конце жизни принял родовую фамилию Шеншин. Род не очень знатный, но уходивший своими корнями в доромановские времена: по восшествию на престол Михаила Федоровича Романова род Шеншиных уже насчитывал четыре достоверных поколения. А вот родство Игоря Лотарёва с историком Николаем Карамзиным — это либо миф, либо поэту было известно нечто, нам недоступное.

По линии первого мужа матери генерал-лейтенанта Георгия Ивановича Домонтовича Игорь Лотарёв состоял в свойстве (некровном родстве) с любопытными историческими персонажами, например, с оперной певицей Евгенией Мравиной (Мравинской), которую Император Александр III прочил в любовницы наследнику престола Николаю Александровичу или с видной революционеркой, большевичкой, реформатором пролетарской половой жизни и дипломатом — Александрой Михайловной Коллонтай, урождённой Домонтович. Шубкам и бриллиантам Александры Михайловны завидовали даже коронованные особы.

Домом на Средней Подъяческой и театральными абонементами юного повесы владела сводная сестра будущего поэта Зоя. В 1907 году она умерла, и квартира на Подъяческой, по словам поэта, была потеряна, хотя достоверно известно, что адрес был действительным ещё в ноябре 1913 года. Скорее всего, речь идёт о том, что квартира перестала быть бесплатной. С «потерей квартиры» начались дачные скитания поэта: сначала Гатчина и Пудость, потом Дылицы и мыза Пустомержа под Веймарном, потом эстляндское Тойла.

Наиболее яркие воспоминания детства: северная природа, Суда, Шексна, рыбалка, Череповец, порт Дальний (Далян) и Порт-Артур (Люйшунь). Я видел эти места. Суда и Шексна, несмотря на сильно продвинувшуюся цивилизацию, до сих пор очаровательны. В 1938 году, выбирая место для поселения «в природе», Игорь-Северянин найдёт на Россони деревушку Саркуль — точную копию берега Суды. Что касается Дальнего и Порт Артура, то именно здесь он постиг очарование моря, плещущегося у *головокружных* китайских берегов. Балтийское море, а точнее Финский залив он познает в Тойла, оценив эстляндские *головокружные* берега. Высокий глинт в Тойла действительно напоминает окрестности Даляна с той только разницей, что море есть, но за спиной нет гор, а вместо золотого песка — крупная галька.

В Даляне и Порт Артуре Игорь Лотарёв видел первую Тихоокеанскую эскадру, русских адмиралов, офицеров и матросов. В 1941 году упокоившись на Александро-Невском кладбище в Таллинне, поэт попал в компанию российских моряков во главе с контр-адмиралом Изъльметьевым. Промысел Божий несомненен: на сельском кладбище в Тойла ему, наверно, было бы скучно среди деревенских постояльцев.

Игорь Лотарёв за свой счёт выпустил восемь брошюр со стихами, посвящёнными подвигам российских моряков. Девятая книжица, уже прошедшая цензуру, не вышла из печати, потому что поэт влюбился. Ему мы обязаны тем, что подвиги российских моряков были воспеты в стихах. Он единственный из русских поэтов, кто донёс до нас живые впечатления. Знаменитого «Варяга» и то пришлось переводить с немецкого. Автор «Der "Wagjag"» австрийский поэт Рудольф Грейнци постарался за весь Серебряный век русской поэзии. Он да Игорь Лотарёв — вот и вся Русско-японская война в русской поэзии.

Известно, что в начале своей гастрольной деятельности Игорь-Северянин напевал свои стихи на некий популярный мотивчик. Автор пионерского гимна «Взвейтесь кострами синие ночи» пианист Сергей Фёдорович Кайдан-Дешкин оставил в архиве Юрия Шумакова нотную запись мелодии, которую поэт якобы использовал при чтении стихов. Попытки воспроизвести весьма корявую запись Дешкина неизменно

оканчивались неудачами. Вероятно, всё дело в том, что в качестве музыкальной основы Игорь-Северянин использовал любимую им «Песенку Филины» (полонез) из оперы Амбруаза Тома «Mignon», точнее его фрагменты.

Однажды эстонский поэт Вальмар Адамс, близко знавший Игоря-Северянина, заметил в беседе со мной, что у того была великолепная музыкальная память, позволявшая ему на слух воспроизводить даже самые сложные оперные партии: «*А голос у него был концертный — стены дрожали!*» Так что «Песенка Филины» — это единственное, что можно было бы попытаться соединить со стихами Игоря-Северянина в расчёте на успех и на историческую достоверность.

Константин Паустовский вспоминал одно из ранних выступлений Игоря-Северянина:

«К его ногам бросали цветы — темные розы. Но он стоял все так же неподвижно и не поднял ни одного цветка. Потом он сделал шаг вперед, зал затих, и я услышал чуть картавое пение очень салонных и музыкальных стихов (...) В этом была своя магия, в этом пении стихов, где мелодия извлекалась из слов, не имевших смысла. Язык существовал только как музыка. Больше от него ничего не требовалось».

Мелодия извлекалась из слов, не имевших смысла, и это ещё одна подсказка в пользу «Песенки Филины», недаром поэт сказал о себе:

Я — соловей: я без тенденций
И без особой глубины..
Но будь то старцы иль младенцы,—
Поймут меня, певца весны.

Дон-Жуанский список поэта

В современной транскрипции следует писать слитно — *дон-жуанский*, но мне больше нравится так, как писали раньше. Между поэтами XIX и начала XX веков есть разница. Как это там, у Пушкина: *наши поэты сами господа*. Интимные посвящения поэтов-господ прятали в тайных альбомах и достоянием широкой публики они становились лишь случайно или после смерти адресатов. Как это ни странно, традиция закончилась на Игоре-Северянине, точнее ещё на Игоре Лотарёве.

Неожиданная встреча в камерке Тимофея Гуцана — дворника при гатчинском соборе Петра и Павла, перевернула жизнь юного поэта. Ровесница Евгения Тимофеевна Гуцан — знаменитая Злата мгновенно потеснила военно-морскую музу Игоря Лотарёва. В стихах, посвящённых Злате, последний поэт XIX века Константин Фофанов разглядел *поэта-северянина*. Встреча с Фофановым красочно описана в романе «Падучая стремнина». Фофанову мы обязаны тем, что Игорь Лотарёв в минуту опьянения вином и поэзией угадал в себе гения. Так что, в гроб сходя, Константин Михайлович благословил только Игоря Лотарёва:

Пророки шли дубровой темной;
Один Илья, чья речь — как гром...
Другой — его преемник скромный,
Босой, с лысеющим челом.

И говорит Илья: «Довольно
Мне в мире быть среди людей...
Гряди и властвуй речью вольно!
Греми, преемник Елисей!

Я ухожу! Земного хлеба
Не надо мне, — бессильна плоть!
Я ухожу к Творцу на небо...
Пора, пора! Зовёт Господь!»

Это и есть поэтическое завещание Фофанова: *гряди и властвуй речью вольно!* Впрочем, из всех стихотворных посвящений Фофанова Игорю-Северянину, одно мне особенно любо:

Я гость не лишний, не случайный
И говорю Тебе: «Поверь,
Нежнее будь с сердечной тайной
И к ней припри плотнее дверь.

Оберегай её как сторож,
Когда падёт ночная тень,
Чтобы какой-нибудь заморыш
Не отравил твой добрый день...»

Впрочем, вернёмся к списку. Злата — Евгения Гуцан первая достоверная победа, внесённая в условный список. То, что такой список

мог бы существовать — посвящения «Третьей», «Тринадцатой, а, значит, последней». Итак, список:

1. Евгения Тимофеевна Гуцан (Злата).
2. Дина Г. (певичка).
3. Александра Наумова (институтка, меломанка, лингвистка и эстетка).
4. Елизавета (камеристка царской фрейлины).
5. Зинаида Г. (младшая сестра певички Дины Г., «Третья»).
6. Кума Матреша (Предгрозя, ингерманландка).
7. Елизавета Тимофеевна Гуцан (мисс Лиль, младшая сестра Евгении-Златы).
8. Инстасса.
9. Карменсита.
10. Анна Воробьева (Королева, Северянка).
11. Violette (старшая сестра Анны Воробьевой)
12. Синьора За.
13. Татьяна Краснопольская (Тиана, писательница).
14. Елена Новикова (Мадлена).
15. К-ч Н.М. (Гризельда).
16. София Сергеевна Шамардина (Сонка).
17. Валентина Гадзевич (Солнцева, поэтесса).
18. Евдокия Владимировна Штранделл (Дуничка, Холодная Цирцея).
19. Ирина Константиновна Борман (поэтесса).
20. Антонина Константиновна Борман (младшая сестра И.Борман).
21. Виктория Шей де Вандт (Виорель, певица и поэтесса).
22. Валентина Васильевна Берникова (поэтесса, лингвистка).
23. Мадмуазель Г. (дама из Любляны).
24. Вера Яковлевна Орлицкая (хозяйка замка Храстовац).
25. Валерия Борисовна Запольская (младшая сестра Веры Борисовны Коренди, урождённой Запольской).

По собственному признанию, не со всеми поэт был близок телесно, но и те, с кем был, и те, с кем не был — все они иконными ликами отпечатались на стене Собора чувств и в стихах обрели своё бессмертие. Естественно, что в списке нет законной жены Фелиссы, гражданских жён Семеновой и Волнянской. Последняя гражданская жена поэта Вера Коренди в списке была бы тоже на птичьих правах, хотя и претендовала на тайную связь с ним в течение пяти, лет.

У списка есть две любопытные особенности. Во-первых, мы точно знаем, почти все платонические влюблённости, на которые было в той или иной мере было отвечено взаимностью: Александра Наумова, камеристка Елизавета, Карменсита, Violette, Татьяна Краснопольская, Елена Новикова, Антонина Борман, Вера Орлицкая, Валерия Запольская.

Во-вторых, в коротком списке очень высокий процент родных сестёр: Евгения и Лиза Гуцан, певичка Дина и её младшая сестра Зина, Елена Новикова и Татьяна Краснопольская, Анна Воробьева и Violett, Ирина и Антонина Борман, наконец, Валерия и Вера Запольские — всего шесть пар, без малого половина списка! В стихотворении «Ее сестра» (1908) находим:

Пусть больше не моя она,
Её сестра — моя!»

Бульдожья челюсть Королевы

Начиная с 1913 года, Игорь-Северянин открыто читал со сцены стихи, посвящённые своим пассиям. И в зале всегда находились дамы, заинтригованные «Третьими» и «Тринадцатыми», Инстассами и Гризельдами, желавшие пополнить собой Дон-Жуанский список поэта и однажды услышать со сцены стихи, им посвящённые.

За Еленой Новиковой поэт признавал принесённую ею всероссийскую славу. Вполне достоверные подробности платонического романа найдутся в «Рояле Леандра». Именно ей — Мадлэне посвящённые стихи сделали его известным в России поэтом:

Быть может оттого, что ты не молода,
Но как-то трогательно-больно моложава,
Быть может оттого я так хочу всегда
С тобою вместе быть; когда, смеясь лукаво,
Раскроешь широко влекущие глаза
И бледное лицо подставишь под лобзанья,
Я чувствую, что ты — вся нега, вся гроза,
Вся — молодость, вся — страсть; и чувства без названья
Сжимают сердце мне пленительной тоской,
И потерять тебя — боязнь моя безмерна...

Новикова — истинно платоническая любовь, поскольку отношения развивались на фоне связи Игоря-Северянина с Еленой Яковлев-

ной Семеновой, уже находившейся на сносях. На отношения с Семеновой наложился сначала дорожный роман с Гризельдой, потом второй сезон романа с Елизаветой Гуцан. Конец первому сезону отношений с Елизаветой Гуцан положила таинственная Инстасса. Валентина Солнцева и София Шамардина практически одновременные крутили романы с Игорем-Северяниным и Владимиром Маяковским. Вот как тут всё основательно переплетено и запутано.

Синьора За прославила поэта критическим отзывом Льва Толстого на одну из его «Хабанер»: вроде того, что *кругом виселицы и пьянство, а у них упругость пробки*. В высшей степени нравственной Карменсите посвящены пронзительные строки:

До луны хохотала сирень
Беспощадно-осмысленным хохотом...
Ты не шла. В парке влажная тень.
Сердце ждет. Сердце бесится грохотом.
— Отхохочет ли эта сирень?
Иль увянет, сожженная хохотом?!

Роман с Анной Воробьевой одним из первых стал достоянием широкой общественности. Ей — Королеве и Северянке посвящена знаменита поэма-миньонет «Это было у моря». Остановите на улице интеллигентного вида прохожего средних лет, и — держу пари! — он без труда выжмет из себя *«Это было у моря, где ажурная пена, где встречается редко городской экипаж, Королева играла в башне замка Шопена...»*

Воробьева долго пребывала в забвении, хотя для современников поэта личность Королевы, видимо, не была тайной. Так, некто Голиков опубликовал в «Солнце России» эгофутуристическую поэму «Игорь в Куоккале», в комических выражениях описывающую роман Игоря-Северянина с Анной Воробьевой:

На парадной лестнице,
Выпив рюмку Асти,
Он пришел к прелестнице,
Розовый от страсти.
И сказал: — Красавица,
Разлучившись с светом,
Хочешь позабавиться
Ласками с поэтом?
Из среды искусственной,
Из среды мещанской,

Едем в мир сверхчувственный,
На вокзал Финляндский! (...)

— Да, — сказала Игорю
Нежная подруга:
— Я огнем любви горю,
Как светило юга!
За тобой хоть в Африку
Ехать я готова,
Смело побросав в реку
Радости бывшего!

И с надеждой странную
Бросив мир мещанский,
Он поехал с Анною
На вокзал Финляндский...

Публика потешалась над тем, как *судьба раскокала все мечты поэта*, и никому не приходило в голову оспаривать историческую достоверность Аннушки.

Чтец-мелодекламатор

Игорь-Северянин стал первым в России публичным поэтом, разумеется, если не считать робких попыток Фёдора Сологуба. К 1918 году у него накопилось 135 выступлений, из которых 48 в концертах с другими исполнителями и 87 *a'la recital*, т.е. сольно. Однако в самом феномене первого русского *recitalя*, точнее автора, выступающего в роли эстрадной звезды, было несколько обстоятельств, которые чрезвычайно раздражали умных современников.

Во-первых, казавшееся вычурным словотворчество. Однако вскоре выяснилось, что механизм словотворчества «новейшего из новых» изрядно тяготеет к славянской архаике, местами даже к церковно-славянской. В статье «О языке Игоря Северянина» современника поэта профессора Р.Ф.Брандта находим: «*Строгая грамматика осудит, но живое чутье оправдает...*»

Во-вторых, критиков коробило от публичности. До Игоря-Северянина серьёзные поэты прятались по салонам, по «башням», тусовались исключительно на журфиксах и похоронах знаменитостей, не опускаясь до непосредственного общения с потенциальными читателя-

ми. Максимум общения — серьёзная лекция об искусстве, ещё реже — публичный диспут.

Фельетон Клавдии М. (Брониславы Рундт?) в журнале «Женское дело» рисует нам картинку с натуры:

«Наконец, появляется он, гений Игорь Северянин, и начинает "популярить изыски".

Зачарованная и заморожённая "дамья" толпа бросается на эстраду, засыпает поэта цветами, загоразживает все входы и выходы.

Когда поэт скрывается за дверью, с трудом протискиваясь среди своих поклонниц, жаждущих, как счастья, его мимолётного взгляда, случайного прикосновения, в зале происходит нечто невообразимое. Закроешь глаза и начинает казаться, что попал в среду беснующихся обезьян.

И ведь имя-то какое удобное — Игорь!

Удивительно приспособлено для визга.

Стук, крики, аплодисменты — все покрывается пронзительным "И".

И-и-и-горь! И-и-и-горь!

Так же беснуется толпа "на Собинове".

Только визжит на букву «о».

И точно так же говорят, ведут себя обитательницы сумасшедших домов, когда появляется любимый доктор. (...)

Но, с другой стороны, как не приходиться в экстаз при виде Игоря Северянина?

Было до него много поэтов. Были, говорят, и гениальные, и талантливые, и всякие, но такого не было.

Он поэт совсем особенный, специальный — "дамий" поэт. Вот как есть дамские портные и парикмахеры».

В-третьих, в Игоре-Северянине раздражала манера чтения стихов, которую сегодня условно назвали бы мелодекламацией, т.е. художественной декламацией стихов с использованием музыки. И это тоже не была новость: как художественный приём мелодекламация существовала уже в XVII столетии, и к началу XX столетия оформилась в самостоятельный концертный жанр. Отчего же тогда по свидетельству Сергея Спасского, от *recitando* Игоря-Северянина публика ухотачивалась до слез?

Наконец, раздражал вычурный псевдоним поэта.

Игорь-Северянин с дефисом или без?

Сложный вопрос. В основе творчества Игоря-Северянина лежит посылка «я — гений», в которой он не позволял сомневаться никому, хотя поэзия для него никогда не стояла на первом месте в точном соответствии с пушкинским: *«Пока не требует поэта \ К священной жертве Аполлон, \ В заботах суетного света \ Он малодушно погружен; \ Молчит его святая лира...»*

Музыка, женщины, рыбалка, выпивка в компании — эти приоритеты часто и на разное время менялись местами, но поэзия как таковая никогда не была на первом месте долее того времени, которое было потребно чтобы сложить на бумагу *выпешившиеся свободно строки*. Псевдоним тесно связан с внутренней свободой поэта. Форма литературного псевдонима, избранного себе Игорем Лотарёвым, даже для богатой на всяческие изыски русской литературы является довольно необычной и сочетает в себе функции инициации-оберега-мифологема.

Принятие псевдонима есть символический акт инициации, т.е. момент, с которого поэт *начинает быть*. Константин Фофанов — последний русский поэт XIX века назначает юношу своим преемником: *«Гряди и властвуй речью вольно!»*

Функция псевдонима как оберега, суть проявление древнего магического сознания: привлечение автором на свою защиту высшей силы, в нашем случае — Севера. Через магические действия с *псевдоименем* поэта современники — критики, редакторы и журналисты пытались получить определённую власть над автором. Ещё при жизни поэта сложилась практика либо ритуальной кастрации псевдонима путём отделения имени от определения и превращения последнего в самостоятельную фамилию — *Северянин*, либо путём вытравливания дефиса и опрощения псевдонима до привычных имени и фамилии — *Игорь Северянин*. В современных изданиях можно встретить конструкцию с присовокуплением отчества — *Игорь Васильевич Северянин*. (Помянутый выше профессор Брандт уважительно называл поэта: *Игорь Васильевич Шеншин-Лотарёв*.)

Псевдоним, суть особая мифологема, в которой зафиксированы каноны существующего для поэта порядка вещей, а также описание всего того, что существует в его мире. Вокруг нас множество прекрасных и удивительных вещей. Они уже существуют, но, чтобы эти вещи действительно *начали быть* они должны получить имена. Ремесло Адама в Райском саду — давать вещам имена, через которые они начинают быть, он — поэт и через акт поэтического творчества становится участником Творения.

Для Льва Толстого поезд, убивающий Анну Каренину, вещь реально существующая, но обезличенная — просто механическое устройство,двигающееся силой пара. Для Игоря-Северянина курьерский поезд уже не просто вещь, а вещь, которая сама способна производить поэзию — *ветропросвист*. Он наделяет вещь некими художественными качествами, через которые вещь *начинать быть*. То, чему поэт отказывается дать название, перестаёт для него существовать в реальности и наоборот, то, что им названо, получает право существовать самостоятельно, право быть вне мифологемы поэта:

Стрёткот аэропланов! беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! крылолёт буэров!
Кто-то здесь зацелован! там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грёзофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! из Нью-Йорка — на Марс!

Надо полагать, что поэт не слишком бы удивился, узнав о том, что спустя восемьдесят лет после его смерти американцы отправят на Марс аппарат *Curiosity*. Кстати, открою вам рецепт ананасов шампанском: не используйте сырые ананасы, только шампанское испортите, а удовольствия никакого не получите. Ананас должен быть консервированный и в бокал вместе с долькой должно попасть немного сока. Помните: шампанское добавляют в бокал к ананасу, а не наоборот. Простите мне это прозаическое отступление от темы.

Люди, реализующие собственную мифологему, живут в ней и поэтому нечувствительны к реальности. Отчасти это объясняет тот факт, что история, хотя и прошла сквозь биографию Игоря-Северянина, но не оказала существенного влияния на её творческую составляющую, потому что была частью личной мифологемы поэта крайне избирательно.

Следует признать, что псевдоним «Игорь-Северянин» как свидетельство инициации, оберег и мифологема является историческим фактом культурного и литературного процесса в России в начале XX века. Он является существенной деталью биографии Игоря Васильевича Лотарёва и неотъемлемой частью его творческого наследия.

Литературный выдвиг.

Литературный *выдвиг* как и все прочие *творческие выдвиги* во все времена представляет известную сложность. Чтобы пробиться нужно либо покровительство, либо сумасшедший случай. Встреча с Фёдоровым — случай, сумасшедший, конечно, но без покровительства Фёдора Сологуба литературный выдвиг Игоря-Северянина мог бы и не состояться.

Я намеренно опускаю здесь описание краткого эгофутуристического периода в жизни Игоря-Северянина, потому что гении не сбиваются в стаи и не бродят стадами, подобно жвачным животным. Удел гения есть удел горного пика — одиночество в компании пиков повыше или пониже:

«Константин Олимпов в печати оклеветал меня. Я прощаю его: моё творчество доказательно. Теперь, когда для меня миновала надобность в доктрине: «я в будущем», и находя миссию моего Эго-Футуризма выполненной, я желаю быть одиноким, считаю себя только поэтом, и этому я солнечно рад. (...) Смелые и сильные от вас зависят стать Эго-Футуристами!» («Открытое письмо Игоря-Северянина», 23 октября 1912 года.)

Ситуация в эгофутуризме резко изменилась после дебюта Игоря-Северянина в салоне Фёдора Сологуба на Разъезжей улице в Петербурге в октябре 1912 года и повторного дебюта у Валерия Брюсова в «Обществе свободной эстетики» 20 декабря в Москве. Успех был закреплён в марте 1913 года выступлением в Большой аудитории Политехнического музея в Москве и выступлением в концерте Фёдора Сологуба в зале Благородного собрания в Петербурге 9 марта.

Последующая концертная хроника в марте 1913 года в турне с Фёдором Сологубом выглядит так: Минск, Вильно, Харьков, Екатеринослав, Одесса, Симферополь, Ростов-на-Дону, Екатеринодар, Баку, Тифлис и Кутаис. Сегодня бы такой напряжённый гастрольный график назвали бы *чёмсом*. В Кутаисе Игорь-Северянин внезапно прерывает турне, несмотря на все уговоры Чеботаревской и Сологуба. Позже он напишет Сологубу:

Ты осудил меня за то, что я, спеша
К любимой женщине, родами утомлённой,
Прервал твоё турнэ, что с болью исступлённой
К ней рвалась вся душа!

Ещё ты осудил меня за то,
Что на пути домой я незнакомку встретил,
Что на любовь её так нежно я ответил,
Как, может быть, никто!

Объяснение явно невразумительное: турне прервано в последних числах марта, роман с незнакомкой — Гризельдой отнял около двух недель в конце марта — начале апреля, а Семенова родила дочку только 21 июня. Концы явно не сходятся с концами! Вот в чем особенная прелесть биографии Игоря-Северянина: при множестве достоверных фактов неизменно сохраняется почти детективная интрига.

Самцы и стадо.

В январе 1914 года «Первая олимпиада футуризма» заодно стала и последним рецидивом стадности в биографии Игоря-Северянина. Подробности самого события смотрите в романе «Колокола собора чувств», а здесь мы рассмотрим лишь некие сопутствующие обстоятельства.

В своих воспоминаниях о Маяковском Игорь-Северянин, поражая нечаянной забывчивостью, написал:

«Странно: теперь я не помню, как мы познакомились с Володей: не то кто-то привел его ко мне, не то мы встретились на одном из бесчисленных вечеров-диспутов в СПб. (...) Я теперь жалею, что в своё время недооценил его глубинности и хорошесть (...) Мешали мне моя строптивость и заносчивость юношеская, самовлюбленность глуповатая и какое-то общее скольжение по окружающему. В значительной степени это относится к женщинам. В последнем случае последствия иногда были непоправимыми и коверкали жизнь, болезненно и отрицательно отражаясь на творчестве».

Две последние фразы о женщинах, как будто мешавших дружбе двух поэтов, имеют под собой реальную основу. Прежде всего, осенью-зимой 1913-194 годов это курсистка София Шамадина и поэтесса Валентина Солнцева (Гадзевич). Будем, однако, помнить о том, что в Пустомерже на мызе княгини Оболенской тоскует наполовину брошенная гражданская жена Елена Яковлевна Семенова с дочерью Валерией, бывшая любовница Елизавета Гуцан с сыном поэта нуждаются в материальной поддержке, а где-то в Грузии немислимым испытаниям под-

вергается любовь таинственной Гризельды. И все это, заметьте, почти одновременно.

Оспаривая первенство Вадима Шершенивича и Николая Кульбина, Шамардина утверждала, что именно она познакомила Игоря-Северянина и Маяковского. Как бы там ни было, но уже 2 ноября 1913 года Игорь-Северянин и Владимир Маяковский вместе с Николаем Бурлюком, Велимиром Хлебниковым и Василиском Гнедовым выступают на вечере в Петербургском женском медицинском институте. А Маяковский увел с вечера Софию Шамардину — фактически женщину Игоря-Северянина. Он выбрал женщину Игоря-Северянина, потому что она была частью его футуристического наследства. Сам Игорь-Северянин в тот ноябрьский вечер ушёл из медицинского института в компании поэтессы Валентины Солнцевой.

Маяковский отправился в «Бродячую собаку», где провёл остаток вечера с Шамардиной в компании сотрудников журнала «Сатирикон». Ночью Маяковский вызвался проводить Шамардину домой на Васильевский остров, но молодые люди почему-то оказались в гостях у Велимира Хлебникова, которого «друг Володя» заставил до утра читать стихи. Встречи Маяковского и Шамардиной стали регулярными.

По словам Шамардиной, её и Маяковского часто принимали за брата с сестрой, из-за чего возникали сложности, омрачавшие их отношения. Шамардиной игра в брата и сестру, видимо, нравилась, поскольку позволяла скрывать интимные отношения с Маяковским и продолжать отношения с Игорем-Северяниным, который, естественно, ни о чём не догадывался. Несмотря на свой юный возраст, София Сергеевна уже тогда была опытной интриганкой и вскоре с блеском это доказала.

В ноябре 1913 года Игорь-Северянин и Маяковский дважды выступают вместе: 16 ноября на вечеринке вологодского землячества в зале Высших Петербургских женских курсов и 29 ноября на вечере в зале «Соляного городка». Первую половину декабря Маяковский провёл вне столицы и вернулся в Петербург лишь 18 декабря. Во время его отсутствия произошло некое важное событие. Забыв на время о своих амбициях наследника, он просит Игоря-Северянина срочно найти ему импресарио. Игорь-Северянин списывается с Владимиром Сидоровым и попросит его включить в число участников турне по югу России Маяковского, а также перенести начало турне на более ранние сроки.

После смерти Маяковского Сидоров утверждал, что получил от Игоря-Северянина телеграмму, в которой, между прочим, были и такие строки: *«Я на днях познакомился с поэтом Владимиром Владимировичем Маяковским, и он — гений. Если он выступит на наших вечерах,*

это будет нечто грандиозное. Предлагаю включить его в нашу группу». Гений хвалит гения?

Игорь-Северянин, ни при каких обстоятельствах не потерпел бы в своей компании ещё одного «гения», а это значит, что он всё ещё не рассматривал Владимира Маяковского в качестве реального конкурента на сцене и в жизни. Есть все основания предполагать, что Игорь Васильевич был уловлен на грубоватую лесть со стороны Маяковского, знавшего наизусть множество его стихотворений (позже в Керчи именно это обстоятельство послужит поводом к ссоре двух поэтов).

Вечером 26 декабря 1913 года Игорь-Северянин и Маяковский садятся в поезд, который увозит их в Симферополь. Об отношении Маяковского к Игорю-Северянину можно судить по замечанию, сделанному им Ивану Грузинову: «... когда мы доехали с ним до Харькова, то я тут только обнаружил, что Игорь Северянин глуп». Это замечание не свидетельствует о прозорливости Маяковского, если, конечно, он не имел в виду некое обстоятельство, о котором Игорь-Северянин должен был бы знать, но по какой-то причине даже и не догадывался. И такое обстоятельство было.

В феврале 1914 года София Сергеевна Шамардина внезапно потеряет интерес к турне с Игорем-Северяниным и отлучит его от доступа к телу. Только в Петербурге выяснится, что она ждала ребёнка от Маяковского, но сделал аборт. После аборта отношения Шамардиной с Игорем-Северяниным возобновятся, но уже ненадолго.

А ведь одновременно с Шамардиной была ещё и Валентина Гадзевич — поэтесса Солнцева, пытавшаяся женить на себе кого-то из двух поэтов. Маяковский вновь оказался решительнее: «*Она пришла ко мне нагою, \ Взамен потребовав венца, \ А я ей предложил винца. \ И оттолкнул её ногою...*» Невольно возникает глупый вопрос: в какой позе Валентина излагала своё предложение, если Маяковский не нашёл ничего лучше, чем оттолкнуть её ногой?

И вновь, как бы там ни было, а стихи, посвящённые Валентине Солнцевой, вошли в золотой фонд русской поэзии начала XX века.

Война. Революция. Эмиграция.

Война Игорю-Северянину не понравилась. Будучи призванным в армию, от службы он все же откосил благодаря высокой покровительнице — княгине Ирине, жене князя Феликса Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон. Книгиня извлекла вольноопределяющегося поэта из учебных казарм на станции Малый Петергоф с помощью известного

врача невропатолога Владимира Бехтерева, который заочно выдал Марии Волнянской категорическое заключение о состоянии здоровья мужа:

«У Игоря Лотарева обратившагося ко мне за советом по поводу своего здоровья я нахожу кроме общаго малокровия расстройство нервной системы в средне тяжелой форме неврастении. Записка дается по личной просьбе его жены для сведения пользующаго его врача».

Служба в действующей армии не состоялась, однако воинственные стихи Игоря-Северянина остались, что впоследствии дало возможность графу Алексею Толстому разыграть в берлинском ресторане «Медведь» смешной фарс. История приводится со слов Игоря-Северянина в пересказе Ирины Одоевцевой:

«— Я приехал сюда в надежде переиздать мои книги. Но куда там! И слышать не хотят, а ведь всякую бездарь и шваль печатают. Объяснили: вы больше никому не нужны и не интересны. В альманах "Окно" меня не пустили. Устроить мой вечер и то не удалось — Союз писателей отказал наотрез.

А мерзавец Толстой в ресторане "Медведь", хлопнув меня по плечу, заголосолил, передразнивая меня: "Тогда ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на Берлин!" Расхохотался идиотски во всю глотку и гаркнул на весь ресторан:

— Молодец вы, Северянин! Не обманули! Сдержали слово — привели нас, как обещали, в Берлин. Спасибо вам, наш нежный, наш единственный! Спасибо!

И низко в пояс поклонился».

Война войной, а концертная деятельность не прекращается. До конца 1916 года поэт выступает в основном в Петербурге и Москве, но не забыты Курск, Орел, Саратов, Харьков и Одесса. В начале 1917 года география поездок расширяется: Батуми, Кутаиси, Тифлис, Новороссийск, Армавир, Екатеринодар, Таганрог, Ростов-на-Дону и вновь Харьков. Турне совершаются в сопровождении молодого литературного критика Виктора Ховина и новой гражданской жены — исполнительницы цыганских и городских романсов Марии Васильевны Волнянской (Домбровской).

Не прекращается издание книг. В 1915 году вышло в свет парадное собрание сочинений в издательстве Викентия Пашуканиса. Часть тиража была отпечатана на александрийской бумаге и переплетена в золотую парчу. Первые сто нумерованных экземпляров имели собствен-

норучный автограф Игоря-Северянина и специальный картонный футляр. Дешевая часть тиража вышла в мягких обложках работы Д.Митрохина и в переплетах из материи «лионез».

На военный период приходится дружба с репортёром «Биржевых новостей» и поэтом Алексеем Масаиновым (альманахи «Винтик», «Мимозы льна», «Острова очарований»). В это же время Игорь-Северянин знакомится с начинающим поэтом Георгием Шенгели. Профессор Шенгели весной 1942 года первым в России откликнется на смерть Игоря-Северянина в оккупированном германскими войсками Таллинне.

Наконец, Февральская революция, которую поэт принял, поддавшись очарованию грядущего либерализма. Год спустя, в феврале 1918 года поэт, сбжавший вместе с двумя гражданскими женами — бывшей Семеновой и нынешней Волнянской, дочерью Валерией, матерью Наталией Степановной и престарелой прислугой Марией Неупокоевой (Дур-Машей) из голодного Петрограда в тихое эстонское Тойла, возвращается ненадолго в Москву, чтобы выполнить гастрольные договорённости.

Два короля

Вечером 27 февраля 1918 года в лектории Политехнического музея собралась московская публика, чтобы поглазеть на состязание поэтов. Зал был набит до отказа. Если верить поэту Сергею Спасскому, то Владимир Маяковский, возвышаясь над толпой и размахивая руками, читал на этом состязании «Оду революции». Игорь-Северянин приехал к концу программы:

«Здесь был он в своем обычном сюртуке. Стоял в артистической, негнувшийся, "отдельный".

— Я написал сегодня рондо, — процедил он сквозь зубы вертевшейся около поклоннице.

Прошел на эстраду, спел старые стихи из "Кубка". Выполнил договор, уехал. Начался подсчет записок. Маяковский выбежал на эстраду и возвращался в артистическую, посверкивая глазами. Не придавая особого значения результату, он все же увлекся игрой. (...)

— Только мне кладут и Северянину. Мне налево, ему направо».

«Король шутов», как называл себя председатель жюри Дуров, объявил имя «короля поэтов». Вадим Шершеневич сохранил нам сплетню:

«Злые языки говорили, что при общем подсчёте, при ёмкости Политехнического в тысячу мест, оказалось почти две тысячи записок. Первую тысячу в урну Северянина положил сам Долидзе, желая организовать поездку по СССР короля и считая Северянина самым подходящим объектом.

Северянин принял своё избрание торжественно и помпезно, в благодарственном слове объяснив публике, что только революционная Россия оценила его по заслугам и что он, потомок Карамзина, оправдает это доверие. За кулисами он говорил лично мне: "Это лучший день в моей жизни! Меня скоро выберут в Академию"».

Тогда ещё просто зритель, а вскорости ответственный секретарь партийного журнала «Печать и революция» Яков Захарович Черняк (1898-1955) наблюдал состязание из зала:

«Маяковский читал замечательно. Он читал начало «Облака» и только что сработанный «Наши марш»... Королём был избран Северянин — за ним по количеству голосов следовал Маяковский. Кажется, голосов тридцать или сорок решили эту ошибку публики.

Из ближайшего похоронного бюро был заранее доставлен взятый напрокат огромный миртовый венок. Он был возложен на шею тощего, длинного, в долгополом чёрном сюртуке Северянина, который должен был в венке ещё прочитать стихи. Венок свисал до колен.

Он заложил руки за спину, вытянулся и запел что-то из северянинской "классики".

Такая же процедура должна была быть проделана с Маяковским, избранным вице-королем. Но Маяковский резким жестом отстранил и венок, и людей, пытавшихся надеть на него венок, и с возгласом: "Не позволю!" — вскочил на кафедру и прочитал, стоя на столе, третью часть "Облака"».

В сплетне Шершеневича настораживает упоминание об СССР, которого в феврале 1918 года не существовало даже в проекте. Пересказ благодарственной речи, а пуще того прямая речь Игоря-Северянина, обращённая за кулисами лично к Шершеневичу, вообще из области фантазий. Черняк был свидетелем выступления Игоря-Северянина, но если верить Спасскому, а ему можно верить, то ко времени подсчёта голосов и объявления победителя Игоря-Северянина в зале не было. Он выполнил обязательства перед Долидзе и уехал. Ему просто нечего было делать на вечере, где стихи других поэтов читали артисты.

Эпизод с миртовым венком, на первый взгляд, выглядит вполне достоверно, но внутри эпизода недостоверна фигура Игоря Северянина. Черняку надо было объяснить паническое поведение Маяковского, а сделать это можно было только через Игоря Северянина. Если это так, то поведение Маяковского во время голосования и после объявления результатов многое объясняет.

Среди участников состязания ходили слухи о том, что результаты выборов были фальсифицированы Маяковским, который умудрился высыпать в урну Игоря Северянина нераспроданные входные билеты. Если учесть, что зал, вмещающий не более тысячи человек, был заполнен почти до отказа, то ещё одна тысяча нераспроданных билетов в воспоминаниях Шершеневича — фикция. Согласно Черняку, тридцать или сорок голосов (билетов), решивших дело, гораздо ближе к истине.

Что именно читал Маяковский в отсутствие главного соперника, не так существенно, поскольку было две причины, по которым Маяковский не смог бы принять титул «короля» или «вице-короля» поэтов. Первая, но не главная причина — политическая: титул, пусть и шуточный мог повредить карьере революционного поэта. Главная же причина — гипертрофированная брезгливость Маяковского.

Маяковский запаниковал, когда из похоронного бюро притащили миртовый венок, и попытался уступить его Игорю Северянину, который, как он полагал, прячется за кулисами. Но соперника там не было. Когда же стало понятно, что проказа не удалась и «вице-королю» все же придётся читать стихи в похоронном венке, то Маяковский сорвался в истерику: *«Не позволю!»* Впрочем, может быть, никакой подтасовки и не было.

На триумфальном «Вечере короля поэтов» в Политехническом музее, состоявшемся 8 марта, Маяковский пытался декламировать свои стихи, но под громкий свист публики был изгнан с эстрады, о чём не без ехидства сообщила газета «Мысль» в номере за 11 марта 1918 года. Однако двадцать лет спустя тиражи стихов уже покойного «вице-короля» Маяковского перекроют все дореволюционные рекорды Игоря Северянина.

Фактически это финал почти детективной истории двух королей: самцов, перенёсших свой спор о главенстве в стаде с подмошток женского медицинского института в Петербурге на сцену Политехнического музея в Москве. Дон-Жуанский список Маяковского, пересекающийся со списком «короля русских поэтов», будут утверждать в Кремле, потому что королевство — уже республика, причём советская. В угоду пуританской морали, из истории русского футуризма вычеркнут и Шардину и Гадзевич.

Тойла. Фелисса

В марте 1918 года Игорь-Северянин приветствует Ленина в связи с заключением им позорного для России Брестского мира: *«он в смысле мира мой двойник!»* Для Игоря-Северянина «мир» — это только состояние без войны. Между тем в Тойла он попал уже через два карантина: в Ямбурге и в Ревеле. Довольно быстро поэт осознает, что Эстляндия больше не часть России, как это было до «мира», а полноценная заграница. Но он упорно продолжает славить новое пристанище: *«Эстония, страна моя вторая, \ Что патриоты родиной зовут...»*

Поначалу он приветствует в стихах совместные походы эстонцев и русской Северо-западной армии:

Они идут на Петроград
Спасти науку и искусство.
Всей полнотой, всей ширью чувства
Поэт приветствовать их рад.

Печальный опыт показал,
Как отвратительна свобода
В руках неумного народа,
Что от свободы одичал.

Однако, чем ближе финал Гражданской войны в Эстонии, тем он ужаснее. Едва начались мирные переговоры между двумя непризнанными государственными образованиями, а Северо-западную армию и беженцев из России уже пакуют по тифозным баракам, здоровых вместе с больными. Таковы правила «карантина». Из бараков одна дорога — на кладбище. Потом президент третьей республики как бы виновато разведёт руками: *«Что делать! Мы маленькая страна, нам нужно было защитить себя!»*

В 1919-1920 годах Игорь-Северянин ещё даёт поэзоконцерты в Юрьеве и Ревеле. В залах полно эстонской публики, отлично владеющей русским языком. Успех скрадывает накатывающую волнами горечь вынужденной эмиграции. Очень скоро Тойла превратится для поэта в место ссылки, почище Шушенского для Ленина, но он упорно будет отказываться от статуса эмигранта, называя себя «просто дачником».

В первые годы жизни в Тойла умирает мать поэта, он расстаётся с Марией Волнянской и женится на молодой эстончке Фелиссе Михайловне Крут, пишущей русские стихи. Сведения о том, как сложилась дальнейшая судьба Марии Волнянской, крайне противоречивы.

Рассказывают, что она какое-то время выступала в таллиннских ресторанах, исполняя цыганские романсы, и неплохо зарабатывала этим на жизнь, а потом уехала в Советскую Россию. Однако в письме Хильды Францдорф к Эмилии Варес находим нечто иное:

«Я была у жены Игоря, которая голодает. Я купила ей за 700 марок еды и дала 500 марок денег. Вышлю ей свое старое зимнее пальто и хочу купить материю на платье. Если у тебя найдется пара белья, вышлю ей».

Игорь-Северянин обзаводится знакомцами среди эстонской творческой интеллигенции. Переводит сборник стихов Генрика Виснапу, с которым останется в приятельских отношениях до конца жизни. Ещё есть возможность совершать поездки в Латвию, Литву, Польшу, Германию и Чехословакию, но ездить становится все дороже, а сборов вечера приносят все меньше. Европе уже не до поэзии. Европа ждёт, когда на неё рухнет оледенелая глыба войны коммунизма (по Мережковскому). Игорь-Северянин ещё издаёт новые книги, но продавать их становится сложно.

К 1926 году жизнь в Тойла становится избыточно неудобной. В летние месяцы до революции это было прекрасное дачное место, но зимы в Тойла кошмарны. Светает поздно, темнеет рано. В доме нет электричества, читать и писать можно лишь днём или при керосинке (чадит), а при свечах дорого. Печка прожорлива, дров уходит много, а в комнатах зябко. Удобства (до 1927 года) во дворе, причём в любую погоду. Пойти некуда и не к кому. Дом набит родственниками жены. Подрастающий сын, требует внимания. Из развлечений вне дома только лыжи. Связь с внешним миром только через почту. Заработки мизерные. В основном это гонорары за стихи в газетах. Большую часть зимы низкое чахоточное небо, затянутое депрессивно-серыми облаками. Никакой романтики «блистательного Санкт-Петербурга», никаких принцесс, ликёров и дюшесов. И мысли приходят на ум всякие.

Фелиссе Михайловне следует сказать спасибо за то, что поэт доживал до каждой следующей весны. Сказать по правде, Фелисса заслуживала лучшей доли и со временем могла бы составить гордость эстонской литературы, но судьба распорядилась иначе.

Тойла. Дуничка Штранделл

Представление о жизни поэта в Тойла будет неполным без Дунички — Евдокии Владимировны Штранделл. Вот что поэт рассказы-

вает о роковой страсти с ней в одном из первых же писем к графине Карузо:

«А я от страсти гибну. Нет, серьёзно. Представляете ли себе меня способным пламенеть к одной пять лет? К одной и одной. Жена сначала этому не очень сочувствовала, но потом махнула рукой, ушла в себя, с презрительной иронией наблюдает теперь свысока и издала. Женица, правда, очаровательная — петербурженка, красивая, 27 лет. И муж есть. Личность довольно безличная. Она приходит к нам почти ежедневно. Жена ценит в ней её большой и редкий такт. Она обворожительно-любезна и мила с Фел. Мих. Но меня эта «Цирцея» положительно губит: замкнутая, холодная, чувственная, осторожная, лживая и изменчивая. Но глаза, конечно, Мадонны... Ревнует, терзает, — насыщая, не даёт пресытиться. Даже насытиться с ней невозможно. С ней и ею. Ламия какая-то. Вот я как с вами откровенно. Захотелось почему-то Вам всё это сказать. Последнее время даже не могу писать ничего. Чем дольше длится эта необыкновенная связь, тем больше теряю голову. Сам на себя дивлюсь. И где же всё это возникло? В глуши одобренной! Сколько, казалось бы, женщин в пути всюду, так нет же — все остаются чуждыми, а эта Нереида влечёт все более и более. Даже турне рву через два-три месяца, болезненно влекомый ею. И часто — в разгаре успехов, когда можно было бы работать и зарабатывать».

Характеристика Евдокии Владимировны Штранделл впечатляет: замкнутая, холодная, чувственная, осторожная, лживая, изменчивая, похотливая, лгунья, бесстыдница, безличная личность, обворожительно любезна, обладательница большого и редкого такта, Ламия и Цирцея, но глаза Мадонны. Зачем сообщать графине Карузо, с которой Игорь-Северянин никогда не был близок ни душевно, ни телесно, столь умопомрачительные подробности домашнего романа? И не слишком ли много эпитетов для одной женщины? Оказывается, не слишком:

Ты только что была у проходимца Зета,
Во взорах похоти еще не погася...
Ты вся из Houbigant! Ты вся из маркизета!
Вся из соблазна ты! Из судорог ты вся!

И чувствуя к тебе брезгливую предвзятость,
И зная, что тебе всего дороже ложь,

На сладострастную смотрю твою помятость
И плохо скрытую улавливаю дрожь.

Ты быстро говоришь, не спрошенная мною,
Бесцельно лишний раз стараясь обмануть,
И будучи чужой неверною женою,
Невинность доказать стремишься как-нибудь.

Вот ещё несколько строк, посвящённых Евдокии Штранделл из письма Игоря-Северянина к Августе Барановой, датированного октябрём 1934 года:

«Хорошо ещё, что у нас в деревне живёт одна прелестная дама из Петербурга, приехавшая сюда тринадцатилетней девочкой и превратившаяся на наших глазах в красивую очаровательную русскую женщину. Ей 29 лет. Муж её держит лавку, где мы и пользуемся кредитом. Эта милая дама приходит к нам ежедневно уже много лет, вместе гуляем и читаем по вечерам Блока, Брюсова, Гумилева и других излюбленных авторов. Она знает наизусть много моих стихов (почти все!) и других авторов. Человек она остроумный, очень тонкий и весёлый. Даже как-то странно порой, что она вынуждена сидеть за прилавком, обладая совсем иными данными. Мы все зовём её ехать с нами в турнэ, и она, конечно, мечтает об этом, но, к сожалению, дело не позволяет ей бросить Тойлу. По воскресеньям она задаёт нам дивные приёмы и закармливает моими любимыми русскими пирогами. Присутствие этой женщины в Тойле несомненно скрашивает наше в ней пребывание. А других знакомых, ведь, здесь абсолютно нет».

Это письмо — повод взглянуть на отношения Игоря Васильевича и Евдокии Владимировны под несколько иным углом зрения. По какой такой неведомой нам причине так разнятся характеристики Евдокии Штранделл в письмах к Карузо и к Барановой? Какие усилия нужно было приложить, чтобы десяток лет скрывать интригу и благополучно пользоваться семейным кредитом в лавке мужа-рогоносца?

Дуничка по праву должна быть записана если не меценатом поэта, то коммуницей семьи Лотарёвых.

Рига, Евгений Финк

Летом 1930 года супруги Лотарёвы задумали поездку в Югославию, где, по слухам, приветливо относились к русским писателям-эмигрантам. Особенно их пленяла заманчивая перспектива провести зиму в тёплых краях. С самого начала поездка носила авантурный характер. Из Тойла выехали 21 октября, рассчитывая занять в Таллинне денег, однако в Ригу пришлось отправиться с 10 кронами в кармане. Будучи в Риге, в последних числах октября супруги отважились на посещение известного рижского прорицателя Евгения Финка. Студия Финка помещалась в верхнем этаже доходного дома в центре Риги. Дверь открыл сам хозяин, и провожатый спросил:

«— В настроении ли Вы сегодня побеседовать с моим знакомым? — спросил доктор, указывая на меня и не называя меня по моей просьбе.

— Что нужно ему от меня? — с каким-то недружелюбием в лице и в голосе воскликнул прорицатель: — Он сам не хуже меня может предсказывать людям их судьбу. — Затем он стал отплёвываться: — Фу, какими мерзкими людьми окружены Вы! Гоните их прочь от себя поскорее...» (Игорь-Северянин. «Гроза в Герцеговине».)

Евгений Финк предсказал Игорю-Северянину успешную поездку, много денег и славы, отдых на юге у тёплого моря, а также крушение поезда, в котором ни он, ни его жена не пострадают. Обращаясь к Фелиссе, прорицатель сказал:

«— Всё спорите с Вашим другом? (...) Всё разногласия? Осуждаете его за многое? Подумываете о расставании? Бросьте, не советую. Счастье отвернётся от каждого. Люди вы разные, но везёт вам до тех пор, пока вы вместе. Бойтесь лошадей...» (Ibidem.)

Евгений Финк, зарабатывавший на жизнь фотографией, уговорил поэта позировать ему. Было сделано восемь снимков: шесть портретов Игоря-Северянина, портрет Фелиссы и семейный портрет. Все эти снимки сохранились, но в печать, к сожалению, они попадают обыкновенно без упоминания имени их автора.

В Риге сохранилось множество преданий о Финке. Мне, например, рассказывали, что в конце 30-х годов, незадолго до присоединения Латвии к Советскому Союзу, одна богатая рижская дама хотела уехать в Америку. Она боялась морских путешествий, но никак не могла

принять решение, с тем и обратилась к Финку. Прорицатель посоветовал ей ни о чём не беспокоиться, ибо очень скоро решение о морском путешествии будет принято помимо её воли и закончится оно благополучно, Дама отказалась от поездки в Америку, а через два года попала в Магадан в трюме тюремного парохода. Морское путешествие закончилось для неё благополучно: ей удалось выжить и после смерти Сталина вернуться в Ригу.

Дубровник, Сливинские и Шульгин

О югославских гастролях Игоря-Северянина 1930-1931 годов известно, но ими никто не занимался специально, а зря: материалов в югославской уйма, причём совершенно не систематизированных. Счастлив будет тот исследователь, который до них доберётся.

Некоторые вечера в Югославии проходят при участии Фелиссы, которая читает переведённые мужем стихи эстонских поэтов. Звучат оригиналы и переводы. Валмар Адамс считал, что эстонская поэзия стала известной в Европе благодаря переводам Игоря-Северянина, который ее значительно облагородил (сделал *под Северянина* — выражение Адамса).

Железнодорожные поездки по Югославии и прочие расходы были оплачены Державной комиссией. Изрядно обнищавшим в Эстонии супругам Лотарёвым было от чего прийти в изумление и восторг! В середине января 1931 года супруги Лотарёвы решили воспользоваться возможностью и взглянуть на побережье Адриатического моря. По дороге остановились в Сараево, где был дан ещё один концерт. Там они познакомились с четой Берниковых, речь о которых впереди.

Утром 16 января 1931 года супруги выехали в Дубровник. Ночью поезд проехал через каменистую и унылую Герцеговину, а утром 17-го они внезапно оказались в обворожительной, почти неземной Далмации. На вокзале в Дубровнике Игоря-Северянина встречал Александр Владимирович Сливинский, бывший полковник Генерального Штаба, бывший начальник штаба гетмана Скоропадского. Узнав из газет о приезде поэта в Дубровник, Александр Владимирович и его жена Мария Андреевна просили супругов Лотарёвых оказать им честь и остановиться на их вилле «Флора мира». В доме Сливинских Игорь-Северянин познакомился с бывшим депутатом Государственной Думы монархистом Василием Витальевичем Шульгиным.

В 1944 году Шульгин был арестован советской контрразведкой и получил 12 лет тюремного заключения за то, что когда-то был идеологом Белого движения. В тюрьме ему часто снились сны. В ночь

на 7 января 1951 года Шульгину приснилась Югославия. Утром, сидя на нарах, он записывает в дневник свои воспоминания о персонажах ночного сновидения — супругах Лотарёвых:

«По внешности они очень подходили друг к другу, так как являлись полнейшим контрастом. Она льняная блондинка с гладко зачёсанными волосами. Красивой её нельзя было назвать; но она была изящна. И иностранный акцент, от которого она не могла освободиться, не делал её смешной; он скорее придавал ей некоторую изысканность. Она была хорошего роста. Она была в стиле Ибсена.

Он? Северянин? В его наружности не было ни одной северной черты. Как есть южанин! Загадочны же русские люди. Его настоящая фамилия, кажется, была Четвериков.

Он был высокий, худой, очень смуглый. На голове чёрная грива. Вот тебе и Северянин! Голос у него был глуховатый; но достаточно сильный; звучащий в большом зале. Он читал свои стихи хорошо, в своей собственной манере. И это было странно, потому что к его музе более подходили бы и другой голос, и другой выговор. Несомненно, что-то южное было в нем, но какой расы? Еврейская кровь? Нет, какая-то другая, а какая, не подберу. Четвериков? Ему больше подходила бы какая-нибудь экзотика. И некоторая изящная развязность была бы к лицу поэту, сказавшему сам о себе:

"Я повсеместно оэкрашен..."

А он был совсем скромный! Да, в частной жизни он был скромный, тихий, молчаливый. Но не угрюмый. Он молчал, но слушал внимательно и охотно; и на губах его была добрая улыбка. В этой улыбке обозначалось одновременно и что-то детское, и что-то умудрённое.

"Аще не будете, яко дети, не вниидите в царство Божие..."

Евангелие.

В эту свою пору, он как бы стыдился того, что написал в молодости; всех этих "ананасов в шампанском"; всего того талантливого и оригинального кривлянья, которое сделало ему славу. Славу заслуженную, потому что юное ломанье Игоря Северянина было свежо и ароматно».

Шульгин был весьма проницательным человеком и оставил нам не просто мелкие подробности знакомства, но исчерпывающую характеристику, как самой семейной пары, так и каждого из супругов в отдельности.

Югославия, железнодорожная катастрофа

На гребне успеха им бы остаться в Югославии, но тянет в Париж — Мекку русской эмиграции. Из Дубровника супруги должны были ехать в Белград, оттуда через Люблян в Париж. 24 января 1931 года их провожают на вокзал чета Сливинских и Шульгин. В поезде было два вагона I класса: один головной, другой — в хвосте поезда. Во втором вагоне было много публики, и супруги заняли купе в пустом головном вагоне. Ночью на перегоне между двумя маленькими станциями произошла катастрофа. В письме к Хильде Францдорф — жене эстонского поэта Хенрика Виснапу Игорь-Северянин описывает случившееся пророчество Евгения Финка:

«Что касается катастрофы, она произошла в ночь на 25 янв. в Герцеговине, между станциями Мостар и Яблонница. Был тропический ливень, перед нашим поездом свалилась размытая скала на рельсы. Паровоз из-за угла налетел на неё, подпрыгнул и скатился в пропасть к реке Неретва. За ним багажный вагон, а за ним наш I класса. Остальные вагоны остались наверху. От паровоза остались лишь щепки, багажный исковеркан первой своей половиной, а наш упёрся в багажный. Получился крен в 90 градусов... Нас сбросило вниз. Стены обиты бархатом, и потому отделался лишь ушибами левого виска. Фишенка очутилась вверх ногами. Часа два пробыли в кошмарном состоянии, когда выбрались из вагона: тьма, ливень, факелы, крики, стоны умиравшего машиниста, которого придавило обломками паровоза. Солдаты его откапывали. Затем прибыл вагон с паровозом, и нас отвезли в Яблонницу, а оттуда в новом составе поехали в Сараево».

Позднее Игорь Васильевич добавил к этому рассказу героические подробности о поведении Фелиссы Михайловны, которая в опрокинувшемся вагоне пудрила носик и спасала семейный багаж, а также трагические подробности о том, как раненый машинист просил избавить его от невыносимых мучений: *«Други, добейте меня!»*

Кишинёв. Виктория Шей де Вандт. «Золотой петушок»

В конце февраля 1933 года Игорь-Северянин уезжает в своё последнее и самое длительное заграничное турне по Румынии и Югославии, которое продлится дольше года. Турне началось с Варшавы, где поэт устроил в первых числах марта традиционный вечер, чтобы заработать деньги на дорогу до Бессарабии.

В ранних сумерках 9 марта 1933 года супруги Лотаревы въехали в Кишинёв и поселились в отеле «Paris». В Кишинёве поэт дал три концерта, а затем поехал в Аккерман, где тоже было устроено его выступление. Но 5 мая Игорь-Северянин внезапно уезжает в Бухарест, а 11-го он уже в Белграде, откуда на несколько дней заезжает в Сараево и Дубровник. В Румынии поэт написал десять стихотворений и еще четыре в Дубровнике.

В стихотворении «Извечный плен», датированном 4 июня 1933 года, мы найдём любопытное признание: *«Итак, в три месяца — три моря, \ Три женщины и три любви. \ Не слишком ли?»*

Одна из этих трёх женщин Виктория Шей де Вандт, была сестрой богатого кишинёвского негоцианта. Она пела в кабаре и сочиняла стихи. Виктория удостоилась цикла из 10 стихотворений под общим названием «Виорель» («Подснежник»), одно из которых было опубликовано в кишинёвской газете с посвящением «моей невесте». Фактически цикл является хроникой гастрольного романа, начало которого приходится на первые числа апреля 1933 года, а финал — на 5 мая того же года, когда поэт покинул Кишинёв, не рассчитывая на скорое возвращение.

Роман Игоря-Северянина с Викторией Шей де Вандт знаменует собой ту пору в его жизни, когда её спираль стала закручиваться в ритме столь нелюбимого им фокстрота. Семейное предание гласит, что расставание с Викторией омрачилось безобразной выходкой её родственников, преследовавших поэта на кишинёвском вокзале, намереваясь учинить физическую расправу над «женихом». От позора поэта спасла широкая спинка вагонной скамьи.

Поздней осенью 1934 года Игорь-Северянин аккуратно переписал в тетрадку посвящённые ему стихи Виктории Шей де Вандт. Вероятно, он собирался издать сборник в Эстонии (*семьдесят лет спустя я сделал это за него: Виктория Шей-де-Вандт. Виорель. Стихи Игорю-Северянину. Издание Михаила Петрова, 2005*). Виктория умерла в начале 1938 года от туберкулёза, так и не дождавшись издания в Нарве сборника своих посвящений Игорю-Северянину, но она по праву занимает в донжуанском списке поэта одно из самых почётных мест.

В Кишинёве Игорь-Северянин оставил яркий след в виде литературно-художественного журнала с пушкинским названием «Золотой Петушок». Журнал редактировал бывший гусар Леонид Евицкий. На третьем номере богато иллюстрированное издание прекратилось — у гусара закончились средства.

Храстовац, Берникова

Середину лета и осень 1933 года супруги Лотарёвы провели в Словении в старинном австрийском замке Храстовац, принадлежавшем когда-то графам Герберштейн. Игорь-Северянин в письме к Семёну Стодольскому в Кишинёв сообщает:

«По непредвиденным обстоятельствам задержались в замке до поздней осени. Жаловаться на это не приходится, так как здесь очень живописно и мило. Чудно и сытно кормят, все удобства, библиотека, граммофон, радио, церковь, почта, лавки. Ловим окуней и лещей в речке Песница перед замком. (...) Летом много и продуктивно работал. Массу читаем. Всё время здесь стояла дивная осень, совсем дождей не было, и только вот теперь стало прохладно и серо. Но у нас теплая комната. Что нового в Кишинёве? В августе к нам приезжали из Сараево (17 часов езды) гости: муж с женою, милые люди. Пробыли 16 дней».

И наступило время Валентины Берниковой:

«Он был окружён сараевскими женщинами, красавицами, его восторженными поклонницами. А глазами он искал меня. Был он хорошо воспитанным человеком, очень хорошим собеседником. Но ему была присуща одна особенность: находясь в обществе, он разговаривал только с тем, кто его интересовал. И часто он обращался с какими-нибудь словами ко мне, не обращая внимания на других. (...) Всё это льстило мне и возвышало меня».

Свояченица поэта Линда Крут хранила семейное предание о скандале в замке Храстовац, который произошёл в августе 1933 года, когда там гостили супруги Берниковы. С каждым днём всё труднее и труднее становилось скрывать *особые* отношения между Игорем Васильевичем и Валентиной Васильевной. Однажды муж Берниковой узнал об их тайном свидании. Изрыгая на бегу проклятия, он ринулся в апартаменты поэта, но умная и деликатная Фелисса стуком в дверь подала любовникам сигнал тревоги. Хозяйка замка Вера Яковлевна Орлицкая на время спрятала поэта у себя и нейтрализовала гнев Берникова. Скандал удалось замять, без рукоприкладства, хотя всё могло бы кончиться иначе.

Будучи верным себе, Игорь-Северянин посвятил Валентине Васильевне цикл из 15 стихотворений, озаглавленный «Цикламены» — своеобразную хронику гастрольного романа в стихах. В подаренной Валентине Берниковой тетрадке «Цикламен» отсутствует стихотворение, датированное 15 августа:

Ты отдалась вчера на редкость мило:
Так радостно, так просто отдалась.
Ты ждущих глаз своих не опустила,
Встревоженных не опустила глаз.

Была скромна. Слегка порозовела.
Чуть улыбнулась уголками губ.
Покорливое трогательно тело,
И вступ в него — упругий, сладкий вступ.

Ты девушкой, женщина, казалась
По некоторым признакам, но все ж
По-женски и со вкусом отдавалась,
Да так, что, вспомнив, вздрогнешь и вздохнёшь.

В 1934 году Игорь-Северянин помог исполниться заветной мечте Валентины Берниковой. На её средства он издал в Нарве небольшой сборник стихов «Хрупкие цветы», который сопроводил снисходительным посвящением: *«Твои стихи (не по сезону): \ В них дух романтики высок. \ Я строгой критикой не трону \ Нетронутости милых строк»*.

Вновь Тойла, Вера Борисовна

Поздно вечером 6 ноября 1934 года на станции Йыхви поэт нанял лошадей до Тойла. По дороге молодые лошади, ослеплённые фарами встречного автомобиля, понесли, и только чудом повозка не свалилась в речку. Так сбылось ещё одно из предсказаний Евгения Финка. Последнее его предсказание сбылось, когда 7 марта 1935 года супруги Лотарёвы расстались, и удача отвернулась от них обоих.

В конце 1934 года Игоря-Северянина начала шантажировать школьная учительница из Таллинна Вера Борисовна Коренди (по мужу Коренева, урождённая Запольская), которая стала буквально засыпать поэта письмами и телеграммами с признаниями в любви и угрозами покончить жизнь самоубийством, если он не приедет к ней в Таллинн. В

одном из своих писем учительница описала сразу пять видов самоубийства, которыми она воспользуется, если встреча не состоится. Поэт показывал письма жене:

«— Ну, посмотри, что пишет человек! Она ведь действительно может что-нибудь сделать, и я буду на всю жизнь виноватым. Я не могу допустить этого. Я должен съездить и поговорить с ней. Наконец, убедить её оставить меня в покое. Я хочу быть только здесь, с тобой и сыном».

Поэт несколько раз ездил в Таллинн, но письма с признаниями в любви и угрозами самоубийства продолжали приходить в Тойла. Однажды приехал муж Веры Борисовны Порфирий Коренев и говорил наедине с Фелиссой несколько часов. После его отъезда Фелисса сказала сестре:

«— Мне жаль этого человека. Он гораздо умнее своей жены. Коренев просил меня повлиять на Игоря Васильевича, так как ему не хотелось бы, чтобы дочь его осталась без отца. Но что же я-то могу поделаться с Игорем Васильевичем, если на такой страшный шантаж пустилась его жена? Она запугивает Игоря Васильевича так, что он волей-неволей должен ехать в Таллинн и разбираться там!»

Наконец, 7 марта 1935 года после очередного визита Веры Борисовны в Тойла Фелисса произнесла роковое:

«— Мало ли какие были увлечения, но терпеть любовь Веры Борисовны, больше нет сил. Мы должны расстаться».

Никто из предыдущих пассий поэта не покушался на его семейные узы. Школьная учительница из Таллинна должна была проявить выдающуюся изобретательность и редкую настырность в своих домогательствах, чтобы заставить Фелиссу открыто признать своё поражение. Сам поэт явно был не готов к такому повороту событий. Какова же должна была быть ставка, чтобы скромная школьная учительница решилась на подобное поведение? Единственное объяснение, которое лежит на поверхности, — ошибка в выборе объекта: добивалась журавля в небе, а получила большую синицу без средств к существованию. Может быть, она этого долго не понимала, а когда поняла, то почему продолжала мучить и себя, и всех остальных, кто так или иначе был втянут в её интригу?

Уже на следующий же день после ссоры он настаивает на встрече с женой и личных объяснениях. Он засыпает её письмами, умоляя выслушать его и позволить вернуться домой. Он будет писать письма Фелиссе до конца своей жизни. Когда в начале 70-х годов Вера Борисовна узнает о существовании писем поэта к Фелиссе, то это вызовет у нее приступ ярости. Она потребует от Литературного музея в Тарту передать письма ей или уничтожить

От Веры Борисовны я слышал любопытный, но вряд ли достоверный рассказ о первых днях совместной жизни с Игорем Северяниным:

«Мы не могли долго жить у Черницкого в Пюхайыги, потому что нам страшно мешало Тойла. Она <Фелисса> ежеминутно к нам бегала туда с верёвкой вокруг дома. Обещала повеситься. А он страшно привидений боялся. Она обещала повеситься и ходить привидением».

Между тем власть, приобретённая Верой Борисовной над Игорем Васильевичем, была практически безграничной. Он попал к ней не только в материальную, но и в творческую зависимость. Поэт пытался как-то оправдаться перед своими читателями в феврале 1940 года, когда отмечалось 35-летие его творческой деятельности. Он опубликовал в таллиннской газете «Вести дня» автоинтервью, озаглавленное «Игорь-Северянин беседует с Игорем Лотарёвым о своём 35-летнем юбилее»:

«... я слишком ценю Поэзию и свое имя, чтобы позволить новым стихам залеживаться в письменном столе. Только начинающие молокососы могут разрешить себе такую "роскошь". Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я теперь пишу свои стихи не записывая их, и потом навсегда забываю».

Поэт ещё долго лелеял мечту о возвращении домой в Тойла. Однако Фелисса и на этот раз продемонстрировала своё непревзойдённое упрямство. Впрочем, следует признать, что она имела достаточно оснований не только для мелких капризов: даже самому длинному долготерпению когда-нибудь приходит конец. Так же, как в молодости она презрела пересуды о поэте, Фелисса перешагнула и через прорицания Евгения Финка. Может быть, впервые за весь опыт семейной жизни с поэтом эмоции взяли верх над её прохладным северным темпераментом, и она предпочла семейному везению уединённый покой. Выше её сил оказалось только официальное расторжение церковного брака, и перед Богом она все ещё продолжала нести ответственность за мужа.

Остаётся только склонить голову перед жизненным подвигом этой эстонской женщины с плотничьей мызы: долгих 14 лет она хранила великого русского поэта от самого себя, от *болярина Смирнова*, от безумных поклонниц, стремящихся во что бы то ни стало реализоваться в мечтах поэта. Именно Фелиссе мы обязаны тем, что поэтический дар Игоря-Северянина на чужбине не умер. Она бережно сохранила архив поэта, который он после расставания не раз просил её вернуть. Фелисса и на этот раз оказалась права.

Таллинн, история африканского дядюшки

Веру Борисовну Коренди, урождённую Запольскую, по мужу Кореневу, я запомнил маленькой сухонькой старушкой с огромными глазами, настороженной и недоверчивой, всегда окружённой крохотной свитой её фанатичных поклонниц и поклонников. Она внимательно следила за общим разговором, тихо покачиваясь в такт какому-то внутреннему ритму, искусно притворялась глухой, когда ей задавали щекотливые вопросы, и умела держать многозначительную — *северянинскую* паузу, когда ей нечего было ответить или возразить.

— Где я с ним познакомилась, — это тайна. В тридцать первом году я поехала — не скажу куда, это была его воля, чтобы никто не знал. Мы с ним там встретились. Ещё много раз встречались, но нам все мешали. А в тридцать втором родилась Лерочка.

— Вера Борисовна, это была дочь Игоря-Северянина?

Вера Борисовна делает вид, что не слышит обращённого к ней вопроса.

— Наливайте чай, — и, обращаясь к мужу, — Пауль, принеси ещё печенья.

За столом повисает неловкая пауза, и тогда я спрашиваю:

— Вера Борисовна, а почему на могиле вашей дочери есть только дата смерти, но нет даты рождения?

— Это символ. Он так хотел. Дочь поэта принадлежит Вечности...

Если принять за точку отсчёта дату рождения дочери Веры Борисовны Валерии Порфирьевны Кореневой — 6 февраля 1932 года, то простой житейский опыт подсказывает нам, что девять месяцев, вычтенные из этой даты, дают нам примерное время в 1931 году, когда отношения с поэтом должны были бы зайти уже довольно далеко.

Скрыть такой бурный роман в Тойла было бы просто невозможно!

Все неловкости и неувязки в своих рассказах Вера Борисовна объясняла последней волей поэта. Она не зря боялась писем поэта к жене, которые теперь хранятся в Тарту в Литературном музее. В них множество подробностей их совместного крайне неустроенного быта, обиды на Веру Борисовну и её тёток, постоянно унижавших поэта, жалобы на стремительно ухудшающееся здоровье. В этих и других письмах изложена весьма паскудная история дядюшкиной женитьбы:

«У В.Б. интенсивная переписка с африканским дядюшкой. Она зовёт его бросить службу (!) и переехать сюда. И он, видимо, к весне придет. Это, знаешь ли не так плохо для В.Б. Человек, видимо хороший и очень до сих пор её любит. Прямо молитвенно».

«Дмитрий Валерьянович, м.б., и не придет из Туниса, если не сумеет достать много денег, и это было бы ужасно. Но все же он почти уверен, что придет и именно 7-го января, выехав из Туниса 31 дек. В.Б. ходит тучи мрачнее».

«Дядя — сплошное очарование. Деликатнейший и добрейший, очень сдержанный и ничего не кушающий. И внешностью, и манерой держаться — вылитый Эссен. Большой франт: привёз смокинг и три костюма. Бывший морской офицер. Знает и о Гиппиус, и о Гумилеве, и Ахматову любит. Увидев все, и всё узнав, в ужасе. Даже два сильных сердечных припадков было с ним. Ставил горячие припарки и посылал в аптеку. Да и не мудрено: из-за него содом у тёток: хотят женить на Валерии и Вере... одновременно! и послать в Африку! Сестры рвут на части! Но Вера его не уступит. (...) У Дяди денег в обрез. Но в Африке избыток! Ни гроша Вере здесь дать не может».

«События разворачиваются весьма поспешно: дядюшка вчера уже переехал к тётушкам!!! И — навсегда. Подробности лично. Я с ним, само собою, разумеется, не ссорился. Мы расцеловались при прощаньи, он крепко и долго жал мне руку. В.Б. с ним прощаться отказалась. Опять-таки: подробности лично. Сплошной водевиль! и превесёлый!»

«В феврале у сестры В.Б., Валерии, скончался внезапно муж — лейтенант флота, интернированного в Бизерте. Он был родным братом отца В.Б. Вдова недавно провела у нас неделю: перемена обстановки. Умер он при нас ночью: мы останавливались в Таллинне у них...»

Может показаться странным, что Веру Борисовну пытались выдать за дядю Дмитрия Валериановича Запольского — родного брата отца. Перспектива замужества заинтересовала её до такой степени, что она стала ревновать к дяде даже свою родную сестру Валерию, ревновать до скандала и до разрыва родственных отношений. Это тем более удивительно, потому что происходило на глазах у поэта, всего год назад с таким трудом отбитого у Фелиссы.

Видимо, и у Игоря-Северянина появилась надежда освободиться от удушающих объятий Веры Борисовны. Но «молитвенно любивший» её дядя почему-то предпочёл взять в жены Валерию Борисовну. Может быть, он сделал это из мужской солидарности, из уважения к поэту? Медвежья услуга, впрочем, не выпадающая из контекста этой шекспировской трагедии.

Могила Дмитрия Валериановича можно видеть на Александро-Невском кладбище в Таллинне. Он похоронен рядом с братом Борисом Валериановичем и его женой Верой. В той же ограде упокоилась и сама Вера Борисовна, и её сестра Валерия с той только разницей, что на могиле Веры есть более чем скромный памятник, а могила Валерии не обозначена никак. Есть здесь и могила лжедочери — Валерии Игоревны Северяниной, урождённой Валерии Порфирьевны Кореновой с указанием даты смерти и прочерком вместо даты рождения.

Саркуль, Усть-Нарва, Пайде

Последние и ничем не примечательные годы Игорь-Северянин провёл в Саркуле — деревушке между устьем Россони и берегом Финского залива. Теперь это российская территория, а Саркуль стал примечателен тем, что одна из его двух улиц носит имя Игоря-Северянина. Самое ярко событие — поездка из Саркуля в Таллинн на нобелевскую лекцию Бунина. Поэты встретились на перроне станции Тапа. Оказалось, что Бунин не знает отчества собрата по профессии. До Таллинна ехали в вагоне-ресторане. Бунин предложил сойти с поезда вместе, но Игорь-Северянин пожелал выйти из своего вагона.

Наиболее яркое событие жизни в Усть-Нарве — приезд из Германии Златы, уверенной в себе, благополучной, состоятельной и с чемоданом набитым подарками. В результате ссора с Верой Борисовной, ожидавшей встретить «первую любовь» в виде убогой старушки.

О зиме 1940-1941 годов проведённой в Пайде, читаем в письме поэта к Георгию Шенгели:

«Жизнь наша грустна и тягостна, дорогой друг, ибо мы должны жить в жутких условиях общежития, в комнате ледяной и сырой, оторванные от условий, в которых я мог дышать, творить и мыслить. Климат Раиде ужасен... Моя нечеловеческая бодрость, выдержка и жизнерадостность всегдашняя порою (и часто-часто) мне стали изменять... (...) Я по болезни слишком сдал: рассеянность, м.б. недомыслие, мгновенная усталость. Не судите калеку очень, поймите. (...) ...у меня кашель, насморк, бессонница, и сердце таково, что ведра поднять не могу: задыхаюсь буквально. (...) Ночью приходилось менять по 3-4 рубашки: хоть выжм[ай]. Сердце — сплошная рана. Кашель, вызывающий рвоту. Куда я годен? на слом!»

Шенгели, письмо Сталину

После восстановления советской власти в Эстонии и присоединения страны к СССР возобновилась переписка с Георгием Шенгели. Первым делом профессор Шенгели озаботился тем, чтобы обезопасить друга юности:

*«Дорогой мой Игорь Васильевич,
оба Ваших письма я получил только сегодня (...) Я счастлив, что вновь вижу Ваш почерк и слышу Ваш голос. (...) У Вас европейское имя. Однако за долгие годы оторванности от родной страны Вас привыкли считать у нас эмигрантом (...) И поэтому, мне кажется, Вам надлежит выступить с большим программным стихотворением, которое прозвучало бы как политическая декларация. (...) И послать это стихотворение (вместе с поэтической и политической автобиографией, с формулировкой политического кредо) надо не в "Огонёк" и т.п., а просто на имя Иосифа Виссарионовича Сталина. Адресовать просто: "Москва, Кремль, Сталину". Иосиф Виссарионович поистине великий человек, с широчайшим взглядом на вещи, с исключительной простотой и отзывчивостью. И Ваш голос не пройдёт незамеченным, — я в этом уверен. И тогда все пойдёт иначе. Поэтому позвольте мне пока придержать Ваши стихи».*

Игорь-Северянин всё понял правильно, однако поступил с точностью до наоборот: он сначала написал несколько крайне слабых стихотворений на советскую тематику («Стихи о реках», «Привет Союзу», «Красная страна»), и лишь за тем в письме к Шенгели, уже опасаясь тайной слежки, называет Сталина воистину гениальным человеком и даёт обещание написать ему личное письмо:

Прислушивается к словам московским
Не только наша Красная земля,
Освоенная вечным Маяковским
В лучах маяковидного Кремля,

А целый мир, который будет завтра,
Как мы сегодня - цельным и тугим,
И улыбнётся Сталин, мудрый автор,
Кто стал неизмеримо дорогим.

Ведь коммунизм воистину нетленен,
И просияет красная звезда
Не только там, где похоронен Ленин,
А всюду и везде, и навсегда.

От такого шедевра стошнило бы даже *главаря и горлопана* Маяковского.

Смерть поэта

После разрыва с Фелиссой поэт потерял вместе с домашним налаженным бытом и душевный покой, резко изменился рацион питания (продуктовая лавка Евдокии Штранделл осталась в Тойла!), что быстро привело к обострению туберкулеза. Кстати, именно туберкулезом объясняются его гастрольные романы. Феномен таков, что в определённой стадии болезни туберкулезники становятся чрезвычайно любвеобильными.

О рационе питания мы можем судить по двум домашним рецептам — яичница и чай по-северянски. Уловленная по весне форель обжаривается на сковороде, очищенное от костей мясо заливается яйцом и посыпается сверху мелко порубленной черемшой. Чай по-северянски иногда аналог чая по-адмиральски: крепкий чёрный чай, в котором каждый глоток замещается порцией вермута, а иногда просто подогретый вермут с долькой лимона.

В июньском письме Игоря-Северянина к Георгию Шенгели читаем:

«25 мая в 4 ч. утра со мною произошёл сердечный припадок. Верочке пришлось вызвать врача-актёра Тригорина-Круглова, заним[ающего] здесь место земского... Мне чуточку лучше. Это все. (...) Лето у нас кошмарное: холода, ветры, бури, дожди. Солнце пропало».

В первые же дни войны Игорь-Северянин мечтает об эвакуации в Ленинград. Ходили слухи, что он даже написал об этом всесильному наместнику Сталина Жданову. И будто бы сам Жданов послал за ним машину, которую перехватил Шумаков и вывез на ней из Эстонии свою семью. Историю придумала Вера Борисовна, которая панически боялась жизни в СССР. Разумеется, никакой машины не было, и быть не могло, а выехать из Эстонии в СССР даже при наличии советского паспорта, которого у Северянина не было, можно было только с эвакуационным разрешением, которого тоже не было.

Во время одной из первых бомбёжек в июле 1941 года дом в Усть-Нарве сгорел. Все вещи сгорели, спасти удалось только чемоданчик с рукописями. С сентября поэт уже не вставал с постели и почти не говорил. Вера Борисовна выхлопотала в германской администрации пропуск и в последних числах октября увезла его в Таллинн. В Таллинне состояние ухудшилось, и 20 декабря 1941 года Игорь Васильевич скончался на руках Валерии Борисовны Запольской. С годами Вера Борисовна обставила смерть поэта мистическими подробностями. В фильме режиссёра Юлии Гутевой-Силларт находим её трогательный рассказ:

«Инфаркт был в Таллинне. Последние часы меня, к сожалению, не было дома — я была в аптеке. И вдруг я вижу, мне навстречу бежит моя тётя: "Иди скорей. Ему очень плохо. Может уже и кончился". Я пришла туда. Там была медсестра. Он был ещё тёплый, но уже без сознания. Ну, все, значит. Я всю ночь просидела около него. И вдруг вижу, он поднимается. Я говорю: "Игорь, что же мне делать?" — "Уедем вместе". Но я не уехала с ним на тот свет — он же умерший был уже"».

Родственники Веры Борисовны не разрешили похоронить поэта в фамильной ограде, посему могилу вырыли на участке, принадлежащем совершенно чужим людям. На похороны из Тойла приехала Фелисса. Гроб везли на кладбище на телеге вопреки предсказанию: *«Не повезут поэта лошади, — \ Век даст мотор для катафалка»*. Не дал век мотора, и не было на крышке гроба ожидавших от благодарной России свежих роз.

В оккупированном Таллинне из жизни убого, но вполне по-чухонски ушла в землю целая эпоха русской поэзии.

Обстоятельства, предшествовавшие смерти поэта

Зимой 1941 года Вера Борисовна пишет Георгию Шенгели из Пайде «секретное» письмо:

«Игорь Васильевич убит Вашим молчанием, неизвестностью о судьбе его работы, сделанной с такой громадной любовью и светлой радостью. Я ежедневно тряусь за его рассудок... Состояние его психики кошмарно. Нужда наша за время болезни дошла до того, что пришлось продать макинтош, чтобы смочь существовать... Спасите его!.. Мы же гибнем».

Есть все основания предполагать, что в Пайде поэт вновь опустился до рукоприкладства, описанного Лидией Трофимовной Рыковой в письме к Фелиссе:

«Дорогая Фелисса Михайловна.

Исполняю Ваше желание и пишу Вам. Расскажу Вам все события по порядку. В тот вечер, когда мы были у Вас, Иг. Вас. — накалённый разговорами и нашим общим мнением, вернулся домой раздражённым. Мы оба устали и быстро покушав, разошлись спать. Я почти уже засыпала, как вдруг яростный свистящий голос отогнал сон: "Как ты смела, сволочь, как ты смела!" Бац, бац — слышу удары и падение тела на пол и все увеличивающиеся спорные голоса. Его — разъярённый, её — невозмутимо оправдывающийся. Я не знала, что предпринять. Как будто бы интеллигентные люди не должны вмешиваться в ссоры супругов, а между тем, там избиение. (...) Прижавшись лбом к холодному стеклу окна, я стояла, время ползло и мне казалось — конца не будет всему этому. Но кончилось это так же внезапно, как и началось. Иг. Вас. захрапел, а Вера Б. крадучись вышла в мою комнату умываться. Я её окликнула, тем более что мне было нехорошо с сердцем и хотелось выпить воды.

Это забитое испуганное существо начало мне объяснять, что, как и почему, говоря почтительно, что он очень устал, спит, и что не дай Бог, что было, даже бросил её на колени, заставляя себе целовать ноги. Причины ссоры я Вам не описываю — Иг.Вас., вероятно, Вам рассказал, однако каков бы ни был проступок — избивать беззачинную женщину — это ужас».

Вера Борисовна умела, когда надо прятать свой стальной характер и изображать из себя жертву. Обратим внимание на софизм № 18 в разделе «Блѣстки»: *«Ударить любимую женщину — самоубийство. Просто женщину — самооплевание»*. До сих пор не могу определённо решить, кем была Вера Борисовна для поэта, поскольку о сожительницах в «Блѣстках» нет ни слова.

Посмертное

О смерти Игоря-Северянина Георгий Шенгели узнал от кого-то из московских чекистов, возможно от генерала Ильина, хотя для конспирации списал известие на писателя Сергея Малашкина. Шенгели был первым, кто в марте 1942 года стихами почтил память собрата:

И всюду — за рыбной ловлею, в сиянье поэзоконцертовом —
Вы были наивно уверены, что Ваша жена королевича,
Что друг Ваш будет профессором, что все на почте конверты — Вам,
Что самое в мире грустное — как в парке плакала девочка.

Вы — каплей чистой радости, Вы — лентой яснейшей радуги,
Играя с Гебою ветреной, над юностью плыли нашею, —
И нет никого от Каспия, и нет никого от Ладоги,
Кто, слыша вас, не принёс бы Вам любовь свою полной чашею...

Два посмертных стихотворения в 1943 году написал таллиннский поэт Борис Новосадов-Тагго. Вот одно из них:

Не за нашу ли, за общую вину,
За пристрастие к весёлому вину,
За беспечную и грешную любовь,
За волнуемую вымыслами кровь,
За дерзание и злое удалство,
За лукавое земное естество,
За томительную пряную мечту
И за нашу вековую нищету —
Проклинают нас небесные чины,
Проклинают нас правители страны,
Проклинают нас седые торгаши,
Проклинают нас ревнители души,

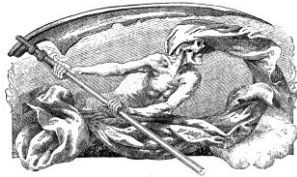
Ненавидят нас носители мечей,
Ненавидят нас артели палачей,
Обрекает нас неумолимый рок,
На цветения, увы, не долгий срок.

В 1946 году внезапно появилось ещё одно мрачное посмертное стихотворение Шенгели, словно поставившее точку в его отношениях с живым другом и мёртвым поэтом:

Вы приснились мне, Игорь, — и каким-то печальным,
Пожилым и печальным, в пене редких кудрей;
Четверть века умчалось; было юности жаль нам, —
И стихов попросил я поновей, поострей.

И бестембровый голос, как холодная пена,
Из которой Киприда отлетела в мираж,
Мне сказал: «...королева... и совсем не Шопена...»
И скучливо добавил: «...не любил её паж...»

Все зачёркнуто сразу! Кислородный мой Игорь!
Чьим стихом перед смертью надышаться б я мог!
Значит, в вас тоже пепел, та же выцветь и выгарь!
Те же гири на лире и на сердце замок!

Post Scriptum

Только не надо воображать, что чтение поэзии — это занятие лёгкое и легкомысленное. Это труд, требующий определённой читательской квалификации. Профессиональные читатели поймут, о чём это я. Непрофессионалы пусть постараются понять.

Не порхайте по строкам, написанным кровью сердца, словно японские туристы по Третьяковской галерее: щёлк там, щёлк здесь. И, Бога ради, не читайте всё подряд, ищите ту единственную строчку — *хлеб наш насущный даждь нам днесь*, — которая зацепит. Не старайтесь выучить стихи наизусть — в окаменелостях нет жизни. Читайте стихи с листа, лучше всего вслух, и пусть между вами и поэтом будет как можно меньше посредников. Только так каждый раз вы найдёте в знакомых уже строках нечто новое, созвучное вашему сиюминутному настроению. Читайте стихи на ночь, ибо поэзия создаёт особенное молитвенное настроение, облегчающее переход от стиха к молитве, от молитвы ко сну.

Будете соблюдать эти нехитрые правила, и поэзия даст вам утешение в печали и многократно усилит ваши радости.

Михаил Петров.

